

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ Алтайский государственный педагогический университет

УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORAL HISTORY)

в современной
исследовательской практике
на постсоветском пространстве

Ответственный редактор –
доктор исторических наук
Т. К. Щеглова

Барнаул • 2017

УДК УДК 930.2+94(470)
ББК 63.0я4+63.1(2)я4
У808

Ответственный редактор –
Щеглова Татьяна Кирилловна,
доктор исторических наук, профессор

У808 Устная история в современной исследовательской практике на
постсоветском пространстве : сборник научных статей / отв. ред.
Т. К. Щеглова. – Барнаул: Алтайский государственный педагогиче-
ский университет, 2017. – 238 с.
ISBN 978-5-88210-900-3

Авторами данного издания являются исследователи России, Арме-
нии, Казахстана, участники секции «Устная история как метод и источник эт-
нографических исследований» XII Конгресса антропологов и этнографов России
(г. Ижевск, 2–6 июля 2017 г.). В нем рассматриваются вопросы истории и методоло-
гии устной истории на постсоветском пространстве, способы и результаты ис-
пользования устной истории в социо-гуманитарных исследованиях. Предметом
исследования являются антропологические аспекты таких исторических собы-
тий XX столетия, как репрессии и война, связанные с травматическими места-
ми исторической памяти, а также феномен антропологии советскости и значение
устной истории для культурной антропологии.

Издание представляет интерес для историков, этнографов, антропологов,
специалистов в области источниковедения, методов исторических исследований,
теории и методологии истории.

ISBN 978-5-88210-900-3

© Т. К. Щеглова, концепция, составление, редак-
тирование, 2017

© Алтайский государственный педагогический
университет, 2017

**От редактора:
историческая память, устная история (oral history),
этнография и культурная антропология**

Статьи, включенные в данное издание, написаны авторами на основе их выступлений на секции №7 «Устная история как источник и метод этнографических исследований» XII Конгресса антропологов и этнологов России, проходившего 3–6 июля 2017 г. в городе Ижевске, а также слушателей, проявивших интерес к ее проблематике. Сложившийся формат публикаций материалов конгрессов (1993–2017 гг.) в виде резюме докладов (до 200 слов), как правило, не позволяет авторам полно проанализировать результаты исследований. Поэтому на секции было принято решение опубликовать полнотекстовые материалы.

В 2017 г. работа секции была посвящена вопросам развития этнических и социокультурных сообществ в контексте исторических событий и процессов XX столетия, а также путям и формам развития этнических культур. Внимание исследователей фокусировалось на методах работы с современной информационной средой, которая, наряду со следами традиционной материальной культуры представлена исторической памятью народов. В современных условиях, когда источниковая база полевых исследований все больше смещается в нематериальную область, изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях с помощью технологий устной истории приобретает большое значение. А антропологическое содержание исторического прошлого все больше ставится предметом исследований.

Во временных конфигурациях антропологическая информация в исторической памяти хранится в двух видах: в случае удаленного прошлого – в виде мифологизированных преданий, семейных легенд и былей, в случаях недавнего прошлого – в виде «life story» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива. Первый вид устной информации «собирается» этнографами или фольклористами, второй – добывается с помощью интервью с последующим документированием его материалов.

В первом случае информация (поговорки, сказания, присловья, эпос, календарный и свадебный обрядовый фольклор и другие виды информации) существует в готовом виде, фиксируется исследователями, является главным источником для этнографов, фольклористов,

часто лингвистов. Как правило, в данном случае речь идет о коллективной исторической памяти.

Во втором случае правильнее говорить, что исследователями при обращении к исторической памяти участников исторических событий с помощью интервью «создаются» исторические документы. В зарубежном аналоге – «фабрикуются» (от слова «фабрика» как производство) документы. И как бы исследователи ни называли полученные путем интервьюирования источники: «материалы историко-социологического интервью» (Е. С. Сеньявская), «материалы научного интервью» (М. В. Мокрова), «нарративы» (Г. Шагоян, А. Блюм), «эго-история» (С. А. Красильников, Н. Н. Аблажей), «устные исторические источники» (Т. К. Щеглова), «мемораты» и т. д., – они содержат ту антропологическую информацию, которая почти не фиксируется официальными документами и которая служит источником в том числе для этнографии, культурной и социальной антропологии. Но если с первыми источниками исследователи традиционных культур, народов и этнической истории работать привыкли, то использование ими методов, технологий и источников устной истории как сформировавшегося нового направления исследований – *oral history* – еще находится на стадии освоения, хотя современное этнографическое сообщество все больше приходит к пониманию необходимости расширения исследовательского арсенала в связи с изменением предмета исследования. Все дальше уходит в прошлое принцип изучения традиционной культуры того или иного народа как застывшего явления, так же как трансформируется традиция изучения этносов до 1917 г. Все больше звучит призыв к изучению этнических сообществ в контексте исторических процессов и событий на протяжении всего XX – начала XXI столетия.

На площадке секции «Устная история как источник и метод этнографических исследователей», которая начала работу в рамках Конгресса антропологов и этнографов России с 2001 г. (Нальчик), встречаются исследователи, работающие с информацией в исторической памяти в той и другой форме. Часть исследователей воспринимает устную историю именно как «неписаную» историю, хранящуюся в разных формах в коллективной исторической памяти. В опубликованных материалах последующих конгрессов (Омск, 2003; Оренбург, 2009; Петрозаводск, 2011; Екатеринбург, 2015; Ижевск, 2017) много выступлений было посвящено народам и их культурам с опорой на историческую коллективную память в фольклорной форме или устных преданиях, собранных исследователями в сельской и городской

этнической информационной среде. Далекие события в интерпретации современных носителей коллективной исторической памяти позволяют исследователю выходить на проблемы этничности, идентичности, ментальности и т. п. Благодаря устной истории этносов и мифологизации исторического прошлого в ней глубина измерения прошлого позволяет исследователям опускаться вглубь веков.

Вторая группа исследователей воспринимает устную историю как историю этносоциумов в XX – начале XXI столетия, границы которой маркируются памятью о прошлых событиях, участники которых живы и являются носителями информации о них. При создании устных исторических источников по недавнему прошлому исследователь опирается на историческую память непосредственных участников событий, в крайнем случае на семейные и жизненные истории (life story), хранящиеся на уровне 2–3 поколений. Основным источником является эмпирический жизненный опыт современного населения – как в периоды стабильной повседневной жизни, так и в периоды кардинальных перемен. На постсоветском пространстве устная история особенно востребована для изучения этносоциальных групп в экстремальных условиях, связанных с разрушительными для семейного коллектива обстоятельствами. К нарушающим стабильную повседневность событиям в XX в. относились партийно-государственные кампании переустройства общества, его быта и культуры, а также масштабные события – войны и репрессии, характеризующиеся экстремальными условиями жизнедеятельности. Другой особенностью устной истории XX столетия является советская история, которая имеет четкие хронологические границы и самостоятельный культурный пласт, маркирующий в менталитете и поведение «советского человека», повлиявшие на развитие народов и культур.

В наши дни устная история с ее выходом на антропологические аспекты исторических событий все больше приобретает методологическое значение для социогуманитарных наук. Этим объясняется междисциплинарный состав участников работы секции, на которой в обсуждении антропологического содержания прошлого и настоящего наряду с этнографами участвовали историки, фольклористы, культурологи, философы, социологи и др.

Именно антропологический дискурс обусловил структуру сборника. В него вошли работы с опорой на историческую память и эмпирический опыт непосредственных участников событий. Первый раздел посвящен истории, теоретико-методологическим и методическим проблемам устной истории. Остальные статьи сгруппированы

по темам. Тематические блоки отражают те направления исследований, которые наиболее проработаны в научной практике на постсоветском пространстве: антропология репрессий: травматические места в исторической памяти; военная антропология: повседневные практики человек в военной обстановке; антропология советскости и культурная антропология. Внутри разделов работы располагаются в соответствии с фамилиями авторов по алфавиту.

Татьяна Кирилловна Щеглова

Аблажей Наталья Николаевна

Реконструкция поселенческой системы армянской ссылки на Алтае методами традиционной и устной истории¹

*Новосибирский государственный университет; Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка на конкретно-исторических данных и материалах устной истории определить месторасположение и описать поселения, имеющие статус режимных. На примере двух районов Алтайского края, расположенных в зоне Салаирского кряжа, восстановлена дислокация спецпоселков, в которые попали депортированные в 1949 г. армяне. Показаны информационные возможности нарратива в изучении поселенческой структуры ссылки.

Ключевые слова: *депортация, система спецпоселений, спецпоселок, Алтай, армяне.*

По итогам переписи ссыльных, проведенной МВД СССР в начале 1949 г., на территории Алтайского края ссылку отбывали 105 тыс. чел., в том числе 86,7 тыс. немцев, почти 18 тыс. калмыков и около тысячи бывших кулаков [1, с. 165, 187]. За годы войны Алтай превратился в регион массовой ссылки, в том числе этнической, и продолжал таковым оставаться и после ее окончания. Последняя крупная партия ссыльных (ок. 20 тыс. чел.) из Армении, Грузии, Азербайджана, Молдавии поступила на Алтай летом 1949 г.

К середине 1930-х гг. в регионе сформировалась разветвленная сеть поселений (трудпоселков/спецпоселков), в силу своей режимности фактически обладавших элементами экстерриториальности, которые управлялись поселковыми и районными комендатурами. Спецкомендатуры были главным звеном в системе ссылки. Именно они выполняли функции «обеспечения режима» и «надзора за жизнедеятельностью» ссыльных. В период апогея системы спецпоселков их численность по всей стране оценивалась по данным Отдела спец-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-21-200001.

поселений МВД СССР в 17,5 тыс., половина территориально находилась в Сибири. Несмотря на наличие данных по дислокации, в отличие от карты лагерей ГУЛАГа, исследователям до сих пор не удалось создать карту спецпоселений. Единичным примером можно считать интерактивную карту Пермского края, соединившую картографию лагерей и спецпоселений (<http://www.pmeem.ru>), разработанную Пермским краевым обществом «Мемориал». Изучение спецпоселений на микроуровне наглядно показывает, что система была очень сложной и разветвленной.

Алтай не формировался как «резервация» для ссыльных. Когда в СССР в начале 1930-х гг. начались массовые депортации, в ряде регионов страны, прежде всего в северных и труднодоступных районах, возникли особые (специальные) зоны, которые стали «зонами ссылки». Для управления этими территориями создавались специальные территориальные спецкомендатуры, на балансе которых могло числиться по 10–20 тыс. ссыльных. На Алтае комендатур такого рода не было, однако депортации предвоенного и военного времени сделали ссылку на Алтае повсеместной. К этому времени власть уже не стремилась отделить ссыльных от остальных советских граждан, поэтому депортированные и местные жители в основном проживали совместно. После войны статус спецпоселков имела почти тысяча населенных пунктов Алтая, т. е. таковым было почти каждое пятое поселение.

Каждая депортация корректировала спецпоселенческую систему. В 1949 г. в Алтайском крае была проведена очередная реорганизация комендатур. В начале года в крае было 139 комендатур, к середине ноября — 160, а к концу года — 162 [2, л. 91]. Прибывшие в начале июля 1949 г. из Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края 3837 армянских семей были взяты на учет 40 спецкомендатурами, т. е. каждой четвертой. Армян разместили на территории 27 районов края. Согласно суммарным данным, численность высланных с Кавказа составила 3837 семей, или 15 700 чел. В разрезе районов расселение было следующим: Алейский — 144 семей (633 чел.); Баевский — 236 (991); Благовещенский — 124 (441); Бурлинский — 302 (1313); Залесовский — 145 (493); Змеиногорский — 59 (297); Знаменский — 223 (1041); Зональный — 125 (490); Калманский — 187 (608); Косихинский — 63 (211); Краюшкинский — 98 (315); Локтевский — 54 (271); Павловский — 29 (135); Парфеновский — 16 (50); Пospelихинский — 155 (703); Родинский — 174 (585); Рубцовский — 151/605; Славгородский — 321 (1479); Сорокинский — 359 (1470); Суетский — 61 (274); Топчихинский — 47 (168); Тре-

тьяковский – 24 (129); Троицкий – 122 (487); Угловский – 305 (1325); Усть-Калманский – 172 (668); Шипуновский – 62 (233); Яминский – 70 (280) [3, л. 86–86 об.].

Приблизительно $\frac{1}{6}$ армянского контингента была направлена в северо-восточные районы, расположенные в предгорьях Салаирского кряжа. В самый северный, а точнее, северо-восточный район Алтайского края – Залесовский – отправили 145 семей (493 чел.). Армяне предназначались для комендатур с порядковыми номерами 46 (Залесовская) и 47 (Черемушкинская). В Залесовском районе начиная с 1941 г. отбывали ссылку около полутора тысяч немцев из Поволжья. Но если основная масса немцев оказалась в центральной и западной части района, то армяне – в северо-восточной. Восточная часть – это уже предгорья Салаирского кряжа, представляющие собой непроходимую тайгу с многочисленными косогорами и долинами по извилистым речкам. Что касается Черемушкинской спецкомендатуры, объединявшей 18 сел, включая и райцентр – село Залесово, основанное еще в середине XVIII в. старообрядцами, то здесь оставили всего 60 армян. В 1949 г. численность населения составляла 6 тыс. чел., среди которых числились около 200 ссыльных немцев. Ссыльных армян либо оставляли в Залесово, либо распределили в близлежащие колхозы, однако постепенно ссыльные перебирались в райцентр.

Основная масса ссыльных армян, попавших в Залесовский район, оказалась в спецкомендатуре № 46. В первых числах июля 1949 г. в подчинение старшему сержанту Чукову поступило 433 чел. Штаб комендатуры располагался в райотделе МВД в Залесово, но базировалась она в Каменском леспромхозе, который был учрежден незадолго до прибытия «контингента с Кавказа». Развитие Каменского (переименованного впоследствии в Залесовский) леспромхоза напрямую увязывали с поступлением новой партии ссыльных. Леспромхоз был образован на базе лесозаготовительного участка Шипицинского леспромхоза и начал свою деятельность как самостоятельное предприятие 1 мая 1949 г. Лесозаготовки и сплав велись по рекам Выдриха и Каменка. Местом жительства для большинства армян, попавших в эту спецкомендатуру, стал поселок Кордон. Именно 1949 год официально считается временем основания поселения, хотя известно оно со второй половины 1930-х гг. Обычно кордонами называли отдаленные поселения, находящиеся где-то на границе освоенного, жилого пространства. Таежная часть района, занимаемая предгорьями Салаирского кряжа, числилась как «земли государственного лес-

ного фонда», а поселок Кордон должен был стать главным поселением на этой обширной территории. Помимо Кордона, к спецкомендатуре территориально относились также села Плотниково, Горяевка и поселок Прогресс. Ссылные, попавшие туда, оказались в колхозах.

К моменту прибытия армян в Кордоне, конечно, уже были какие-то жители, хотя поселок только начинал строиться и развиваться. Тайги здесь уже не было. Поселение стояло на реке Каменке, или Каменушке, как называли ее местные жители. Именно по ней сплавляли весной лес из верховий. Первыми жителями Кордона стали окрестные крестьяне, часть которых стремилась уйти из колхозов и получить стабильный заработок. Таковую возможность леспромхоз давал. В зимнее время в поселке количество крестьян из окрестных сел увеличивалось, поскольку к лесозаготовкам привлекали и колхозы. Однако назвать эти работы отходничеством нельзя: по сути, это был один из видов трудовой повинности.

Некоторое представление о Кордоне того времени дают свидетельства Виктора Мельбусова, которому хотя и было в 1949 г. семь лет, но детские воспоминания, связанные с переездом семьи в Кордон, в памяти сохранились. *«...В 1949 году здесь домов шесть было, наверное, потом начали жилые бараки строить. Основные-то люди [были] из колхозов, шли из деревень, приезжали из старого леспромхоза с Шипицино... Я пришел сюда с родителями пешком из деревни Шипуново. Все хозяйство (ульи с пчелами) и скарб на корове привезли. Отец с дедом лес здесь валили... Мы по первости в бараке жили, в два яруса нары... на нижнем ярусе мы спали, молодые и старые вместе... Потом в землянку ушли жить (отец так решил), а потом с кем-то на пару срубили домик из круглого леса пять на пять [метров], наверное, размером... Мы жили там, где бугор, ручей там течет. Там раньше, видать, в войну колхозники лес возили. Землянки там остались. Сюда приезжали работать колхозники со своими лошадьми – русские и калмыки. Речка-то была большая, глубокая, особенно в разлив. Река бушевала, разливалась весной, а сейчас перешагнуть можно. Речка совсем маленькая стала, потому что лес вырубали... Дорога от реки наверх шла, по ней лес на лошадях от реки возили, техники-то по первости не было, там, повыше от реки, поселок и строился».*

Прибывших в Кордон армян поселили у реки, где разбили палаточный городок [4, л. 85]. В 48 армейских палатках разместили 75 семей. Палатки, конечно, рассматривались как временное жилье, и поскольку зима была за горами, вопрос «как перезимовать» был пер-

воочередным. Руководство треста «Алтайлес» даже представило в УМВД «заверительное письмо» с обязательством «всех принятых выселенцев до 15 августа разместить в квартирах, пригодных для жизни в зимних условиях» [5, л. 60]. Краевое управление МВД, в свою очередь, предупредило руководство треста, что если не будет решен вопрос с «расквартированием» выселенцев, то их передадут другой хозяйственной организации.

Палаточный городок армян в Кордоне старожилы помнят до сих пор. *«Тут по первости поляна была... недалеко от реки. Палатки здесь были. Такой поселочек был. Жили армяне в палатках первое время. Жилья-то ведь шибко не было... Потом им построили барак. Барака сейчас этого нет. Стоял он ниже, у реки. Армянский барак был длинный-длинный такой, не брусовой, а рубленый, из круглого леса. Один тут был такой. Пилорамы тогда не было. Бруса-то, как говорится, не напасешься. Только начинало все строиться. Строили дома кто как. Сами рубили... Сейчас место это как-то изменилось. Ведь ходили здесь... Людей было много. Много в нем людей жило. Там потом и русские жили, не только армяне... Армяне везде строились... там, повыше от реки... по всему поселку, где строились, там и жили. Строить стали больше, когда пилораму построили».*

Запомнился приезд в поселок армян и уроженке Кордона Полине Куковьякиной, которой было тогда 12 лет: *«...В палатках армяне жили до самой зимы... знаю, что тут 50 семей было, жили в бараке-общежитии у речки, и на горе, там стали строить, избушки делали. Эта улица была армянской. Построят хибарку, а потом еще и еще. Квартиры им не давали. Леспромхоз стал строиться – и квартиры только потом им стали давать».*

В начале зимы из палаток армяне перебрались в основном в землянки и бараки. Строительство жилья шло, но не так быстро, как требовалось. Стандартным объяснением администрации леспромхоза была «нехватка строительных материалов», несмотря на обилие леса в округе. Для ссыльных армян в Кордоне жилищный вопрос долго оставался первоочередным. Но таким он был и для местных. И решать его приходилось самим переселенцам.

В соседний Сорокинский район определили 359 армянских семей (1 470 человек). На тот момент в районе на поселении уже числилось более полутора тысяч немцев. После прибытия армян население возросло до 12,5 тыс. чел., четверть из которых были ссыльными; в районе было около 200 поселений, объединенных в 25 сельсоветов [4, л. 68–69]. Райцентр, село Сорокино, ведет свою историю с 1748 г.

К концу 1940-х гг. в нем (вместе с близлежащими поселениями) было почти 1200 домохозяйств. Недалеко от села проходила железная дорога, где строилась станция Заринская, ее иногда именовали Заря или Заринск-Новостройка. В само Сорокино ссыльные армяне начали перебираться ближе к середине 1950-х гг., когда режим ссылки смягчился. Изначально армян расселили на территории Малого Мунгайского, Хмелевского и Боровлянского сельсоветов, где действовали две комендатуры. В распоряжение коменданта Моргачева поступили 768 армян, под надзор коменданту Истомину передали 708 чел. [4, л. 291]. После присоединения в апреле 1949 г. всем комендатурам Алтайского края порядковых номеров, а таковых на тот момент было 139, комендатуры, дислоцированные в Сорокинском районе, получили порядковые номера 97 (Сорокинская) и 98 (Хмелевская) [3, л. 148]. Дополнительная нумерация 20 новых спецкомендатур УМВД была спущена в ноябре 1949 г., тогда здесь добавились еще две – Афонинская (№ 150) и Тягунская (№ 151). Изначально всех прибывших армян поставили на учет именно в 97-ю и 98-ю комендатуры. (Не исключено, что часть контингента Аламбайской комендатуры была вскоре передана под надзор Тягунской.)

«Дашнакский контингент» предназначался также Аламбайскому и Тягунскому леспромхозам; последний на момент прибытия ссыльных находился в стадии становления. Именно этим можно объяснить тот факт, что в некоторые села Сорокинского района армян привезли только поздней осенью 1949 г. Доступное нам делопроизводство краевого УМВД не позволило выявить список поселений района, отнесенных в ведение той или иной комендатуры, и зафиксировать первоначальное расселение армян. Однако на основании учетных материалов ссыльных, районного архива ЗАГСа и похозяйственных книг сельсоветов можно констатировать, что армяне оказались в селах Сорокино, Хмелевка, Залесиха, Блиново, Аламбай, деревнях Мостовая и Дресвянка, поселке Мишиха, на станциях Заринская (Сорокино-Новостройка) и Тягун, разъезде Анатолия, лесоучастках Верх-Инкара, Рассыпная, Размышка, Заимка, 13-й квартал. При этом основная масса ссыльных армян оказалось в Сорокино, Хмелевке, Тягуне, Верх-Инкаре и Рассыпной.

С конца 1940-х гг. обширная таежная зона на севере Сорокинского района – просторы Тягуна и Аламбая – попала в зону освоения, что было связано с началом интенсивных лесозаготовок и строительством железной дороги в Кузбасс. Но так как железной дороги еще не было, ссыльных везли старым Екатеринбургским трактом, ко-

торый связывал Томск и Кузнецк (он же Сталинск, Новокузнецк) с Барнаулом. В Сорокинском районе тракт шел через Голубцово – Новокопылово – Сорокино – Хмелевку, дальше на Салаирский кряж в деревни Мало-Мунгай, Шихтовка, Аламбай, Будки, потом через Кресты и Новостроевскую уходил на территорию Кемеровской области (Осиновка, Салаир, Гурьевск, Сталинск). До Салаира тракт представлял собой широкую накатанную грунтовую дорогу, которая потом резко сужалась. Сейчас этой дорогой не пользуются, проехать по ней пытаются только те, кто занимается экстремальным туризмом.

Село Хмелевка (Салаирское), расположенное в центральной части Сорокинского района прямо на тракте, было основано беглыми и ссыльными еще в 1788 г. Поселение расположено в живописном месте на берегу реки Хмелевка у предгорий Салаирского кряжа. К концу XIX в. здесь насчитывалось около 400 дворов. Село сильно пострадало в Гражданскую войну, но уже в 1926 г. здесь насчитывалось 388 дворов, проживало 1734 жителя. Первых ссыльных Аламбаевский леспромхоз принял накануне войны; на рубеже 1940–1950-х гг. в селе жило около 2 тыс. чел. Деревня считалась очень большой, имела даже средняя школа. Всего на территории Хмелевского сельсовета числилось шесть поселений общей численностью около 2,5 тыс. чел. [6]. Хмелевка была центральной усадьбой сельсовета, здесь находились контора Аламбаевского леспромхоза и комендатура. Многие ссыльные всеми силами стремились перебраться именно в Хмелевку; к середине 1950-х гг. здесь проживало около 300 ссыльных армян.

Жили все по-разному. На усадьбе местного жителя Владимира в огороде до сих пор сохранилась яма, где была землянка, построенная армянами. Сейчас там растет черемуха. По воспоминаниям хозяина усадьбы, их соседями по Базарной улице в Хмелевке была семья репатриантов из Персии. *«Яма осталась. Здесь была землянка. Землянка – это знаете как: в землю выкопано метра полтора, сверху обложено бревнами (как сруб), ряда четыре, и крышка сверху. Ну как в подвал, как в подвальное помещение, заход такой. Навверху, где сруб, окошечки были маленькие Печка была в землянке, „камелек“. Комната только одна. Было их: отец, мать, два сына, дочка (или сноха – не знаю) и маленький сын – мой ровесник. Шесть человек... Про Персию они с дедом моим говорили, общий интерес у них был, дед мой там был, воевал в Первую мировую, Георгием награжден был. Со старшим все время какие-то разговоры [у деда] были. Дед уже позже говорил, что пожалели они [армяне], что с Ирана уе-*

хали... Тянуло их на РОДИНУ, а их вместо родины — СЮДА. А наших-то отсюда в Нарым ссылали...»

Постепенно на улицах Хмелевки, Сорокино стали появляться небольшие саманные домики, также построенные армянами; некоторые из них сохранились до сих пор.

За Хмелевкой и окружающими ее селами (Комарчиха, Большая и Малая Савиха, Калманка, Большой Мунгай, Серёжиха, Лебедиха, Шихтовка), административно относящимися к разным сельсоветам, начиналась «чернь», так на Алтае называют тайгу. Дорога в сторону Салаира от Хмелевки до Рассыпной, по которое шли обозы со ссыльными, описана в воспоминаниях Овивяна. Это была не трактовая, а обычная проселочная дорога. Скорее всего, маршрут шел через Комарчиху, Ново-Смольниково, Карчево, далее на Размышку и Рассыпную. На армян, многие из которых не видели леса, эта часть пути в ссылку произвела большое впечатление: «2-го июля в 9 часов утра мобилизовали все запряженные волами и лошадьми подводы из близлежащих колхозов и совхозов. Мы все устроились на телегах. Жена с дочкой и с постелью — на одной повозке, а я с двумя сыновьями — на другой, и двинулись в путь в неизвестном направлении. До полудня ехали то через [леса], то через поля. В полдень доехали до какой-то деревни с бревенчатыми домами, здесь остановились на час. Еды у нас не было. Здесь у местных русских хоть и не было хлеба, но была картошка. Многие, у кого были деньги, купили. Я ничего не мог купить. Тогда я обменял одно из платьев жены на картошку. Нам дали достаточно картошки, мы на месте ее сварили, плотно поели и всё, что осталось, взяли с собой. Через 2 часа мы выехали из деревни, которая, как потом выяснилось, называлась Комарчиха. Не прошло и часу, мы оказались в темном лесу, где еле пробивались солнечные лучи. Это была уже не прежняя пыльная дорога. Хотя мы двигались в том же направлении, но здесь было чисто, и мы шли босиком, чтобы не устать. В лесу местами были болота, местами маленькие ручейки, надо было переходить через них. Никаких мостиков не было, но почва была мягкой, и мы не повредили свои ноги. Мы не имели права ехать, сидя на телеге, это разрешалось только старикам и несовершеннолетним детям... Наступило 10 часов вечера, было еще светло, наш караван растянулся на 2 километра...» Далее Овивян приводит распределение 170 семей по Сорокинскому району: «Сорокино, районный центр, который можно считать городом, — 30 семей, Хмелевка, центр сельсовета, — 30 семей, Блиново — 20 семей, Размышка (лес) — 10 семей, Таловка (лес) — 10 семей, Черная речка (лес) — 20

семей, Кедровка (лес) – 20 семей, Рассыпная (лес) – 20 семей, Тягун (лес) – 10 семей» [7].

Армян расселили на территории, расположенной между Хмелевкой, Аламбаем и Тягуном. Хмелевку и Тягун без труда можно найти на карте Заринского района. Под Аламбаем местные жители имеют в виду скорее железнодорожную станцию, чем село, расположенное на старом Екатерининском тракте; старого Аламбая сейчас нет, на его месте только поляна и кладбище (точно так же нет и многих других поселений, о которых пойдет речь. Сегодня о них с трудом вспоминают только старожилы, а молодежь и вовсе не знает). В конце 1940-х – начале 1950-х гг. северо-восточная часть Сорокинского района была относительно плотно заселена. Этому поспособствовала в том числе и ссылка. На территории Мало-Мунгайского сельсовета хотя и имелось 18 поселений, но суммарная численность составляла всего 240 домохозяйств, или около 1000 населения [6]. Интересующие нас поселения Аламбай и Инкара насчитывали 50 и 35 домохозяйств. В 1956 г. Мало-Мунгайский сельсовет был ликвидирован, его населенные пункты переданы в Хмелевский сельсовет. На территории Боровлянского сельсовета населения было существенно больше – около 1,1 тыс. домохозяйств (3,7 тыс. чел.) [6]. В этом сельсовете имелось 11 поселений, в том числе небезызвестный армянам Тягун. Позднее этот поселок стал центром Тягунского сельсовета. Что касается Комарчинского сельсовета, то здесь в 25 поселениях жили лишь 1,1 тыс. чел. При этом довольно крупным поселком была д. Рассыпная (72 домохозяйства, ок. 200 чел.).

На лесоучастках постоянного населения почти не было. Например, в Кедровке, куда попало 20 армянских семей, армян постоянно проживало всего несколько домохозяйств. *«Кедровка – это было место нашей ссылки... Здесь было только три семьи русских, которые нам рассказали, что и они в свое время были ссыльными. Но с тех пор прошло уже много времени, и они свыклись с местными условиями и стали коренными жителями. Нам показали кладбище на окраине леса, размеры которого нас удивили. Обитель, состоящая из трех семей, и такое кладбище – это было для нас непонятно. Впоследствии нам объяснили, что начиная с 1925 года здесь побывали ссыльные, большинство из которых стали частью этого дома смерти... Все наше село, если можно назвать селом эту нашу обитель, состояло из двух деревянных барачков (ISB – изб), которые были очень узкими и бревна были гнилыми, однако угрозы, что они развалятся, не было, так как бревна были сплетены друг с другом. Эти ISBA-ы были*

построены министерством лесной промышленности с двумя целями: первая – в зимние периоды, когда в колхозах нет посевных и уборочных работ, каждый колхоз должен был отправить на определенное время определенное число работников рубить зимой лес до того, как у них начнутся полевые работы. Вторая – быть пристанищем для ссыльных, непрерывно присылаемых гениальным отцом Сталиным из разных краев страны» [7].

Сегодня Салаирский кряж является главной природной достопримечательностью Заринского (бывшего Сорокинского) района. Наиболее высокой частью Салаира считается Тягунский хребет, который первоначально именовался Зародом. До сих пор эти территории не заселены и считаются труднодоступными. Протяженный западный склон хребта дал название всему участку кряжа и одному из крупных поселений на территории Заринского района – станции Тягун. Этимология названия связана с тем, что на участке железной дороги, проложенной по склону хребта, составы приходилось тянуть на двойной тяге.

Бурное развитие поселка и станции Тягун совпало с началом деятельности леспромхоза и строительством железной дороги «Барнаул – Сталинск» (нынешний Новокузнецк). Датой основания поселения считается 25 июля 1948 г., когда приказом по тресту «Алтайлес» № 223 на базе Аламбаевского леспромхоза (с. Хмелевка) был создан Тягунский мехлесопункт; 19 ноября того же года другим приказом за № 556 он был выделен из состава Аламбаевского леспромхоза и передан создаваемому Тягунскому леспромхозу [8, с. 48].

Железную дорогу на Кузбасс начали строить еще в 1941 г., но строительство вскоре прекратили, а полотно частично разобрали для нужд фронта. Строительство возобновили в конце войны. Дорогу строили одновременно с Алтая и Кузбасса. Осенью 1945 г. на строительстве дороги пригнали пленных японцев, в основном добывавших камень и отсыпавших полотно. Японцы работали на строительстве вплоть до их репатриации в Японию в 1947 г. В нескольких километрах от будущей станции существовало поселение, известное сегодня как Старый Тягун. Когда-то там мыли золото и был прииск, но к этому времени его уже закрыли. Сегодня такого поселения нет. Однако многие жители современного Тягуна родились именно здесь, а на заросшем березняком кладбище похоронены их родные.

Приезд армян в Тягун запомнился. Дело было уже не летом, а осенью 1949 г. Местные вспоминают, что перевозили ссыльных фактически до зимы, а потом еще и весной 1950 г. События, связанные с

приездом армян в Тягун поздней осенью 1949 г, запомнились еще и в связи с несчастным случаем, который произошел с 9-летним мальчиком Колей. Об этой истории нам поведала его старшая сестра Варвара Мальцева: *«Везли армян к нам партиями. Привезли их на тракторах. Кого в Новом Тягуне оставили, а кого у нас, в Старом Тягуне. В тот день брату руку и оторвало... Имущество их перевозили на тракторах с санями (лес так возили). Слезли они и имущество разгрузили. А трактора пошли за другой партией. Ребятишки-то никогда тракторов не видели, к нам трактора до этого не ездили. Попросились прокатиться. Шофер и посадил человек семь, и брат мой старший там был. Трос, которым лес цепляли, там почему-то был не закреплен, а ребятишки его и столкнули, а он попал под гусеницу, а рука в петлю попала, вот и оторвало... Хорошо, что фельдшер была, руку оторванную убрала и перевязала, а потом в больницу брата отвезли. Две недели он отлежал в Сорокино в больнице и мать наша с ним, а потом он еще в Зыряновке у деверя жил, пока рана не заросла, а мать к нам вернулась».*

Ссылные армяне и вольнонаемные, прибывавшие сюда по набору, стали первыми жителями поселка-станции Тягун. Железнодорожное полотно здесь уложили в 1948 г., но дорога еще несколько лет была во временной эксплуатации. Старожилы вспоминают, что первое жилье и контора леспромхоза располагались в приспособленных железнодорожных вагонах. Старожилы Аламбая вспоминают, что в районе будущего поселка *«вырубали лес в непроходимой тайге, корчевали пни, строили жилье; землю, где трава росла выше человеческого роста, разрабатывали под огороды».* В 1950 г. в Тягуне построили крупное железнодорожное депо. В 1952 г. на станцию пришел первый поезд, состоялся митинг по случаю завершения строительства. Хотя дорогу и построили, но люди вспоминают, что поезд ходил только от Барнаула до Анатолия, а до Тягуна можно было добраться только на дрезине. В те годы Тягун стремительно развивался. Центром сельсовета продолжала оставаться Боравлянка, но комендатура была в Тягуне. К середине 1950-х гг. в Тягуне проживало более 12 тыс. чел. В начале 1950-х гг. в планах было основать здесь город и назвать его «Победа», однако им не суждено было сбыться.

Совсем не похожа на сказку жизнь в Тягуне, какой она была в 1949 г. Первую зиму ссылным армянам пришлось пережить в тяжелых условиях. По свидетельствам старожиллов, армян размещали везде: на квартирах, в учреждениях, но главным образом в землянках, которые они сами рыли на ближайших к поселку сопках. В отчете

те в Москву в отдел спецпоселений МВД СССР краевой отдел внутренних дел признавал, что на середину августа 1949 г. «в Сорокинском районе в отдельных домах проживали только 20 семей, в порядке уплотнения – 264 семьи, в помещениях, не пригодных для жизни в зимних условиях, – 75 семей, в том числе размещены в палатках 33 семьи» [5, л. 60].

«В Тягуне армян разместили кого «на квартире», но... шибко-то не принимали – некуда,домишки у всех маленькие, а семьи большие. Ну и расселили их сначала в амбары казенные, в бывшую контору и магазин, которые у нас уже не работали. Магазин в Новом Тягуне был, туда все ходили. Потом они все ходили, просились, чтобы приняли».

В первые месяцы после прибытия у спецпоселенцев-армян, размещенных в леспромхозах Сорокинского района, сложилась крайне тяжелая ситуация со снабжением продовольствием. В отличие от аграрных зон, где были колхозы и совхозы, а продукты можно было получить авансом за будущие трудодни или за наличные, в снабжении леспромхозов случались перебои. Особенно обострилась эта проблема в Тягунском леспромхозе осенью 1949 г., когда из-за труднодоступности и бездорожья перерывы в завозе хлеба и других продуктов порой составляли от 3 до 8 суток. Продукты можно было купить только у местных жителей, и для этого армянам приходилось продавать привезенные с собой носильные вещи и предметы домашнего обихода.

«Самыми счастливыми оказались армянские ссыльные в Хмелевке, Сорокино, Блиново и Рассыпной, так как там они имели возможность продавать свою одежду и обменивать на еду, в то время как мы, находясь в глубине леса, где не было населения, были лишены этой привилегии и часто были вынуждены идти 3 км до рынка в Хмелевке, чтобы продать часть одежды и иметь возможность купить еду. В нашем поселении в силу отсутствия населения этой возможности не было... Самой близкой деревней для нас была Рассыпная, 8 километров. Здесь было 50 семей русских, с которыми можно было обмениваться... Имея в виду, что у местных ничего, кроме картошки и молока, не было, чтобы дать нам, можно представить, каким плачевным было наше состояние. Надеяться на государство было невозможно, хотя для нашего снабжения был открыт магазин, где были разнообразные продукты, но многие из нас не имели денег на покупки и надежды их занять тоже» [7].

Для многих ссыльных армян, попавших в Сорокинский район, еще одним памятным местом стал Аламбай. Сегодня центром Алам-

байского сельсовета является одноименная станция. Контора Аламбайского леспромхоза первоначально была в Хмелевке. Название леспромхозу дала река Аламбай, где, собственно, и велись вырубки. Лес вырубали прямо у таежного поселка, названного по имени реки, который стоял на тракте. Сегодня довольно сложно реконструировать расположение лесоучастков, находившихся в ведении Аламбаевского и Тягунского леспромхозов. Зона вырубки находилась между Средней и Нижней Инкарой, Размышкой, Рассыпной и Кедровой. Некоторые из этих поселений были спецпоселками еще с конца 1930-х гг. Именно здесь и оказались армяне. Документ, случайно обнаруженный нами на обороте одной из страниц отчета за 1943 г. Аламбайского леспромхоза, датированного июнем 1941 г., наглядно иллюстрирует состояние спецпоселенческих поселков Аламбайского ЛПХ. Работавшая здесь сотрудница государственной санитарной инспекции Алтайского края не только зафиксировала грубые нарушения (перенаселенность бараков, крайнюю засоренность территорий поселка, отсутствие туалетов), но и вынуждена была наложить на Аламбайский леспромхоз штраф в тысячу рублей [9].

На таежной реке Инкара было два поселка; Верх-Инкара находилась в 20 км севернее Тягуна, а Нижняя Инкара — в 4 км ниже Верх-Инкары. Инкарский лесоучасток начали осваивать еще в 1944 г. Близ Рассыпной валили лес для железной дороги; здесь же располагался прииск по добыче россыпного золота. Сейчас местность, где была когда-то деревня Рассыпная, привлекает исключительно любителей скалолазания. По воспоминаниям жившего в Рассыпной А. Д. Тимофеева, именно здесь проживал «участковый над армянами». Дальше вглубь тайги на реке Аламбай располагалась деревня Кедровка, в 2 км севернее станции Аламбай — заимка «13-й квартал», которая значится сегодня в некоторых туристических маршрутах как «бывший лагерь-поселение». Сейчас вообще трудно себе представить, что по рекам Инкара и Аламбай осуществлялся лесосплав, поскольку из-за хищнической вырубки верховья реки сильно обмелели.

Именно в этом «медвежьем углу», где-то между реками Инкарой и Аламбаем, и была легендарная «Еревань». Среди местных жителей Хмелевки до сих пор бытует мнение, что ссыльные армяне в тайге построили себе деревню «Еревань». Некоторые старожилы Хмелевки и Тягуна уверяют, что детьми неоднократно бывали в «Ереване». Его без тени сомнения нарисовал в виде карты бывший работник леспромхоза Сергеев Михайлович Иванович, родители которого в 1951 г. переехали на Инкару. *«Армян я помню. На Верхней Инка-*

ре было немного армян, семьи 2–3. В основном жили между Титовской и Ашихминской заимками, километр от одной и от другой. Там была Армянская горка, где жило 5 или 6 семей. Это вниз по речке Инкаре. Ниже еще километров пять был поселок Размышка, там тоже пара семей армян была. А в основном от Размышки, как по дороге на Карачево, там поселок был, Еревань, так назывался. Там я точно не знаю сколько семей было, но там поселок был, домов... дома-то потом отстроили, сначала землянки были. Это, по рассказу отца, пять километров от развилки между дорогой на Будки и на Карачево и была Еревань. Там наверное, все-таки семей 30 было или 20, по рассказам. Привезли их туда осенью, по рассказам, семьями, с детьми, осенью они копали землянки и зимовали первую зиму в землянках. А потом — армяне-то народ такой, строительный, — на следующий год построили домишки и жили в домах. Первую зиму очень трудно им было. В основном выживали, потому что старожилы им помогали: и пищей, и одеждой, и всем. Много детей померло, потому что трудно там, конечно, было, холодно. Потом обжились... Можно найти это место без проблем. С Тягуна [нужно] будет заехать на прямую, сейчас трудно, как раньше ездили постоянно. А вот с бывшего поселка с Карачева, там сейчас маральник, вот от маральника расстояние километров 5–6. Прямо на развилке дороги на Будки и Размышку. По левую сторону от Карачево как едешь, там полянка, там еще ямки от их домов сохранились... Армянских могил я там не помню, кресты-то давно сгнили...»

Сами бывшие ссыльные в своих воспоминаниях «Еревань» никогда не упоминали. Не упоминается такое поселение и в перечне населенных пунктов района. Нет его и в записях районного архива ЗАГСа. Скорее всего, армян, занятых на лесозаготовках, действительно компактно расселили в зоне вышеперечисленных поселений. Это место местные и окрестили «Еревань» (от «Ереван»), что вполне понятно. Возможно, районы компактного проживания армян могли обозначаться неофициальными топонимами, но официально спецпоселенцы были приписаны и числились за поселениями, которые одновременно были спецпоселками. Фактически зона между Инкарой и Аламбаем стала одним распыленным поселением.

В 1955–1957 гг. большинство армян, депортированных в Алтайский край, вернулось на родину. Территориальная мобильность населения, оказавшегося на Алтае в 1949 г., была определена не индивидуальными стратегиями, а особым типом мобильности, носящей принудительный характер. Попытка государства осваивать отдален-

ные территории страны методами «штрафной колонизации» оказалась дорогостоящим, а в долгосрочной перспективе – и малоэффективным проектом.

Источники и литература

1. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.
2. Информационный центр УМВД по Алтайскому краю (ИЦ УМВД по АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 52.
3. ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1с. Д. 64.
4. ИЦ УМВД по АК. Ф. 8. Д. 3.
5. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 505.
6. Отдел по делам архивов администрации Заринского района АК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27.
7. Овивян В. От Дер Зора до Сибири, или подъемы и спады жизни. 1904–1964. Рукопись (пер. С. Фарамазян).
8. По родным местам земли Заринской. Заринск, 2009.
9. Отдел по делам архивов администрации Заринского района АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5.

N. N. Ablazhey

Reconstruction of the system of settlement of the Armenian exile in Altai by the methods of traditional and oral history

Novosibirsk State University, Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Based on documentary data and oral history, the author is trying to reconstruct the location of special settlements. On the example of two districts of the Altai region situated near Salair, she identifies the disposition of special settlements, where Armenians deported in 1949 were settled. The author demonstrates possibilities of a narrative as a historical source for the study of the structure of exile. **Keywords:** *deportation, system of special settlement, Altai, Armenians.*

Жанбосинова Альбина Советовна

Фрагменты устной истории из архивных материалов политических репрессированных

*Восточно-Казахстанский госуниверситет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан*

Аннотация. Архивные материалы, дела политических репрессированных стали основой множества интересных научных исследований, позволивших ввести в научный оборот новые источники и сведения. Папки с делами политических репрессированных содержат протоколы допросов, агентурные донесения, обвинительные заключения, которые могут показать повседневность советской жизни в фокусе восприятия репрессированного. Цель статьи – выявить фрагменты устной истории из материалов дел политических репрессированных. Предлагаемый исследовательский метод расширяет научные возмож-

ности прочтения архивных материалов и меняет угол восприятия истории политических репрессированных. **Ключевые слова:** *устная история, фрагменты, протоколы, политические репрессии, антисоветская агитация.*

«Архивная революция» начала 1990-х гг. открыла множество потайных страниц истории советской эпохи. Сей факт позволил расширить пространственное поле источниковой базы по истории СССР, опубликовать значительный объем документов, представляющих особый интерес для ученых-историков. Историческое знание на рубеже веков, с одной стороны, пережило бум конъюнктурных псевдонаучных публикаций, с другой – получило фундаментальные научные исследования с интересными тематическими направлениями. Вопросы истории революции 1917 г., индустриализации, коллективизации, политических репрессий, Великой Отечественной войны и т. д. раскрыты разноплановой палитрой опубликованных сюжетов в фокусе мемуаров, воспоминаний и множеством научных изданий. Историческая память о прошлом представлена не только документальной базой источников, но и возможностями «новой исторической науки», где особое место занимает «устная история».

Парадоксальность ситуации заключается в том, что историописание советской эпохи постепенно переходит к стадии безмолвия и бумажного шелеста документов. Носители информации, очевидцы событий, формировавшие содержание исторической памяти, уходят в небытие. Если учесть, что Октябрьской революции 1917 г. исполнилось 100 лет, то вполне естественно, что свидетелей трагических страниц советской модернизации уже нет – слишком велик хронологический разрыв.

Множество исследователей внесли свой вклад в исторический анализ истории политических репрессий 30–50-х гг. XX в. Научная оценка и авторское мнение наших современников о репрессиях в большинстве своем опирались на архивные материалы.

Мы предлагаем проиллюстрировать восприятие советским человеком окружающей его действительности фрагментами устной истории из материалов политических репрессированных. «Устная история» в нашем случае может выступить в качестве «устного исторического источника» как субъект и как объект исследования, так как в основу предлагаемой публикации положены материалы из протоколов репрессированных в 30–50-е гг. XX в. Субъектом исследования является опрашиваемый (обвиняемый, свидетели по делу), т. е. фрагменты «устной истории» в записях материалов дела. Интерес представляет восприятие человеком событий, очевидцем ко-

торых он является, его мнение и оценка. Следует принять во внимание, что за мысли, высказанные вслух на работе, во время посиделок и т. д., авторы оказались в ИТЛ по статье 58-10 «антисоветская агитация». Учитывая, что записи высказываний взяты из материалов дел репрессированных, их авторство мы не указываем, уважая память ушедших и их потомков.

Форсированная индустриализация сопровождалась на селе активизацией колхозного строительства. Массовое колхозное движение должно было уничтожить крестьянское индивидуалистическое мышление, ликвидировать так называемого носителя буржуазной идеологии, с корнем вырвать социальные группы кулака, единоличника и построить новую социалистическую деревню. Следствием экономической модернизации, реализации программы коллективизации стали продовольственные проблемы в стране, так как созданный хозяйственно-экономический механизм Советского государства не обеспечивал и минимума хлебных потребностей населения. Осложнения в сфере продовольствия свидетельствовали о нарушении рыночных связей, рост хлебного дефицита дал основание властям объявить о наличии хлебного саботажа со стороны кулацких хозяйств, что дало основание принять чрезвычайные меры против держателей хлебных ресурсов. Результатом деятельности местных властей явились искалеченные, сломанные судьбы, оторванные друг от друга семьи, голод и демографическая катастрофа.

1932–1933 гг. вошли в историю Казахстана как голодомор: 42% казахского населения погибло от голода [1, с. 28]. Каким предстал «царь-голод», как его восприняли те, кого репрессировали в 1936–1937 гг.? Исторический сюжет о голоде интерпретирован той субъективной реальностью, в которой находились авторы высказываний.

Уроженка Варшавы, после нелегального перехода границы СССР в 1932 г. в порядке внутреннего расселения попавшая в Семипалатинск, оказалась очевидцем смертей от голода: «В Семипалатинске в 1932 году на каждом шагу можно было видеть жертвы от голода людей...» [2, л. 15].

Посудница столовой с. Глубокое сообщала: «...Понесла в помойную яму отходы от обеда, у ямы встретила 10 казахов, которые отобрали у нее отходы и тут же на ее глазах стали их есть...» [3, л. 100].

«В колхозе неизбежен голод. Весь хлеб съест кобылка, разговоры о том, что ввиду гибели части хлебов от сельскохозяйственных вредителей план хлебосдачи по Казахстану уменьшат – пустая болтовня» [4, л. 2].

«Мы голодны. Пусть нас сначала накормят. Какая тут советская торговля, обмен один. Скоро нами будут торговать» [4, л. 2].

«На собрании Горно-Ульбинской ячейки член ВКП(б) заявил, что сейчас надо составить хлебные балансы, когда приедут уполномоченные, мы им раскроем карты; что мы можем выполнить, если хотят нас оголодить, пусть все заберут, директива директивой, а самих себя оголодить – это не годится, будет голод» [5, л. 17].

Интересны цитаты, зафиксированные в материалах дела: «При советской власти не советую обзаводиться скотом и пр., лучше покупайте что-либо для себя и лучше питайтесь, если заведете хозяйство, то оно все равно погибнет», «Коммунисты выдумали разводить скот таких гигантских размеров, что их кормить нечем. Он все равно погибнет» [4, л. 2]. Спецпоселенка, работница столовой, колхозники, единоличники реконструировали ситуации, связанные с надвигающимся голодом, со смертью от голода, отсутствием еды и дальнейшим ухудшением ситуации.

Казахстан при Ф. И. Голощекине отличился активной трансформацией традиционных форм хозяйствования через насильственную седентаризацию и создание гигантских животноводческих комплексов. Последнее полностью нарушило социальную организацию кочевников, разрушив традиционные культурно-хозяйственные связи и нанеся сильнейший удар по животноводству.

Как воспринимала деревня хлебозаготовительные акции государства, описал крестьянин Алексеев из Семипалатинского округа: «Наш район (Бурасинский) постигла засуха. Население 4000 душ, согласно плана хлебозаготовок село должно сдать государству 60 000 пудов... хлеба нет, вся тяжесть хлебозаготовок легла на кулаков, но вся беда – кулаков маловато, а середняк не вытянет. Средняк мог намолотить 100–200 пудов, его обязывают сдать 300–700 пудов. Естественно, середняк сдать не может, за это его бойкотируют, облагают индивидуальным подоходным сельскохозяйственным налогом, объявляют ему, чтобы в 24 часа уплатил. Затем приезжают из сельского совета, отбирают весь хлеб... семья остается без крова и кормильца... Отобрано хлеба без суда и безвозмездно у 50 и более середняков. Уже осуждено 7 человек... В Семипалатинске стоны и плач, проклятия в адрес советской власти... На собрании председатель диктует, секретарь пишет, а собрание молчит, да и говорить нельзя, иначе ты кулак или в лучшем случае подпевала...» [6, л. 97–98].

Естественным явлением стал крестьянский протест, выразившийся в сознательном уничтожении скота перед вступлением в кол-

хоз, в бегстве из районов проживания, порой за границу, в письменных ходатайствах на имя руководителей страны. Самой крайней формой протеста явились крестьянские восстания. Информационный бюллетень ОГПУ с 15 апреля по 1 мая 1930 г. сообщал, что «в последнее время в связи с применением мер репрессий в отношении кулацких хозяйств... участились случаи более активного и открытого выступления кулачества... Катон-Карагайский район с. Белое, Шемонаихинский район с. Убинское, Разинский район, с. Митрофановское... Крестьяне покушаются на жизнь общественных работников, причиняют ущерб и поджигают, избивают представителей власти и пр. В Разинском районе участились случаи активного выступления попов всех мастей и религиозных сект, в противовес проводимым мероприятиям хлебозаготовок» [7, л. 67]. Крестьяне выступали не только против насильственной коллективизации и раскулачивания, но и против преследования служителей религиозного культа и огульного закрытия церквей.

Гражданка Риддера: «В Зыряновске верующих больше, чем неверующих, а поэтому там церковь отдали обратно верующим, а здесь, в Риддере, был единственный священник, который шел за правду, и его засадили, он везде говорил одну правду, вот за правду и съели... Верующие протестуют по поводу того, что насильно отобрали церковь, ссылаясь на то, что она старая, а оказалось — наоборот, там сейчас устроили дом обороны. Хорошего в жизни ничего нет, при советской власти всем нехорошо, особенно притесняют и угнетают верующих» [8, л. 13].

В делах арестованных по Восточному Казахстану начиная с февраля 1930 г. появляются обвинения по статье 58-2 — с указанием «участник бандитского отряда», «член вооруженной повстанческой организации», «участник вооруженного восстания» и пр. Самым крупным восстанием явился Толстоуховский мятеж, в сводках ОГПУ его называли «вылазкой кулацкой банды». Точкой отсчета восстания можно назвать дату с 19 на 20 февраля, когда ОГПУ сообщило, что села Крестовка, Пролетарка, Пихтовый Ключ охвачены «кулацким» восстанием, которым руководит Ф. Толстоухов — приверженец теории Бухарина о «врастании кулака в социализм».

Еще в декабре 1929 г. партийная ячейка Пихтового ключа заявила: «Мы, Пихтово-Ключевская ячейка, всю политработу прекращаем, не согласны с генеральной линией партии, партия ведет крестьянство к разорению, а посему считаем себя беспартийными и будем руководствоваться революционной совестью» [9, л. 131–132]. Можно

воспринять выход из партии как протест и как обвинение партии в творящемся в деревнях беззаконии. Спусковым механизмом начала столь масштабных протестных акций стал кошмарный расстрел двух середняков в селе Кутиха, который заседанием бюро Семипалатинского окружного комитета ВКП(б) был воспринят как «...проникновение в ячейки этого района чуждых преступных кулацко-бандитских элементов» [9, л. 64–66].

Лозунги, используемые в восстаниях 1930-х гг., ратовали за советскую власть без коммунистов: «Долой коммунистов, да здравствует свободный труд», «Долой коллективизацию», «Долой пятилетку», «Мы не против власти, а против насилия», «Да здравствует чистая советская власть».

На фоне вооруженного сопротивления мирный способ расправиться колхозами предложил один из выступающих — обращаясь к колхозникам, он предложил собрать колхозное собрание и разогнать этот колхоз: «16 лет этот колхоз морочит нам голову, какой дурак выдумал его... Весь этот колхозный строй только на вранье и построен, правды нигде нет, ее и не найдешь при этом строе, поэтому надо разогнать эти колхозы» [10, л. 48].

В колхозе им. Чапаева Шемонаихинского района колхозница высказала свое мнение: «Вы плохо живете потому, что существуют колхозы. Молитесь богу, чтобы колхозы распустили» [10, л. 48].

Авторов столь беспепелляционных суждений по статье 58-10 УК РСФСР осудили за антисоветскую агитацию. Ухудшение экономической ситуации они видели в созданных государством колхозах, виновны в этом руководители-коммунисты.

30 января 1930 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Главная задача виделась в подавлении контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению путем ликвидации кулацких и байских хозяйств.

2 февраля 1930 г. выходит оперативный приказ ОГПУ №44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» [11], где в обосновании говорится, что в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время по кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокру-

шительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено. Приказ рекомендовал развернуть работу по двум направлениям:

- немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (первая категория);

- массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всех кулацких кадров, из которых формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива, церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР с конфискацией их имущества (вторая категория).

Приказ № 44/21 активизировал процесс раскулачивания, арестов и выселение кулацких семей, он определил механизм применения репрессивных мер к раскулачиваемому элементу. В совокупности постановление от 30 января и оперативный приказ от 2 февраля положили начало массовой операции ОГПУ против крестьян, оперативные сводки сообщали о количестве ликвидированных «контрреволюционных, повстанческих групп и организаций». Главной целью приказа № 44/21 являлась полная всеобщая чистка всех районов страны от кулацкого элемента. Кампания по раскулачиванию, проводимая правительством, напоминала десантированный налет ОГПУ на деревню: это были законодательно оформленный грабеж, мародерство и силовое психологическое насилие. В репрессивную молотилку попали и одиночники – не только за обособление от колхозной жизни, но и за свои высказывания: «Я одиночник, но заработал больше, чем вы в этом колхозе получаете. У вас недород, на трудодни приходится гроши», «Лучше быть одиночником, в колхозе закабаляют всех» [12, л. 238–239], «Имеем-то много, а ходим без штанов» [4, л. 2].

4 февраля 1930 г. ЦИК отправляет секретную инструкцию всем местным исполнительным комитетам на республиканском и краевом уровнях, включая ОГПУ, где говорится, что в дополнение и разъяснение к постановлению от 2 февраля предлагается в районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах – по мере действительного массового развертывания коллективизации, нижеследующие мероприятия:

- с целью предотвращения любого противодействия со стороны кулаков проводимым мероприятиям советской власти выселить

кулацкий актив в отдаленные районы СССР; организация выселения возлагалась на органы ОГПУ;

– строго дифференцировать количество выселяемых кулацких хозяйств в рамках 3–5%, не затрагивая никоим образом середняцкие хозяйства.

Списки выселяемых кулаков определялись на общих собраниях колхозников и утверждались вышестоящими органами.

Секретная инструкция определила правила конфискации имущества у кулаков и их передачу в фонд колхозов, а также тот необходимый минимум финансов и имущества, который оставался кулацким хозяйствам при конфискации. Инструкция регламентировала расселение кулацких хозяйств и последующее их трудовое использование. К 1936–1937 гг. многие из выселенных и осужденных оказались на свободе ввиду окончания срока. Государственная машина не забыла о них, что получило отражение в известном приказе за № 00447, носящем гриф секретности и подписанном непосредственно наркомом внутренних дел СССР, генеральным комиссаром ГБ Н. Ежовым. Приказ начинался со следующих слов: «Материалами следствия антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.» [13, л. 69].

Многие из отбывших наказание по принадлежности к социальному статусу «кулак» пошли по второму кругу. Судя по их высказываниям, репликам, их можно отнести к категории несломленных, как, например, дочь кулака, отсидевшую в Карлаге: «...Я на уборку сена не пойду. Пошли вы... со своим колхозом. Обуйте нас, потом посылайте на работу. Вы даете по 600 граммов хлеба и гоняете голодных. Как вам не стыдно издеваться над колхозниками»; «Я никого не боюсь, была в тюрьме, знаю, как там живут, там я оделась и обулась. И платьев домой привезла, а вы нам ничего не даете» [14, л. 3]. Зажиточность и трудолюбие кулаков были раздражающим фактором для колхозов, последние обвиняли кулаков и в саботаже, и в диверсиях. Проблема заключалась в естественном противоречии между раз-

личными социальными слоями деревни, взаимоисключающим подходом к сельскому хозяйству.

Хлебозаготовительные кампании 1932–1933 гг. показали, что сопротивление оказывают не крестьяне, а сами колхозы. В колхозах в то время создавались собственные хлебные ресурсы, председатели колхозов понимали, что отдавать хлеб за бесценок государству значит пустить хозяйство по миру, т. е., как это ни парадоксально, председатель колхоза становится на позицию единоличника и рассуждал как единоличник конца 1920-х гг.

Для решения проблем в колхозном строительстве январский пленум 1933 г. принял решение о создании политотделов. В отдельные крайне напряженные периоды истории обычные институты политической системы (Советы, партийные организации, комсомол, профсоюзы) оказались не в состоянии по тем или иным причинам обеспечивать контроль, нужный руководству ВКП(б). Тогда создавались чрезвычайные (специальные) органы управления – политические отделы. Выступая на пленуме, Сталин указал, что теперь классовый враг изменил тактику борьбы против советской власти, что он уже не идет в прямую атаку против нее, а действует «тихой сапой», проникая в колхозы, пробираясь к руководству и управлению и совершая разного рода вредительские действия: поджигает скирды, ломает машины, организует саботаж и другие диверсионные акты. И тогда же, на январском пленуме, И. Сталин оборонил фразу «антисоветские колхозы», сказав, что «только страх и призрак тюрьмы могут заставить местных руководителей усвоить, что выращенный урожай принадлежит государству» [15, с. 18].

В закрытом письме с грифом «секретно» начальникам политотделов совхозов, заместителям директоров трестов по политической части о повышении революционной бдительности говорилось, что «политотделы совхозов за время своего существования провели большую работу по очищению совхозов от классово чуждых и враждебных элементов. Изгнано из совхозов около 100 тысяч врагов советского строя, врагов совхозов и колхозов. Вместе с тем борьба с классовым врагом не может быть ослаблена, враг еще не добит окончательно, большевистская бдительность должна быть еще более усилена, так как разбитый враг усиливает сопротивление, переходя к новым формам борьбы» [16, л. 14].

Характерным явлением тех лет стали выступления начальников политотделов МТС о ситуации на местах: например, только назначенный руководитель политотдела в с. Жиланды обнаружил спаян-

ную контрреволюционную группу, которая активно занимается антисоветской пропагандой, хищениями и прочими контрреволюционными деяниями: «...Я пришел к твердому убеждению, что в течение ряда лет в совхозе существовала линия, направленная к вредительскому срыву совхоза. За 4 месяца работы здесь я осезаю, как они эти нити ведут не только в соворганы, но и в парторганы, и с величайшей болью констатирую и в органы ОГПУ» [17, л. 1]; «Прибыл в совхоз 22 апреля 1933 г., обнаружил снижение поголовья стада... в результате разбазаривания и хищничества... Несомненно, в совхоз внедрились классово чуждые элементы» [18, л. 116–120].

Толчком к широкомасштабной чистке партийных органов послужило убийство С. Кирова. Лозунги, призывы на митингах, отклики в периодике: «Лесорубы клеймят подлых предателей», «Расстрелять», «Врага не щадить», «Сурово покарать подлых троцкистов», «Уничтожать, расстреливать врагов Родины». Выступление рабочего на митинге коллектива Усть-Каменогорского строительного участка «Риддер-Рубцовск»: «Троцкистских бандитов приводят в ярость наши успехи, расцвет счастливой зажиточной жизни в нашей стране. Они хотят превратить нас в колонию фашизма. Но мы будем беспощадно уничтожать всех врагов» [19]; выступление на митинге колхозников колхоза «Красное знамя»: «Требуем от прокуратуры и ВС СССР как врагов народа высшей мере наказания, расстрел...» [20, л. 16].

Советский человек воспринял убийство С. Кирова и последующие аресты как провокацию, совершенную врагами народа: «В 1934 году враги народа старались садить честных товарищей для прикрытия практических предателей и своих подлых вылазок» [21, л. 1].

В унисон первому высказыванию отсидевший пять лет ИТЛ по решению Особого совещания говорит: «Я не обижаюсь на партию, потому что надо было на момент выборов изолировать сомнительный элемент, но этим воспользовались всякие сволочи, остатки недобитых троцкистов, бухаринцев, засевших в соваппаратах, и, маскируя себя, они перегибали все постановления партии и правительства, этим самым думали вызвать недовольство масс» [22, л. 3].

Было и другое мнение: «Кирова убили, обожди, еще одного убьют, тогда совсем освободят крестьян от всяких налогов и сборов» [23, л. 34]. Вновь мысль, что в руководство страны затесались враги, они виновны в бедах, репрессиях. «Коммунистам, особенно большим людям, которые стоят близко у руководства страной и Красной армией, верить нельзя, что большинство из них замешаны в контрреволюционных делах – в предательстве» [4, л. 2].

Рабочий: «Кому верить, честных людей в руководстве партии и правительстве нет, кого ни возьми — троцкист или просто шпион-предатель». Рабочий: «Если советская власть расстреляет Тухачевского, Корка, других, то это будет роковая ошибка, буржуазия это дело так не оставит, они объявят войну за расстрел этих людей, и мы можем оказаться захваченными врасплох, так как все наши военные планы за границей известны» [20, л. 54].

Советский человек полагал, что «если бы был жив Ленин, то Сталин не господствовал, при Сталине партия бессильна, вся власть в руках НКВД» [22, л. 15–16], вообще «в СССР много есть людей, настроенных против существующей власти, но боятся вслух об этом говорить, так как при существующем строе за каждое свободное слово загоняют в Карлаг и Соловки» [24, л. 5].

«Там, в центре, в Москве, Ленинграде аресты правильные, а здесь у нас, в Семипалатинске, арестовывают невиновных. «Здесь, в Семипалатинске, как только начали процесс над троцкистско-зиновьевским центром, то начался террор над людьми ни в чем не повинными, которых снимали с работы, арестовывали» [25, л. 3].

Самая лучшая конституция 1936 г., «сталинской» называл ее народ: «Их конституция — сплошной обман, что написал Сталин, это осталось только на бумаге, а на деле получается наоборот. Сталинская конституция распространяется только на наркомов и начальство, а рабочий как был, так и остался в кабале» [26, л. 21].

«Перепись населения 1937 года правительством была отменена, так как она была проведена вредительски. Враги народа, руководившие проведением этой переписи, сделали ее для того, чтобы извратить успехи, достигнутые СССР под руководством нашей партии. Вредительство шло главным образом по линии игнорирования подготовительных мероприятий к переписи» [27, л. 135].

«Если взять Казахстан, то он вымер от голода на 60%, а строят только вторую пятилетку. Из восточных окраин осталась только Сибирь. При настоящем положении хоть и говорят о свободе, но народ зажат в крепкие тиски» [24, л. 32].

Вредительство и диверсии шли из центра, бедный народ на окраинах страдает от врагов, нет свободы, а конституция — сплошной обман — мнение и мысли тех, кто оказался по ту сторону баррикад и сам оказался врагом народа.

Восточный Казахстан стал второй родиной для депортированных народов, среди которых были чеченцы, немцы. Местная власть и население, силовые структуры рассматривали их как потенциальных

контрреволюционеров, способных к политическим действиям. Низкий уровень жизни депортированных, их естественное желание вырваться рассматривалось как политический протест. По отношению к депортированному населению употреблялась формулировка спецпоселенцы, упоминание в понятии частицы «спец-» означало тотальную регламентацию жизнедеятельности каждого из них.

Использование междисциплинарного подхода в исследовании истории депортаций, а именно «устной истории», углубило историописание, показав антропологию депортаций, «человеческое лицо» трагедии насильственного переселения.

Спецпереселенцы с Кавказа попадали в непривычные климатические условия, выполняли тяжелую физическую работу, жили в не приспособленных для жизни помещениях. Антисанитария, нехватка продовольственных пайков, теплой одежды, высокая смертность способствовали появлению в их среде озлобленности, враждебности, имелись случаи открытых выступлений, соответственно мы можем говорить о вторичности репрессий, применяемых по отношению к ним.

За мысли вслух – повторная ссылка, за пределы мест первоначальной ссылки: «За что нас переселили, мы не виноваты, если среди нас были шпионы, то пусть бы их НКВД вылавливало, а мы при чем, и теперь этим переселением дали пищу Геббельсу, он прокричит на весь мир об издевательствах над немцами». «Все, что пишут в газетах о том, что немцы издеваются над населением, это неверно, а вот колхозы на территории, занятой немцами, распускают и дают крестьянам жить свободно, вольно, люди живут, как им хочется. Гитлер, конечно, победит, а жизнь тогда будет лучше, крестьяне получают земли, скот и колхозы распустят» [28, л. 45].

«Эх вы, колхозники, одна ваша тень останется. Вы за что только работаете»; «Ты коммунист? Нет. У тебя кто из родственников есть в Красной армии, есть? За что они воюют, за 200 грамм хлеба, который получаете в колхозе?» [28, л. 46–47].

«Чеченам настал конец, все умирают, и я скоро умру. На партерчет становиться не хочу, я теперь никому не нужен. Работал я раньше председателем колхоза, два раза был в Москве, был депутатом, а теперь мне пришел конец, мне 62 года, разве это моя работа – тащить на себе лес? Дети мои умерли, еще ребенок больной, а я как враг, мне все равно конец» [29, л. 16–17].

Были и те, кто хотел для депортированных совсем другого: «Спецпереселенцев надо расстрелять и утопить в речке, так как есть

чем заниматься и без них» [30, л. 20]. Их можно простить за отсутствие гуманности: колхозы не были готовы к приему спецпереселенцев, не хватало продуктов, не было жилья, а партия требовала своевременно расселить, распределить, обеспечить, и все инструкции, письма – сплошные глаголы.

Таким образом, фрагменты устной истории из материалов политических репрессий – это попытка показать свидетельства непосредственных участников трагических событий, причисленных к категории «врагов народа», микроистория локальных репрессий через призму разочарований, неверия в будущее, личную психологическую травму. Следует учесть, что это не описание биографии, не воспоминания о пережитом, это реальность бытия, устная мыслеформа вне идеологии, неформальный текст. Впоследствии неосторожно сказанная фраза обусловила арест и ссылку: если ранее «язык мог довести до Киева», то фраза – до тюрьмы. Мы использовали их (фразы, мысли) в качестве фрагмента устной истории, нам она стала известна благодаря делу, которое завели в 30-х гг. XX в. в органах НКВД. Многообразие субъективной интерпретации советской модернизации, неформальный взгляд на трагические страницы истории – возможность расширить исследовательское пространство истории политических репрессий. Идеальное сочетание дискурсивных практик или дискурса М. Фуко, все приведенные фрагменты устной истории сформированы или обусловлены системой политических репрессий.

Источники и литература

1. Козыбаев М., Абылхожин Ж., Алдажуманов К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. 36 с.
2. Архив ДВД ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2633.
3. ГАВКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 184 л.
4. Архив ДВД ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2604.
5. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 71. 65л
6. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2952. 474 л.
7. ГАВКО. Ф. 139п. Оп. 1. Д. 22. 248 л.
8. ГАВКО Ф. 130. Оп.15. Д. 10. 100 л.
9. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3292. 146 л.
10. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3315. 56 л.
11. Оперативный приказ ОГПУ за № 44/21 от 2 февраля 1930 года // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
12. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2613.
13. Оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447. Л. 69–81 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
14. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 1. Д. 3950.

15. Папков С. А. Репрессивная политика Советского государства в Сибири, 1928 — июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 32 с.
16. ГАВКО. Ф. 129 п. Оп. 1. Д. 48. 22 л.
17. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5828. 156 л.
18. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6110. 414 л.
19. Риддерский рабочий. 1937. № 136. 17 июня.
20. ГАВКО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 418. 155 л.
21. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2632.
22. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2633.
23. ГАВКО Ф. 135. Оп. 1. Д. 232. 165 л.
24. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2577.
25. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2574.
26. Архив ДВД ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2631.
27. ГАВКО Ф. 135. Оп. 1. Д. 425. 198 л.
28. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2741. 125 л.
29. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2750. 140 л.
30. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3420. 40 л.

Zhanbosynov Albina Sovetovna

Snippets of oral history from the archives politically repressed

East-Kazakhstan state University im. S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

Abstract. Archival materials, the cases of the political repressed a hundred whether the basis of many interesting scientific studies which introduce in the scientific revolution new sources and information. Folder political Affairs repressed contain interrogation reports, intelligence reports, indictments, which can show the daily life of the Soviet life in focus perception repressed. The purpose of this article is to identify the fragments oral history from the materials of the political repressed. The proposed research method expands research capabilities History and methodology of oral history reading archival material and changes the angle of perception of the history of political repressed. **Keywords:** *oral history, excerpts, protocols, political repression, anti-Soviet agitation.*

Рафикова Светлана Анатольевна

Устноисторические источники как способ оживления Истории¹

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена раскрытию потенциальных возможностей устноисторических источников в изучении, реконструировании и понимании недавнего прошлого, в контексте авторской концепции Живой истории, на примере реализации различных исследовательских проектов. Основу источниковой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24007.

базы составляет масштабный архив народных мемуаров и многочисленных интервью (нарративных, полужурналистских, глубинных, экспертных), собранных автором. Продемонстрирован широкий спектр методов использования данных источников, от иллюстративно-цитатных до математических и информационных. Все это позволяет сделать вывод о важности устноисторических источников и приемов не только для расширения базы исследования посредством обращения к непосредственным носителям исторической памяти, но и для антропологизации, детализации, оживления Истории. **Ключевые слова:** *Живая история, устная история, oral history, народные мемуары, нарративы, Сибирь, городское население, репродуктивное поведение.*

Подавляющее большинство коллег согласится с тем, что, с одной стороны, сегодня уже нельзя исследовать и писать, как лет 20–30 тому назад, но, с другой стороны, выработка новых методологических подходов, поиск креативных стратегий и создание адекватной источниковой базы является процессом многотрудным и небыстрым. Причем ведется этот поиск в рамках принципиально различных познавательных парадигм и в широком диапазоне переходных моделей: от жестких модернистско-позитивистских схем до постмодернистско-постструктуралистских отрицаний самих возможностей существования таких схем и даже неких синергетических попыток объединения крайностей этих подходов в математической модели многовариантного исторического развития.

И все же общенаучной тенденцией и одновременно модным брендом все более становится антропологизация исторических изысканий, хотя сам термин до сих пор вызывает серьезные возражения у многих исследователей, в том числе и у вполне согласных с необходимостью «очеловечивания» истории. Поскольку антропология — это изначально наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас, вариациях физического строения человека, то далеко не все ученые согласны с расширением ее предметного поля до изучения существования человека не только в природной (естественной), но и в культурной (искусственной) среде. Поэтому историки предпочитают употреблять более нейтральную формулировку — «антропологически ориентированные направления исторических исследований», будь то история ментальностей, новая культурная история, микроистория, история повседневности, история частной жизни, гендерная история или же в том числе устная история (*oral history*). К настоящему времени различными исследовательскими школами накоплен ценный и разноплановый опыт, выработаны оригинальные подходы, апробированы новые методы, со-

зданы знаковые труды, введен в научный оборот огромный пласт источников. При этом, хотелось бы обратить внимание на два момента.

Во-первых, стремление к инноватике и брендингованию зачастую либо формально декларируется (когда в традиционных работах просто меняется вывеска), либо приводит к отходу от непреложных принципов культуры исследования, таких как научность, системность, историзм (когда единичное и даже казусное рассматривается как самодостаточный объект исследования, в отрыве от конкретно-исторического контекста). Поэтому важно, следуя путем новаций, сохранить достижения классической науки и не «выплеснуть вместе с водой ребенка».

Во-вторых, ни одна из отдельно взятых антропологически ориентированных школ не предложила универсальной программы исторического исследования. Подробнее об этом речь идет в статье с несколько провокационным названием «Живая история» (или какой же слон на самом деле?) [6]. Дело в том, что стремление отдельных школ создать свое видение истории очень напоминают известную притчу о слабовидящих людях, пытавшихся понять, что такое слон. В зависимости от тактильно изучаемой части животного слон представлялся им то листом лопуха, то гибкой длинной змеей, то мощным баобабом – но единый образ так и не складывался.

При этом, по сути, у множества исторических школ, вставших под знамена антропологизации, гораздо больше общего, чем различий. Все они объединены единой темой «Человек в истории», границы же между ними представляются весьма условными, да и основные методы не являются исключительной собственностью отдельных школ. И не случайно, например, «новая локальная история» или «история повседневности» в лучших своих трудах широко используют приемы «микроистории» и «устной истории». Среди знаковых фигур исторического микроанализа оказываются и видные приверженцы «новой культурной истории», а прочие историки, в свою очередь, интуитивно или осознанно обращаются к культурному фону исторических эпох и т. п. Более того, акцент на изучении поведения отдельных людей, небольших групп, локальных территорий неизбежно актуализирует проблему репрезентативности и научной обоснованности выводов. Микроанализ не снимает, а лишь по-новому ставит проблему обобщения сделанных наблюдений. Создание множества местных историй не должно обернуться фрагментацией общенационального исторического дискурса. Устные источники не явля-

ются самодостаточными для реконструирования исторической реальности. И только единение многочисленных школ исторической науки на основе их совокупных достижений, дополненных методами междисциплинарного подхода, способно приблизиться к ответу на вопрос «Какой же слон на самом деле?»

Авторская концепция Живой истории позволяет, на наш взгляд, синтезировать подходы и методы классических метанарративов («большой истории», «истории сверху») и наработки широкого спектра антропологически ориентированных исторических школ («истории снизу»), что способно дать не только знание, но и понимание произошедшего. И в этом смысле антропологический поворот видится не как разрыв, а как встречное движение традиционного и инновационного, а наработки отдельных школ правомерно квалифицировать как специальные методы в арсенале историка, позволяющие более многогранно реконструировать и понимать историческую реальность.

В рамках данной статьи подробнее остановимся на потенциальных возможностях устноисторических источников и приемов на примере реализации различных авторских проектов.

По сути, устная история – это хорошо забытое старое, что возникло на новой основе во второй половине минувшего века. Она, как известно, обратилась за интерпретацией исторических событий непосредственно к их участникам. Хотя до сих пор нет общепринятого представления о том, что можно считать именно устным источником: только ли звукозаписи интервью, речей, выступлений, радиопередач, или же зафиксированную любыми способами разговорную речь, в том числе транскрипции интервью, записанные воспоминания, городской и деревенский фольклор и т. п. [18, с. 38–42; 19, с. 36; 17, с. 99]. В первом случае речь фиксируется предельно точно, со всеми ее лингвистическими особенностями, оговорками, паузами, эмоциональными проявлениями, что является важным с точки зрения анализа самого нарратива, создания образа респондента. Но нельзя не заметить и «побочного эффекта». Во-первых, требуются технические возможности для записи и хранения этой информации. Во-вторых, ее все равно приходится транскрибировать, т. е. переводить из устной формы в вербально-письменную. В-третьих, далеко не каждый респондент способен откровенно поделиться своими воспоминаниями на диктофон или на камеру, у многих возникает естественное желание «достойно выглядеть», включаются психологические фильтры, а для некоторых наличие записывающих устройств во вре-

мя интервью становится непреодолимым барьером в беседе. На наш взгляд, ограничение устных источников лишь непосредственно звучащей речью как единственно «ортодоксальной» неоправданно сужает их возможный круг.

Приемы устной истории могут работать в широком исследовательском спектре, что неоднократно и успешно апробировано автором в научной, преподавательской и даже в экспозиционной деятельности применительно к различным темам и сюжетам. Основная база устноисторических источников была создана нами в ходе авторского проекта «Живая история: народные мемуары», к реализации которого активно подключены студенты Сибирского государственного технологического университета (СибГТУ), недавно преобразованного в опорный вуз Красноярского края (СибГУ науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева).

Народные мемуары – особый вид источника [9]. Первоначально проект задумывался с целью сбора дополнительной информации по истории сибирской городской повседневности 1960-х гг., поскольку даже после того, как в процессе написания докторской диссертации [12] были проработаны многие фонды всех основных сибирских архивов, перелопачены горы статистики и периодики, задействованы результаты многочисленных социологических опросов и пр., оставалось ощущение нераскрытости, недоисследованности многих сторон реальной жизни реальных людей. Изучать повседневность, которую мы понимаем как субъективно значимую реальность, запечатленную в типичных поведенческих практиках и ментальных структурах, без «взгляда изнутри», без учета субъективных реконструкций недавнего прошлого оказалось невозможно.

Очень скоро проект стал перерастать исходные рамки и выливаться в новый формат. Из воспоминаний невозможно было «вырвать» лишь одно десятилетие, невозможно было также понять, почему эти годы по-разному воспринимаются людьми, не узнав хотя бы в общих чертах основные вехи их жизни. Нарратив должен быть цельным – в этом его ценность. С целью получения массовой достоверной информации мы допускаем анонимное интервьюирование обычных людей, проводимое как с использованием записывающих устройств, так и без оных, на бумажных носителях, предпочитая жестко смоделированной целенаправленной беседе именно нарратив. Поэтому собранные воспоминания можно лишь условно назвать продуктом «oral history» в строгом смысле слова, что отнюдь не исключает их ценности как устноисторического источника. В насто-

ящее время собрано около 800 воспоминаний (по большей части сопровождаемых фотодокументами) обычных сибиряков «о времени и о себе», и этот архив продолжает пополняться.

Одновременно с увеличением числа собранных мемуаров изменялись и обогащались методы их использования, усложнялся и оттачивался инструментарий, все более проявлялось эмическое начало, в значительной мере задававшее вектор и тематику дальнейших исследований. Сама «история снизу» зачастую вела автора к воссозданию исторической реальности, наполнению ее смыслами, конкретными практиками, духом и колоритом эпохи. Например, совершенно неожиданно обособился яркий и популярный подпроект «Сибирский стилиага» [11, 13, 15].

Сначала материал использовался самым простым методом – **цитатным**, хотя и он позволил получать интересные результаты, а порой и уникальные сведения. Затем появилась возможность типизации сведений и выработки **типически-иллюстративного метода**. Например, при исследовании миграционной активности сибиряков народные мемуары позволили взглянуть на миграции не формально-статистически, как на две трубы, по которым «втекает-вытекает» население, как это традиционно представляется на основе усредненных данных, но увидеть их более спектрально, с выходом на региональную специфику, мотивацию перемещений, различные адаптационные возможности мигрантов. В частности, нами были выделены такие типы мигрирующего населения, как «романтики», «калымщики», «обратники», «мигранты поневоле» и «новоселья». Таким образом, миграция не была единым потоком, большую роль играла мотивация переезда. Поиск постоянной работы, обучение с последующим трудоустройством, закрепление в городе благодаря созданию семьи, возвращение домой после нескольких лет проживания за пределами малой родины порождали ту часть миграций, которая давала наибольший процент приживаемости и стабилизировала состав жителей [3].

Несмотря на распространенное представление о невозможности выстроить устные источники «в статистические ряды, вывести общие закономерности и тенденции, вычислить проценты и т. д.» [18, с. 175], мы все же попытались это сделать, так как возникла потребность в обработке материала, необходимость уловить в изначальном разногосье основные мотивы. В частности, накопление материала позволило апробировать метод **контент-анализа**. Снова приведем пример: вчитываясь в сотни нарративов сибиряков, нельзя было не отметить, что почти во всех мемуарах эпохальным событием без

подсказки был назван первый полет человека в космос, и нам показалось небезынтересным попытаться реконструировать начало космической эры, опираясь на порою безыскусные, но искренние воспоминания простых людей, запечатлеть подробности и эмоциональный фон того исторического момента. Главные чувства, переполнявшие в тот день, информанты выразили одними и теми же словами — *радость, гордость, ликование!* Показательно, что именно последнее, столь редко звучащее в обычной повседневной речи слово, не сговариваясь, употребили почти все респонденты, вспоминая о событиях того знаменательного апрельского дня [7].

Другой пример — изучение стратегий продовольственного обеспечения и потребления красноярцев, проведенное с помощью комбинации методов контент-анализа и математических методов. Построенный на основе формализации нарративов банк данных позволил проранжировать (по степени убывания) источники поступления продуктов питания в семьи сибирских горожан: государственная торговля (свободный доступ и «по благу»); личное подсобное хозяйство (ЛПХ); колхозный рынок, где в основном покупали мясо и «какие-нибудь деликатесы»; трофеи от охоты, рыбной ловли, сбора дикорастущих ягод, грибов и орехов; продуктовые посылки родственников из деревень и более «сытых» городов. Причем источники поступления продовольствия в основном комбинировались в различных описанных нами вариациях. Но самое главное — устные источники наглядно продемонстрировали разрыв между официальными данными по «потреблению продуктов питания на душу населения» и фактическим рационом сибирских горожан, который в значительной степени формировался за счет не учтенных статистикой стратегий и источников [14].

Гораздо более сложная обработка созданной на основе народных мемуаров базы данных была проведена с привлечением программистов, **информационными методами**. На основе разработанной автором «Шкалы идентификации горожан» были сделаны замечания степени включенности жителей г. Красноярска 1960-х гг. в городской образ жизни. Новая методика качественных урбанистических исследований позволила выделить три категории горожан, условно обозначенных нами как «истинные горожане», «формирующиеся горожане» и «горожане — не горожане». Экстраполируя результаты измерения на всю формальную совокупность городских жителей сибирского региона, с учетом их пропорционального распределения по типам населенных пунктов, мы получили как минимум четверть го-

родских жителей, продолжавших жить вне урбанистической культуры, в сельских условиях, деревенским сознанием и трудом [16].

Помимо основной базы данных, созданной на основе народных мемуаров, в исследовательской и практической деятельности нами используются и такие приемы устной истории, как полужурнализованные и глубинные целевые интервью, развернутые экспертные опросы. Проиллюстрируем это на примере сбора материала по красноярскому визиту Ю. А. Гагарина 1963 г. [4]. Официально первый космонавт прибыл по комсомольской линии, с целью участия в I слете молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. Однако значительная часть поездки была связана с посещением закрытых промышленно-стратегических объектов (заводы «Красмаш», «Красноярск-45»), поэтому источники информации были скудны, архивы молчали. Но нам удалось собрать немало воспоминаний людей, которые не только знали об этом визите, но и лично видели Гагарина, смогли передать общий «градус» этих встреч. Более того, посчастливилось лично пообщаться с людьми («надежными источниками»), имевшими непосредственное отношение к организации и сопровождению этой поездки. Так состоялась серия уникальных интервью, позволивших воссоздать не только всю хронику визита, но и, что наиболее важно с позиций Живой истории, человеческий образ самого героя.

Действительно, огромная удача – найти тех нескольких живых носителей информации, кто имел непосредственное отношение к событиям полувековой давности. Константин Михайлович Чернов (бывший первый секретарь Красноярского крайкома комсомола) сопровождал Гагарина в течение всей поездки, поэтому владел информацией «из первых рук», а также редкими фотографиями, которыми бескорыстно поделился; Виктор Васильевич Плисов (первый секретарь Дивногорского горкома ВЛКСМ, впоследствии возглавлявший Назаровский и Ачинский горкомы и Хакасский обком партии, Красноярский крайисполком) организовывал встречу космонавта в Дивногорске, на строительстве Красноярской ГЭС; Василий Васильевич Гришаев (в ту пору первый секретарь Хакасского обкома ВЛКСМ, ставший доктором исторических наук, профессором) был непосредственно причастен к поиску, даже можно сказать «добыванию», неординарного подарка для космонавта номер один; Игорь Геннадьевич Федоров, будучи директором городского музея, выступил в роли ретранслятора устных историй и преданий дивногорцев, встречавшихся с Гагариным, и организовал контакты с ветеранами КрасГЭССтроя (Алексеем Медведем, Олесем Греком).

Широко используются нами и такие устноисторические источники, как анекдоты, частушки, рожденные народом стихи, многие из которых записаны в ходе сбора народных мемуаров. В значительной мере они были привлечены, например, при воссоздании народных представлений об эпохе «оттепели» в целом и ее проводнике Н. С. Хрущеве в частности [8, 10]:

В СССР Никита жил,
Часто речи говорил,
Часто ездил за границу
Раздавать свою пшеницу...

* * *

Ильич, Ильич, проснись!
И с Хрущевым разберись:
Водка стоит двадцать семь,
Сала, мяса нет совсем.
К коммунизму подойдем —
И капусты не найдем!

* * *

Заработал отдых кровно,
Много сделал на веку.
Вот вам с Ниною Петровной [супруга Хрущева]
Два талона на муку!

Эти и им подобные отклики «снизу» позволяют понять, что образ Н. С. Хрущева в массовом сознании не сложился в харизматическую фигуру, но и тотального разочарования его политикой в народе не наблюдалось. Хрущев стал первым советским вождем, в котором народ увидел обычного человека, с широким спектром живых эмоций, с достижениями и промахами, с правом на ошибку. Провалы Хрущева как политика «компенсировались» как очевидными успехами страны во многих областях, от космоса до миллионов бесплатных благоустроенных квартир, так и изобретательными повседневными «контрмерами» обывателей на принимаемые властью решения и постановления.

В настоящее время устноисторические приемы активно используются при реализации грантового проекта «Репродуктивное поведение как фактор формирования населения Красноярска в 1960-е годы». Потенциальный вклад устной истории в изучение этого сложного феномена и одновременно весьма интимной сферы человеческой жизни представляется весьма значительным. Так, народные мемуа-

ры позволили воссоздать личные репродуктивные истории горожан, лучшее понять жизненные ситуации, мотивацию, обогатить исследование интересными сюжетами, что уже нашло отражение в ряде публикаций [1, 2, 5 и др.].

Интервью и записи реакции «обратной связи» с респондентами во время анкетирования помогли нам скорректировать инструментарий уже на этапе пилотного обследования. Например, по ходу опроса выяснилось, что мы недоучли такие события репродуктивной биографии, как замершая и внематочная беременность и др. Многие информанты сопровождали заполнение анкет ценными комментариями и даже развернутыми рассказами «в тему», которые, согласно инструкции, фиксировались интервьюерами. Так, особые реакции вызвал вопрос об абортах. Предварительная обработка результатов анкет показала спорный расклад – как будто женщины молодых поколений (1970–1980-х гг. р.) делали значительно больше абортов, чем представительницы старших возрастных когорт (1930–1940-х гг. р.). Однако зафиксированные реплики последних («об этом не говорят», «противозаконно это было», «делала, но даже муж не знал», «все делали, но правду никто не скажет» и т. п.) позволяют с большой долей вероятности предположить, что абортов они делали больше, чем указали в анкете, просто тщательнее эту информацию скрывают. Несмотря на десятилетия, прошедшие после легализации абортов (1955), и кардинальное изменение общественной морали, они предпочитают не извлекать «скелеты из шкафов». В настоящее время составлена программа проведения глубинных интервью для общения как с «откровенными» информантами, так и с экспертами – профессиональными медиками, работавшими в родильных домах и женских консультациях в 1960-е гг.

В целом даже на основе приведенных примеров реализации различных исследовательских проектов можно утверждать, что использование устноисторических источников и приемов способно не только значительно расширить исследовательскую базу посредством обращения к непосредственным носителям исторической памяти, но и существенно антропологизировать, детализировать, оживить Историю.

Источники и литература

1. Рафикова С. А. Внутрисемейная кооперация хозяйственно-бытовой деятельности сибирских горожан в 1960-е годы // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН 7–10 сент. 2017 г., г. Архангельск: в 3 т. Т. 1. С. 246–250.*

2. Рафикова С. А., Копылов И. В. Вторая советская легализация абортот и ее влияние на репродуктивное поведение горожанок Красноярского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1. С. 172–175.
3. Рафикова С. А. Городские миграции в Красноярском крае в 1960-е годы: проблемы динамики, типологии, адаптации // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: сб. науч. тр. Вып. 1. Новосибирск: Параллель, 2006. С. 126–146.
4. Рафикова С. А. Два дня из жизни Юрия Гагарина: космонавт на красноярской земле // История в подробностях. 2011. № 3. С. 56–67.
5. Рафикова С. А. Детские ясли в сибирских городах в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. Ч. 3. С. 137–140.
6. Рафикова С. А. «Живая история» (или какой же слон на самом деле?) // European Social Science Journal. 2011. № 12. С. 301–309.
7. Рафикова С. А. «И вечером в городе Ачинске было шествие с факелами...» // Родина. 2011. № 4. С. 23–25.
8. Рафикова С. А. Колобок в гетрах: Никита Сергеевич, каким его помнят сибиряки... // Родина. 2012. № 12. С. 8–11.
9. Рафикова С. А. Народные мемуары как источник по истории советской повседневности // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 74–78. (Отечественная история).
10. Рафикова С. А. «Оттепель»: экономика и повседневность // The soviet and post-soviet review. 43 (2016). P. 338–374.
11. Рафикова С. А. «По проспекту, словно манекен...» Образ стилига глазами сибирских обывателей // Родина. 2010. № 10. С. 135–138.
12. Рафикова С. А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, ИИ СО РАН, 2013. 488 с.
13. Рафикова С. А. Сибирский стилига: неконформизм на провинциальной почве? // Родина. 2010. № 9. С. 149–152.
14. Рафикова С. А. Стратегии продовольственного обеспечения и тип питания сибирских горожан в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. Ч. 1. С. 169–172.
15. Рафикова С. А. Субкультура или подражательство? Стилиги сибирской провинции // Культурологический журнал. 2010. № 2.
16. Рафикова С. А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. № 1. С. 115–122. (История, филология).
17. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 618 с.
18. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.
19. Parks R. Listening to the past // History today. 2000. № 11. P. 36–37.

S. A. Rafkova

Oral-historical sources as a way of reviving History

Siberian State University of Science and Technology them. Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the disclosure of potential opportunities of oral historical sources in the study, reconstruction and understanding of the recent past, in the context of the author's concept of Living History, using the example of various research projects. The basis of the source database is a large-scale archive of folk memoirs and numerous interviews (narrative, semi-formalized, in-depth, expert) collected by the author. The article shows a wide range of methods of using these sources, from illustrative-quotation ones to mathematical and informational ones. All this allows us to conclude that the role of oral historical sources and methods plays an important role not only for expanding the research base by appealing to the immediate bearers of historical memory, but also for anthropologizing, detailing, reviving History. **Keywords:** *Living history, oral history, folk memoirs, narratives, Siberia, urban population, reproductive behavior.*

Шагоян Гаяне Арутюновна

Видеозапись устной истории как источник и метод исследования сталинских репрессий в Армении¹

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы анализа интервью, сделанные для проекта по устной истории о сталинских репрессиях в Армении. Поскольку на основе того же материала планировалось снять документальный фильм, и около 15 интервью были продублированы для профессиональных съемок, это дало возможность сравнить рассказы одних и тех же людей, записанные в разных ситуациях. Это позволило увидеть ряд методологических проблем, связанных с гендерными различиями в нарративах и в практиках репрезентации памяти о репрессиях. Через тексты второго поколения выявились особенности «женского нарратива», независимо от пола рассказчика. «Женский текст» второго поколения позволил не только вербализовать позицию женщин в условиях репрессий, но и увидеть «женскую субъектность», сочетавшую советскую идеологию с нормами традиционного общества и, в зависимости от ситуации, быстро переключающуюся от одного кода [1] к другому. **Ключевые слова:** *устная история, репрессии, гендер, память, депортация армян.*

Устные истории как альтернативный и дополнительный метод социального исследования по армянскому материалу впервые был применен по поводу геноцида армян в Османской империи, что было связано со сложностями изучения темы «непризнанного геноцида» как в СССР, так и во многих западных университетах. К теме же советских репрессий в Армении этот метод стали применять еди-

¹ Статья написана в рамках проекта 15РГ-27.

нические историки в поздние 1980-е, а журналисты — лишь в поздние 1990-е гг. не без влияния практик сбора устных историй об армянском геноциде и по аналогии с опытом в этом вопросе армянской диаспоры, они же и первые начали создавать банк интервью о советских репрессиях [2]. Когда наша исследовательская команда в 2013–2016 гг. начинала проект «Armenia Total(itar)is», то он задумывался как антропологический анализ повседневных практик выживания в условиях сталинских репрессий в Армении. Однако мы столкнулись с тем, что политический контекст этого периода у нас слабо пересмотрен и почти проигнорирован историками. Поиски объяснений этой ситуации подвели к проблемам изучения памяти о травматических событиях и расширили методологический арсенал, включив видеосъемку и повторные интервью как возможность выявления устоявшихся нарративов, работы не только памяти, но и постпамяти.

Насколько можно считать этнографическим/антропологическим исследование, которое не основано на наблюдениях (человека, участвующего или не участвующего в событиях), а сделано на основе интервью, сегодня становится все более актуальным вопросом. Нынешние исследовательские проекты, как правило, строго ограниченные во времени, обычно не позволяют планировать длительное полевое наблюдение. Потому, независимо от исследовательского вопроса, многие из них не могут обойтись без разных техник интервьюирования, которые сокращают время сбора материала, но при этом исследователи не всегда учитывают, что работают в основном с текстами памяти. На деле множество советских этнографических исследований, направленных на реконструкцию традиционного быта по рассказам старожилов, в качестве основного источника также имели тексты памяти, однако инструментарий анализа обычно игнорировал этот факт, предлагая воспоминания как объективные данные.

При попытке концептуализировать зарегистрированные в рамках нашего проекта биографические интервью стало очевидно, что красной нитью в них проходит проблема советской модернизации традиционных культур в разных частях бывшей российской империи. В частности, на Кавказе, в зависимости от трудовой, социальной ниши, которую занимал тот или иной народ, степень технологической и социальной модернизации локальных групп даже в рамках одного поселения могла быть достаточно различной. Нациостроительство по советскому образцу, несмотря на множество параллелей в разных регионах бывшего СССР, при более детальном рассмо-

тренинг раскрывает уникальный спектр считывания общих правил и вырабатывает не только локальные практики адаптации к ним, но и отличные друг от друга интерпретации [10–11].

Итак, советская модернизация происходит на фоне трансформации традиционной культуры, когда технологическая и социальная модернизация сверху, осуществляемая репрессивными методами, ложится на сетку традиционных взаимоотношений и порождает некий гибрид, не похожий ни на одно другое сообщество в том же СССР. Поскольку нашу первоначальную задачу мы определили как изучение советской повседневности, то, не вдаваясь в детали, считаю важным определить свою позицию в полемике, развернувшейся по поводу правомочности оценивать эту повседневность в категориях «тоталитарного общества», оспариваемую Ш. Фицпатрик, считавшей, что на уровне повседневных практик не стоит говорить о тоталитаризме [12], тогда как Й. Хелльбек на примере изучения советских дневников [13] показал, что идеология действительно пронизывает все общество, и поставил вопрос о формировании советской субъектности обычных граждан, независимо от занимаемых должностей или членства в партии. Наш материал показывает локальные формы адаптации тоталитарной идеологии к местному традиционному быту как на уровне повседневных практик, так и в текстах саморепрезентации репрессированных и/или их потомков. Особенно любопытно в этом смысле сравнение женских и мужских текстов. Мужской рассказ чаще выстраивался с позиции принятия на себя определенной ответственности за происходящее в стране, если даже это рассказ жертвы, как правило, очень эмоциональный и драматичный, тогда как женские тексты выстраиваются как отстраненные от политического контекста сюжеты, это скорее тексты о выживании в условиях, заданных независимо от позиции рассказчика. Конечно, в этих текстах есть и понимание политической системы, всей ее несправедливости, незаконности и т. д., но при этом нет участия и тем более чувства ответственности за происходящее. И если дихотомизировать данное сравнение, то мужские тексты говорят о том, что их рассказчики были скорее «субъектами» этой ситуации, тогда как авторы-женщины выступают с позиций «объекта» сложившейся системы. Лучше всего эта дихотомия видна в «эго-документах» — дневниках, мемуарах, написанных жертвами сталинских репрессий. Мужские тексты больше говорят об авторе, который выступают основным героем рассказов, и события разворачиваются вокруг него, тогда как женские тексты — это чаще рассказы о группе: семье, общине, коллективе.

Хорошей иллюстрацией сказанному может послужить дневник Арпеник Алексанян, студентки мединститута Тбилиси, семью которой сослали в Томскую область в рамках операции «Волна» [14] – депортации армян в 1949 г. [15]. Уже в самом начале своего дневника она объясняет, для чего начала его вести. Поскольку семья оказалась разделена на две части, старшая сестра, которая была замужем и имела двух детей, осталась в Тбилиси, а родители и остальные три дочери были сосланы, поскольку родители были бывшими турецкоподданными. Контингент депортированных наряду с дашнаками, бывшими грекоподданными и попавшими в немецкий плен армянами составляли и бывшие турецкоподданные. Итак, дневник Арпеник начала вести для того, чтобы впоследствии ее племянники могли узнать жизнь своих родственников «из первых уст» и тем самым сумели преодолеть неизбежное из-за расстояния отчуждение между нею и горячо любимыми племянниками. Однако по ходу написания дневника он превращается в летопись всей ссылки и описания армянской общины в условиях Сибири. Более того, это летопись, которую ведет не один человек, а, можно сказать, его составляют почти коллективно. Во-первых, о том, что она начала вести дневник, знали не только члены семьи, но и многие из друзей и знакомых. Иногда, когда не хватало времени, какие-то события в дневник записывала сестра. О каких-то событиях или тяжелых условиях проживания на новом месте ее просили записать в дневник и другие высленцы, которые, видимо, воспринимали ее дневник как коллективное послание в будущее.

Еще один пример коллективного дневника у нас появился в 1989 г., когда на фоне карабахского конфликта в Кировабаде, в городе, где почти половину населения составляли армяне, компактно поселенные в одном из районов, начался погром армян и армянонаселенный квартал организовал самооборону. Те армяне, которые оказались на территории города, населенного в основном азербайджанцами, пытались прорваться на армянскую половину, и когда им это удавалось, рассказывали, что происходило в остальной части города, каким преследованиям и погромам подвергалось армянское население. Руководством сил самообороны было принято решение записывать эти рассказы очевидцев, составляя таким образом действительно коллективный дневник, который вели дежурные, принимающие беженцев из азербайджанской части города [17].

Текст Арпеник Алексанян интересен тем, что, как и коллективный кировабадский дневник, это был не столько личный дневник,

сколько публичное свидетельство для грядущего суда, в справедливость и неизбежность которого они верили. Вопрос адресации подобных текстов — конечно, один из наиболее важных, поскольку он определяет, не только *что* рассказывалось, но и *как* рассказывалось. И если в письменном документе адресация либо указана непосредственно, либо ее можно восстановить, хотя, как в случае дневника Арпеник Александян, адресат по ходу написания может меняться, то в случае устного текста адресат рассказа, интервьюер очень сильно влияет на оформление нарратива. Так, например, во время нашего исследовательского проекта по поводу исследований повседневности репрессированных, на базе которого предполагалось сделать и документальный фильм, 15 отобранных нами интервью было решено продублировать для профессиональных съемок. Эксперимент с повтором биографии одного и того же человека, рассказанной в разных условиях, позволил увидеть, с одной стороны, степень зависимости рассказа от адресата, а с другой — раскрыл некоторые гендерные особенности запоминания и выстраивания «текстов памяти». Так, стало возможным проанализировать, как и что менялось при появлении профессиональной камеры с оператором (в отличие от первой записи, которая велась либо просто на диктофон, либо на камеру, но без оператора, то есть это был формат более интимного диалога исследователя и его собеседника, когда минут через пятнадцать присутствие камеры забывалось). Так, выяснилось, что, например, текст, дважды рассказанный одному и тому же человеку, менялся значительно меньше, чем когда рассказ был адресован разным исследователям. Благодаря технической необходимости повторного рассказа выяснилось также, что в «мужских текстах» сюжеты о репрессиях имеют более устойчивый нарратив. Люди не просто легко вспоминают свой текст, но воспроизводят его с тем же эмоциональным наполнением — при повторном почти дословном пересказе человек в одних и тех же местах начинает плакать, в одних и тех же местах исполнение становится пафосно-риторическим, а если он забывает какой-нибудь сюжет, то, чтобы подсказать его, достаточно назвать лишь слово, и текст восстанавливается полностью и пересказывается с той же эмоциональностью, что и в первый раз.

У женщин пересказывание сюжетов о семейных репрессиях получалось несколько иначе. Было очевидно, что у большинства из них нет устоявшегося текста на эти сюжеты. Среди армянских этнографов бытует профессиональное мнение, что женщины в Армении — хорошие рассказчицы и знатоки семейной истории, и оно воз-

никло не без основания. В Армении женщины действительно часто являются не только носителями, но и трансляторами родословных, которые в других культурах того же Кавказа чаще считались мужской прерогативой и мужским текстом¹. При этом сюжеты о репрессиях для них оказались гораздо более сложным рассказом, наррация на эти темы создавалась по ходу беседы, было очевидно, что у них не было повода рассказывать эти истории прежде. Многие признавались, что мы первые, с кем они поделились ими. Соответственно, повторить рассказ во второй раз им было значительно сложнее, чем мужчинам. Повторения как такового и не получалось. Даже с нашей подсказкой сюжетов, услышанных во время первой беседы, воспроизведение их во второй раз на профессиональную камеру женщинам удавалось не всегда. Каждый раз это был другой текст, с другими и содержательными, и эмоциональными акцентами, даже событийный ряд сильно менялся. «Эффект импринтинга», эмоционально запечатленного повтора рассказа, удавался лишь при передаче анекдотичных сюжетов, которые, видимо, не раз пересказывались в разных ситуациях как отдельные веселые истории. Это говорит о том, что сюжеты про репрессии – будь это собственные (история о ссылке) или опосредованные (истории родителей) рассказы – имеют разные практики проговаривания в зависимости от пола рассказчика. В семьях, где носителями этих историй были женщины, их дети и внуки чаще всего признавались, что они впервые вместе с нами слышат эти истории, а некоторые узнали о них только после нашей публикации видеоинтервью на сайте нашего проекта (www.armeniatotalitaris.am), что любопытно в плане предпочтений форм коммуникаций в наше время.

Если же авторами историй о репрессиях были мужчины, то их рассказы оставляли впечатление более устоявшегося текста. Надо заметить, что основной объем письменных мемуаров, которые нам удалось собрать в ходе полевого исследования, также приходится на авторов-мужчин. Их рассказы значительно чаще воспроизводились следующими поколениями, что свидетельствует о частоте проговаривания этих сюжетов в семье. Это не говорит о том, что женщины не рассказывали о своей молодости или детстве, но сюжеты их рассказов чаще были из области «неполитического тек-

¹ Этим замечанием во время своего семинара в 2014 г. в Институте археологии и этнографии НАН РА поделился американский антрополог Игорь Крупник, опираясь на свой полевой опыт работы в разных кавказских, в том числе армянских, поселениях в 1980-х гг.

ста». Здесь, конечно, встает вопрос и об «исследовательской конструкции» понятия «истории о репрессиях», под которым исследователь предполагает через автобиографический рассказ получить/спровоцировать текст из сферы политического дискурса. Женские же рассказы – это чаще истории о выживании, о взаимовыручке, бытовых ситуациях, что сложнее соотносить с ожидаемым нарративом строго о репрессиях. Рассказы мужчин о тех же сюжетах выживания обязательно перемежаются политической оценкой ситуации, вопросами о причинах, поиском виноватых, историческими обобщениями (например, «предательство всегда было свойственно армянам, вспомните Мелика Франгюля, Васака» – из интервью Руссо Абрамяна [18]).

Различаются не только вербальные тексты, но и формы мемориализации памяти о репрессиях. Если женщины тщательно хранили различные документы, фотографии или различные предметы, связанные с репрессированными членами семьи или собственной биографии, обернув их в несколько слоев пакетов и папок, иногда с подробными надписями о содержимом этих пакетов, то мужчины предпочитали выставлять «предметы памяти» напоказ, занимая ими видный уголок комнаты, иногда сооружая стенд или, если это фотографии, то не просто наклеивать их в альбом, а вставлять в некоторый контекст. Например, Сергей Хуршудян использовал для этого один из иллюстрирующих советскую Армению книгу-альбом, куда вклеивал свои фотографии или документы, создавая коллажи из домашнего архива и вырезок из газет и журналов на фоне фотографий книги про «благополучную Армению». Таким образом, куски частной биографии были вписаны в политический контекст страны, а любимые герои, в том числе представители властей, оказывались в одном кадре с составителем или членами его семьи.

Другой вариант «фреймирования» мужского альбома, как, например, у Руссо Абрамяна, – это использование принципа «дембельского альбома», где каждая из фотографий комментируется и дополняется рисунком от руки или картинкой из каких-либо публикаций. В его коллекции, наверное, самым интересным экспонатом можно считать паспорт отца, где на место его фотографии он вклеил совместную с отцом свою фотографию, сделанную во время сибирской депортации, тем самым создав «документ» о своей депортации вместе с отцом, поскольку из пяти братьев только он, единственный несовершеннолетний, был сослан вместе с родителями. Таким образом, если женщины обращались с «предметами памяти» как работ-

ники музейных фондов, то мужчины больше напоминали музейных гидов, которые не только показывают экспонат, но обязательно его еще и комментируют.

Интересно даже не столько то, что сюжеты о репрессиях у рассказчиц-женщин и у мужчин по-разному отбираются и репрезентируются, но и то, что во многих рассказах мужчин очевиден след «женской» перспективы. При всей условности и критике понятия «женского текста» [19, с. 543], который чаще определяется по полу рассказчика либо по адресату или литературным традициям, которым следует автор; в данном случае я вынуждена использовать это определение в своем основном значении за неимением лучшего, понимая всю относительность этой конструкции. Здесь я апеллирую не к письменному тексту (хотя в фокусе нашего анализа были и такие, ср. упомянутый сибирский дневник А. Алексанян), а к устному рассказу, в котором «женское авторство» определялось либо прямыми ссылками рассказчика на «женский» источник (ср.: «мама рассказывала, что...»), либо сюжетами, где героями ситуации были женщины (ср.: «мама никогда не говорила, но всем своим поведением показывала...»). В этом смысле мы можем видеть наличие «женского» текста в рассказах как женщин, так и мужчин.

Одной из стереотипичных характеристик, приписываемых «женскому» тексту, является эмоциональность, невозможность отстраненного рационального изложения, обилие эмоциональных знаков препинания на письме и т. д. Подобные характеристики приписывались «женскому тексту» начиная с XIX в. [19, с. 546–550], тогда как в нашем полевым материале женское авторство вовсе не предполагает особую эмоциональность или подавленность, скорее наоборот. На удивление, эти качества были более присущи мужскому повествованию. Например, уже упомянутый текст «Дневника» А. Алексанян в категориях традиционных характеристик «мужских» и «женских» текстов я бы определила скорее как мужской, нежели женский. Несмотря на название, это не текст «женского дневника», здесь минимальны истории о любви, нет задачи саморепрезентации или описания собственных переживаний, о которых можно смутно догадываться по скупым нейтральным констатациям фактов или пропускам ожидаемых сюжетов. Как можно было догадаться из дневника, подобные тексты писались, но они излагались в письмах к сестре, к подругам. В дневник же попадали тексты более публичного характера. Как я уже отмечала, это была летопись семьи и даже общины, сформировавшейся на месте нового поселения.

Похожая логика изложения – рассказы не о себе, а о выживании семьи – свойственна и устному рассказу женщин о ссылке. Часто это истории об остроумном выходе из сложной ситуации, перечеркивание всяких идеологий и принципов, когда на кон ставился вопрос выживания. Если и можно проследить какие-то принципы, то это, скорее, нормы традиционного общества, не имеющие ничего общего с официальной идеологией, иногда просто противоречащие ей. Хорошей иллюстрацией сказанному может послужить рассказ Паруйра Тонояна [20] о его бабушке, вырастившей детей своего расстрелянного в 1937 г. сына, который развелся с женой незадолго до ареста и потому единственным попечителем внуков осталась бабушка – бывшая коммунистка, отказавшаяся от партбилета, когда арестовали сына. Весь рассказ ее внука – это череда принятых ею профилактических мер, направленных на защиту семьи. В этой истории удивительно, как неграмотная женщина умело и дипломатично использует и идеологическую риторику, и советские законы, и традиционные нормы, функционирующие в ее среде, как только возникает опасность, что детей заберут в детдом, морское училище или арестуют ее саму. Так, например, на случай прихода работников НКВД у нее была подготовлена специальная подшивка газет с цитатами Сталина о том, что «сын за отца не отвечает». В той же кипе документов – заверенное попечительство над внуками. Поскольку она была замужем во второй раз, ее фамилия не совпадала с фамилией сына от первого брака, и это было дополнительной защитой для внуков, которые за ее новой фамилией были менее заметны для властей. В то же самое время она могла обыграть какие-то нормы традиционного общества и даже верований, пытаясь доказать свою преданность новым властям, причем используя инструментарий, противоположный господствующей идеологии, но в определенной степени все еще разделяемой ее односельчанами – сотрудниками НКВД, мировоззрение которых на деле не сильно отличалось от представлений неграмотной женщины. Например, когда в очередной раз работники НКВД пришли, чтобы допросить ее и сестру по поводу арестованных сыновей, она предлагает просто поклясться, что они невиновны. Работник НКВД соглашается, говоря, что верит клятвам. Обращаясь к сестре, сыновей которой звали в честь партийных лидеров – Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, женщина предлагает: «Давай поклянемся жизнями своих сыновей, в том, что они верны партии и государству, но прежде чем поклясться, давай отложим имя твоего сына, Сталина, в сторону, на случай, если мы не правы, чтобы с именем ниче-

го не случилось...» Подобные манифестации «верности» с переменным успехом срабатывали. Во всяком случае, после каждого прихода работников НКВД ей удавалось не только не быть арестованной, но и не отдать внуков, за которыми приходили четыре раза. Параллельно с этой показной верностью она находила способ воспитания во внуках глубокого обожания по отношению к своему опальному отцу. Это двойная система ценностей входила в жизнь нашего собеседника — внука этой женщины — как незаметный элемент повседневных стратегий выживания. Лицемерию или двойным стандартам бабушка относилась вполне осознанно: «Черное своего сердца убери вовнутрь, пусть это будет изнанка, а красное сделай лицевой стороной, пусть люди не знают, что тебе плохо». Такой совет может выглядеть как воспитание мужской сдержанности, если бы не иллюстрация ее собственного поведения: когда за очередной жертвой приезжал черный «воронок», она с внуком запиралась в хлеву, рыдая во весь голос, а потом весело, громко смеясь, разговаривала с теми, кто недавно арестовывал ее односельчан. Подобное поведение было продиктовано особой сложностью личной ситуации этой женщины, сын которой до ареста сам представлял власть и занимал высокий пост, заставляя людей записываться в колхоз и т. д., и, соответственно, она была «чужой» не только властям, но и односельчанам. Ей приходилось выживать и поднимать внуков вопреки всем: и обществу, и власти. При этом у нее были свои строгие представления о морали, которых она придерживалась бескомпромиссно и принципиально. Это, например, непримиримое отношение к измене невестки, смертельная обида и месть брату за то, что он не пригласил ее, как мать «врага народа», на свадьбу дочери, взятие на себя организации похорон оставшегося без потомства родственника, опека над детьми арестованного брата и т. д. То есть область правил, которые регулировали нормы традиционного общества, у нее оставалась неизменной, тогда как по отношению к властям или к новым порядкам и сюжетам (например, к арестам) она проявляла невиданную гибкость и изворотливость, любые принципы здесь становились относительными. Внуки могли видеть, как она первая выполняет все «обязательно-добровольные» советские правила (первая на селе сдает требуемые налоги, больше остальных готовит посылок на фронт, в качестве демонстрации лояльности властям больше других покупает облигаций, при этом продавая все самое необходимое, и т. д.). В то же время она готова изменить этой власти в любой момент (например, профилактически сжигает тома Ленина, когда линия фронта приближа-

ется к Кавказу). В системе патриархатных традиционных ценностей отец должен был быть образцом и главным героем для сына. Но в условиях, когда ее сын считался врагом народа, она не могла открыто прививать внуку культ отца, и тем не менее, как утверждал внук, ей это удалось.

Рассказы репрессированных о том, какое у членов их семей было отношение к ним, могут быть самыми различными: это истории и неприятия, и отказа, и полного обожания. Но вопрос, как же формировалось негативное или позитивное отношение к репрессированным родственникам, остается открытым, поскольку эта часть взаимоотношений складывалась вне локуса контроля самих репрессированных, чаще оказывающихся в центре внимания исследователей, тогда как рассказы членов их семей оказывались вне исследовательских интересов. А так как мы начали наше исследование достаточно поздно, у нас не было большого выбора информантов указанной группы, и мы имели дело больше с детьми репрессированных, то есть в большей степени с текстами «постпамяти», нежели с рассказами самих репрессированных. Рассказы их детей даже сложно определить как рассказы второго поколения – скорее «полтора», поскольку, не будучи репрессированными, они в определенной степени подвергались многим ограничениям как ЧСИР («члены семьи изменника родины»). Но, помимо этого, их тексты интересны именно как артикуляция социализации в условиях репрессий, когда интернализируются новые правила, сочетаемые с установками традиционного общества. Фактически рассказы «бывших детей» особенно содержательны в плане того, как складывалась новая система ценностей, как воспитывался и формировался «позднесоветский» человек. Так, в рассказе Паруйра Тонояна о том, как бабушка подбадривала его, двенадцатилетнего парня, во время его первого опыта косябы, сравнивая с отцом, лучше всего иллюстрируют тот повседневный фон позитивных оценок репрессированных членов семьи, которые путем подобных неидеологизированных ситуаций приобретали образ «героя, достойного подражания», невзирая на текущий статус «врага народа». При этом одни и те же сюжеты в текстах биографий детей и взрослых будут иметь разные оценки важности, внимания и детализации. Если применить метод анализа биографий В. Голофаства [21] к нашим интервью, разделив сюжеты на слои рутины, события и скрытого, то в текстах «воспитателей» (старшего поколения) подобные сюжеты либо вообще отсутствовали (скрывались), либо в лучшем случае оказывались в слое «рутины». Тогда как для ребенка, запомнившего свой первый сенокос, он

становится событием, и потому все сопутствующие детали, в том числе и поощрительные тексты бабушки, приобретают важность и запоминаются как элементы «флешбалб мемори» [22, 23], где важность события высвечивает повседневные рутинные детали и сцепляет их в памяти как нерасторжимую, а потому вполне проговариваемую в биографических интервью череду событий.

Понимание и восстановление «рутинных событий», на фоне которых формировались дети эпохи Большого террора и 1940–1950-х гг. (как поколения «без отцов»), приобретает особую важность с учетом проведенного А. Юрчаком анализа позднесоветского поколения, готового легко расстаться с советской идеологией, как он объяснял, в основном за счет формализации идеологического дискурса [24]. Вышеизложенный ракурс рассмотрения семейных историй репрессированных позволяет предположить, что помимо процесса, который шел сверху – формализации и ритуализации идеологических практик, постепенно теряющих содержательность и формирующих «внеаходимость» граждан по отношению к тоталитарному государству, – шел параллельный процесс интернализации взаимоисключающих систем ценностей: традиционной и советской модернизационной. Более того, подобные ретроспекции повседневности позволяют понять, как при полной лояльности к властям в Армении был возможен массовый бунт в 1965 г., поднявший на протестный митинг более 50 000 человек в Ереване [25], а в 1988 г. – сотни тысяч. Более того, через оценку домашнего «женского» воспитания становятся более очевидными трансляция традиционных ценностей и их быстрая ре-легитимизация в условиях постсоветской действительности, когда можно наблюдать определенный процесс контрмодернизации [26]. Такой путь социализации и воспитания советских поколений, прошедших террор и войну, мы предлагаем условно назвать «женским», имея в виду не только статистику, которая наглядно говорит о резком сокращении мужского населения в этот период, но и форму особой стратегии взаимоотношений с властями – отстранение от них и соблюдение лишь формальной манифестации лояльности. Ситуация, которая хорошо иллюстрируется поговоркой испанских крестьян, упомянутых Дж. Скоттом в его работе «Оружие слабых»: «Я подчиняюсь, но не повинуюсь».

По этому поводу стоит обратить внимание на гендерный дисбаланс репрессий. В частности, в Армении, где благодаря недавнему проекту Армянского центра этнологических исследований «Азарашен» совместно с Национальным архивом Армении была составлена

наиболее полная среди бывших стран СССР база данных по репрессированным, включающая все дела репрессированных, хранящихся в Национальном архиве. Согласно этой статистике, в Армении из около 45 000 репрессированных 6130 женщин были высланы во время депортации в 1949 г. как члены семей, подлежащих высылке согласно указанным в приказе контингентам, и только около 1250 дел заведены на женщин, причем в основном идущих как ЧСИР. То есть сами женщины редко становились мишенью для властей, они попадали под репрессии в основном как «дополнение» к мужчинам или средство для их шантажа. С одной стороны, это говорило о том, что несмотря на объявленное равенство мужчин и женщин, государство, конечно, видело их в качестве акторов разного порядка, причем степень «субъектности» женщин с позиции властей в национальных республиках также различалась. Например, приговоры, выносимые женщинам в Армении, обычно шли по минимальному по данной статье сроку, который менялся на максимальный, когда дело попадало на пересмотр в Москву [27]. С другой стороны, «невидимость» женщин позволяла им делать то, чего мужчины не смели. Соответственно в некоторых протестных акциях, например в бунтах при закрытии церквей, участвовало больше женщин, чем мужчин¹. На их долю приходится и более незаметные формы каждодневного протеста, выражение несогласия с решениями властей, что оставалось незамеченным властями, но усваивалось детьми. Один из наших собеседников рассказывает: «Моя мать никогда не говорила, что твой отец не виноват, но она всем своим поведением показывала, что это так» [28]. Эти обычно не проговариваемые жесты, мимика, реакция давали детям понять и почувствовать, что не все так однозначно в усваиваемой в школе официальной пропаганде. Потому и «женские» тексты, звучащие из уст мужчин или женщин — бывших детей, которые выросли под влиянием в основном женщин, — это не только жизнеутверждающие сюжеты о борьбе и выживании, но часто и контр-тексты по отношению к официальной идеологии.

Во время нашей полевой работы ожидания исследователя, что он сейчас услышит текст о «травматическом опыте», часто не оправдывался благодаря тому, что публичной травматизации сюжета депортации армян не было, как не было и адекватной политической и исторической оценки ни этому событию, ни собственно самим репрессиям. Эти сюжеты не стали предметом публичного дискурса и

¹ Интервью с главой Ширакской епархии епископом Микаэлом Ачапаяном.

соответственно не были фреймированы как «травматический опыт», что, конечно, не отменяет драматического переживания репрессий или депортации для каждой отдельной семьи. Но речь о том, что эти сюжеты не стали общим текстом, они, скорее, остались «памятью тех, кого это коснулось» и вспоминаются по-разному в зависимости от того, кто рассказчик – мужчина или женщина, в каком возрасте он/она были свидетелями этих событий и/или через кого была транслирована семейная история.

Итак, благодаря необходимости видеосъемок выявились неожиданные методологические перспективы анализа повторных интервью, не только позволяющие определить степень канонизации снятых нарративов, но и дающие возможность выделить «женские» и «мужские» тексты с более детализированной картиной советской повседневности. Подобный подход добавляет к исследовательской задаче устных историй как альтернативных официальным текстам источников новые возможности для их использования в качестве методологического инструментария.

Литература и источники

1. Elwert G. Switching of We-Group Identities: The Alevis as a Case Among Many Others // *Syncretistic Religious Communities in the Near East* / Kehl-Bodrogi, Krisztina, Kellner-Heinkele, Barbara, Otter-Beaujean Anke (eds.). Koninklijke Brill, Leiden, 1997. P. 65–87.
2. Шагоян Г. А. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // *Депортация армян 14 июня 1949 года*. Новосибирск: Наука, 2016. С. 216–223.
3. Манукян А. Репрессированные священники Армянской апостольской церкви (1930–1938 гг.). Ереван: Амроц, 1997 (на арм. яз.).
4. Манукян А. Политические репрессии в Армении 1920–1953 гг. Ереван: Араресум-Ани, 1999 (на арм. яз.).
5. Минасян Г. 111 репрессированных врачей, 1920–1954 гг.: биогр. справочник. Кн. 1. Ереван, 2006 (на арм. яз.).
6. Смбалян Г. По эту сторону железной занавеси. Ереван: Зангак-97, 2009 (на арм. яз.).
7. Кундакчян А. Репрессии репатриантов в сталинский период. Ереван, 2010 (на арм. яз.).
8. Шагоян Г. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти // *Гефтер: интернет-журнал*. URL: <http://gefter.ru/archive/18335> (дата обращения: 25.04.2016).
9. Харатян Г., Шагоян Г., Марутян А., Абрамян Л. Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность. Ереван: Гитутюн, 2016 (на арм. яз.).

10. Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015.
11. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: Рос. полит. энцикл., 2011.
12. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.
13. Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017.
14. Алексанян А. Сибирский дневник, 1949–1953. Ереван: Гитутюн, 2013.
15. Депортация армян 14 июня 1949 года. Новосибирск: Наука, 2016.
16. Шагоян Г. Возвращаясь в «советское сейчас»: дневник-летопись-мемуары Арпенник Алексанян. Сибирский дневник 1949–1954 гг. Ереван: Гитутюн. НАН РА, 2007. 408 с. (Антропология памяти. Вып. I). // *Ab Imperio*. 2012. № 2. С. 569–581.
17. Самооборона армян Кировабада в 1988–1989 гг. Глазами очевидцев. Сост.: Г. Оганезов, Г. Харатян. Ереван: Гитутюн, 2014.
18. Абрамян Р. [Интервью] // *Armenia Total(itar)*, URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=5890&lang=ru>
19. Жеребкина И. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования. Ч. I, Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
20. Тоноян П. [Интервью] // *Armenia Total(itar)is*, URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3167&lang=ru>.
21. Голофаст В. Концепции индивида и пространство биографий // *Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе*. СПб., 2003. С. 5–17.
22. Brown R., Kulik J. Flashbulb Memories // *Cognition*. 1977. № 5 (1). С. 73–99.
23. Pillemer D. B. Momentous Events, Vivid Memories. How Unforgettable Moments Help Us Understand the Meaning of Our Lives. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1998.
24. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.
25. Lehmann M. Apricot Socialism: The National Past, the Soviet Project, and the Imagining of Community in Late Soviet Armenia // *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*; Cambridge University Press. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.74.1.9>.
26. Shagoyan G. From Ideologies to Technologies: an Anthropological overview of Elections as an Indicator of Modernization and Counter-Modernization of Armenian Society // *South Caucasus at a Crossroad. Thorny Realities and Great Expectations*, Salome Asatiani, Nino Lejava (eds.), Heinrich Boll Stiftung South Caucasus, 2014. P. 108–121.
27. Саргсян Т. «Недоносящие» женщины // *Политические репрессии на Южном Кавказе от советизации до 1950-х гг.: история, повседневность, память (25–26 октября 2017 г.)* (на арм. яз.).
28. Арутюнян Р. [Интервью] // *Armenia Total(itar)*. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3178&lang=ru>.

G. H. Shagoyan

Oral History Video-recording As Research Method and a Source of the Stalin Era Repressions in Armenia

Senior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, National Acad. Sci. Armenia

Abstract. The author discusses some problems she had encountered with when analyzing interviews that have been taken for an oral history project on Stalin era repressions in Armenia. On the base of the same field material, a documentary was planned to be produced, and some 15 interviews were repeated for professional shooting. This gave an opportunity to compare narratives of the same people recorded in different conditions. As a result, a number of methodological problems became visible related with gender differences in narratives and in practices of representing the memory on repressions. Through the texts of the second generation, the peculiarities of “female narrative” were revealed irrelevant to the narrator’s sex. The “female text” of the second generation allowed not only to verbalize women’s position depending on the conditions of repressions, but also to see the “female subjectivity” which combines the soviet ideology with the norms of traditional society and, depending on the situation, quickly switches over from one code to another. **Keywords:** *oral history, repressions, gender, memory, post-memory, deportation of the Armenians.*

Щеглова Татьяна Кирилловна

Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории¹

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются факторы и причины возникновения устной истории России в контексте перестройки, развития исторической науки и международной практики; выявляются страноведческие особенности российской устной истории в сравнении с зарубежной американской и европейской устной историей. Характеризуются условия и участники процессов институализации устной истории, темы и направления устноисторических исследований на протяжении 1980–2010 гг. Описываются образование и деятельность первых научных обществ устной истории в России, их цели, задачи, формы работы. Делается вывод о различиях между столичными и региональными центрами устной истории, описывается их деятельность, выделяются этапы в их развитии, определяются направления, формы и темы столичных и провинциальных центров устной истории. Выявляются новые тенденции на современном этапе российской устной истории, в частности переход от разработки табуированных тем и ликвидации источникового голода к антропологизации исследовательской деятельности центров устной истории. **Ключевые слова:** *перестройка, постсоветский период, российская историческая наука, российская устная история, столичные и региональные центры устной истории, формы, направления, тенденции деятельности, российские устные историки.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-21-200001.

Устная история как «oral history» в России прошла тридцатилетний период развития¹. Страноведческие особенности устной истории в международной практике определяются прежде всего историческим прошлым того или иного общества, его исторической памятью. Влияли и другие факторы, которые обуславливали специфику развития устной истории в той или иной стране (например, развитие устной истории как «истории снизу» и/или «истории сверху»), направления и темы исследований и т. д. Факторы и причины могли быть объективными и субъективными: например, для устной истории России и стран СНГ большую роль играют менталитет общества, историографические традиции, состояние источниковой базы. Большое влияние в России, как и в любой стране, оказывает государство, его идеология, его национальная идея, его политические и общественные традиции и институты. Это влияние может быть прямым, что проявляется, например, в запрете или замалчивании тех или иных проблем исторического прошлого и, наоборот, акцентуации на других событиях, явлениях, процессах, их мифологизации, формировании пантеона отрицательных и положительных исторических деятелей и т. п. Влияние может быть опосредованным, через поддержку тех или иных оценок, манипулирование общественным сознанием через моделирование идеологием и стереотипов. В каждом государстве, обществе, социуме сложился свой комплекс факторов, обуславливающий и формы развития устной истории, и направления, и тематику, и темпы и уровень развития.

Различаются в разных странах и обстоятельства развития устной истории, и степень востребованности материалов устной истории научным сообществом, гражданским обществом, государственными институтами. Это зависит и от особенностей процессов формирования государственной национальной идеи и идеологии в образовавшихся на базе социалистических республик молодых самостоятельных государств [1–2]. Для «отпочковавшихся» от СССР/России государств создание «своей отдельной национальной истории» до сих пор является частью процессов суверенизации, формирования независимой государственной политики, развития гражданского общества, введения единого гражданства.

¹ Методы устной истории и ее источники использовались и в мировой, и в отечественной практике издревле, в том числе на протяжении всего XX века. Наиболее плодотворными в этом отношении в России являлись 1920-е и 1940-е гг.

Эти процессы и особенности исторического развития народов влияли и на возникновение и специфику страноведческих устных историй на постсоветском пространстве, их содержание и формы развития. Например, на формирование устной истории Армении повлияли трагические события, обусловленные последствиями раздела исторических территорий формирования армянского этноса, длительного проживания армян на них и перераспределения этих территорий между иными государствами, а также масштабными репрессиями (турецкий геноцид, советские депортации, постсоветские конфликты с Азербайджаном и т. д.), повлекшими за собой перманентные миграции армян и их стремление к консолидации [3].

На развитие устной истории Казахстана повлияла историческая память о голоде 1930-х гг., обусловленном седентаризацией кочевого общества и экспроприацией скота. Определенную роль в развитии устной истории Казахстана играло формирование пантеона «замалчиваемых» национальных героев борьбы с «российской колонизацией». Издержками формирования новых национальных историй при заказе и поддержке молодых государств является создание и новых идеологов, и новых мифологов, и новых стереотипов. Но они остаются вне поле зрения исследователей. Под влиянием этих и других тенденций формируются иные «умалчиваемые темы», лакуны и «белые пятна». Эти новые явления и в государственной политике, и в бытовой жизни не анализируются. Эффективным способом являются в том числе устная история через изучение восприятия у носителей исторической памяти нового научного историописания и новые интерпретации исторического прошлого с помощью интервьюирования участников и очевидцев прошлой советской эпохи.

Так или иначе на развитие устной истории на постсоветском пространстве влияют общие настроения и атмосфера в обществе, политика государства. Но, в отличие от новых официальных национальных историй, устная история в силу своего метода исследования – обращения к исторической памяти и жизненному эмпирическому опыту – дает и альтернативные оценки и точки зрения. Одинаковыми же причинами обращения профессиональных историков к устной истории во всех государствах, образовавшихся на территории распавшегося Советского Союза, являлся источниковедческий голод, обусловленный теми или иными принципами комплектования архивохранилищ, а на обыденном уровне – неудовлетворенность оценками советской официальной истории; несовпадение оценок официальной истории с эмпирическим опытом участников исторических событий и т. д.

Устная история за рубежом

Все эти условия и факторы в комплексе вели к разнообразию путей, причин и времени образования центров устной истории, составе участников устноисторического движения. В США центры устной истории первоначально формировались в русле документоведения и архивоведения. Побудительным мотивом являлся запрос государства и общества на информацию о деятельности выдающихся людей в сфере политики и экономики, которые своей деятельностью не только решали проблемы и вопросы внутреннего развития страны в 1930–1950-е гг., но и способствовали утверждению США на международной арене и превращению ее в супердержаву. Эта направленность государственной идеологии США совпала с моделированием менталитета американского общества. Популяризация американского образа жизни, увеличение роли США как лидера западного мира в противостоянии с СССР в годы холодной войны закрепили внимание исследователей к выдающимся (великим) личностям и на несколько десятилетий обусловили элитарное развитие устной истории в США.

Совокупность социально-политических запросов способствовало, во-первых, тому, что в США первые центры устной истории, возникнув при университетах (Columbia University Oral History Research Office, University of California at Los Angeles) не прижились сразу в университетской среде. Многие из них переместились в архивы и библиотеки – Центр устной истории Трумэна, Центр устной истории Рузвельта, Центр устной истории Форда и автомобилестроения и т. п. Во-вторых, недоверие со стороны академической науки вызвало то, что инициаторами устной истории в США были не столько профессиональные историки, сколько журналисты и публицисты, включая «отца устной истории США» – Аллана Нэвинса (Allan Nevins)¹, являвшегося в первую очередь журналистом, а финансировали занятие устной историей собственно сами заказчики устноисторических исследований – крупные корпорации, производственные и научные центры, государственные институты.

Целью интервьюирования стало создание «чистых документов» – создание источниковой базы для историков настоящего и особенно будущего, что, собственно, представляется важным назначени-

¹ Как известно, многие считали его посторонним для исторической профессии человеком. Он начал карьеру журналистом, поэтому был скорее популязатором науки, нежели исследователем. Работал над биографиями известных политических деятелей. Основная работа – биография основателя американского автомобилестроения Генри Форда.

ем устной истории, и такая позиция имеет свои преимущества. Эта позиция отразилась в выступлении директора библиотеки Трумэна Филипа Брукса на съезде устных историков США в 1966 г., которые собрались, чтобы создать Ассоциацию устной истории США: «Обычный историк интервьюирует живущих людей для достижения своих исследовательских задач, „устный архивист“ собирает материал для будущего его использования другими исследователями, т. е. у него нет конкретной исследовательской гипотезы, которую им нужно доказать или опровергнуть, а значит, такие условия позволяют обеспечить большую объективность собранного материала» [4]. Действительно, подход архивиста к созданию устного исторического источника отличается большей «чистотой», так как он сам не занимается их интерпретацией и не создает для своего исследования источниковую базу. Исследователь, привлекающий устную историю в качестве метода и источника, более зависим от собственной гипотезы, может быть пристрастен в подборке респондентов, формулировке вопросов и моделировании интервью, его интерпретации и т. д. Таким образом, американскую устную историю в период ее становления отличали две особенности: во-первых, интерес к большой политике и крупному бизнесу и, соответственно, к «великим людям и событиям»; во-вторых, рассмотрение устной истории как отрасли архивного дела. В этом смысле устная история США до сих пор служит способом мемориализации исторических деятелей и исторических событий.

Уклон в документалистику американской устной истории не остался незамеченным и российскими архивистами. Первые публикации об устной истории (oral history) отечественных исследователей появились в СССР в профессиональных журналах архивистов. Их авторами также являлись архивисты в союзе с историками [5–6].

В Европе с ее драматическими событиями XX в., революциями и двумя мировыми войнами, историографической традицией повышенного внимания к социальной истории устная история изначально проявила интерес к «человеку массовки». Интерес и сочувствие к его судьбе в масштабных социально-политических и экономических катаклизмах XX столетия привели устную историю к обращению к разным социальным слоям европейских социальных и этнических сообществ, особенно к уязвимым и маргинальным. Поэтому, в отличие от американской устной истории, европейская устная история приобрела изначально демократический характер и стала прорабатывать такие категории, как «историческая память» – коллективная и индивидуальная, травматическая память и т. д. Вместе с тем вре-

мя и причины приобщения европейских стран к устной истории были разными. Первые общества устной истории появились в Англии и Италии, что было объяснимо. В Англии благоприятными факторами являлись традиции колониальной этнографии, рабочей истории и истории лондонской бедноты в XIX столетии. В Италии значительную роль сыграл фактор масштабности и глубины погружения итальянского общества в события Второй мировой войны, его раскол и развитие движения Сопротивления.

Во Франции и Германии общества устной истории возникли позже. В каждой из этих стран были сдерживающие факторы. В развитии устной истории Франции это историографические традиции школы Анналов и авторитет Ф. Броделя. Благоприятными для устной истории Франции были многолетние традиции социал-демократического движения и движения Сопротивления во Вторую мировую войну. В Германии обращение к исторической памяти было сопряжено с послевоенным травматизмом и покаянием за нацизм. Поэтому устная история пришла в Германию через развитие нового направления исторических исследований – «историю повседневности». Она открыла более щадящие пути обращения к исторической памяти. Но в совокупности все страноведческие национальные школы устной истории Европы объединял интерес к «истории нижних этажей общества» через их оценки, мнения, суждения, то, что получило название «история снизу». Это дало основание характеризовать устную историю Европы на стадии ее становления как демократическое направление европейской устной истории, в отличие от элитарной американской устной истории.

Становление и развитие российского варианта oral history в 1980–1990-е гг: историческая логика событий в столицах и провинции

Появление oral history в России. Условия и факторы. Формированию отечественной устной истории на рубеже 1980–1990-х гг. как oral history способствовала нарастающая политизация российского общества в период перестройки и объявленной гласности. Центрами становления устной истории стали университеты. Но пути формирования устной истории, направления работы, а порой и цели различались в столичных городах и в провинции.

Московский клуб устной истории МГИАИ. Первый центр устной истории как Oral history был образован в Московском государственном историко-архивном институте в 1988 г. Это событие было за-

кономерным. Во-первых, потому что Oral history в зарубежной практике была тесно связана с формированием архивов — устных архивов. Во-вторых, потому что именно отечественные архивисты первыми освоили зарубежный опыт и познакомили российских исследователей с Oral history как направлением по созданию документов. В профессиональном журнале «Советские архивы» появились публикации, раскрывающие определения «устной истории», описывающие опыт использования методов устной истории в комплектовании архивных фондов, и т. п. [7–8]. В этом смысле можно говорить, что устная история в России возникла не в 1980-е, а в 1960–1870-е гг., и как в США — отрасль архивоведения. Но проникла она в СССР точно через архивоведение как способ формирования фондов госархивов документами личного происхождения.

Основными причинами возникновения центра устной истории в Москве стали процессы, которые происходили в обществе под влиянием перестройки. Традиционно эпицентром этих процессов на огромной территории России стала столица. История российского государства XX в. показывает, что именно столице принадлежала ведущая и определяющая роль во всех кардинальных переустройствах, насильственных или мирных. Так, Москва (и Санкт-Петербург) определяли характер, формы и темпы перестройки, сопровождавшейся политизацией и активизацией общественной жизни административного мегаполиса. События на периферии возникали в ответ на события в столице и, как продемонстрировала многовековая российская история, не имели решающего влияния ни на ход, ни на накал преобразований. Эта особенность российской истории, обусловленная значительными территориями и жесткой вертикалью власти, обеспечивающей целостность территории обширной страны, отражается в бытующем обыденном присловье — «всё решается в Москве», «всё решается *наверху*». Какими бы ни были события на периферии, инициатива преобразований, в том числе смена власти, ход процессов, формы, способы и пути преобразований определялись столицей.

Важными причинами обращения к устной истории и в столичном обществе, и в МГИАИ стали политизация интеллигенции в годы перестройки, возникновение оппозиционных настроений, начало правозащитного движения, рост протестных настроений и феерический процесс образования общественных организаций. Все эти факторы так или иначе повлияли на создание Московского клуба устной истории при МГИАИ в середине 1980-х г. Инициаторами в первую очередь стали студенческая молодежь и поддержавшие пере-

стройку профессура и преподаватели. На их позицию оказали влияние и попытки модернизации партийных институтов советско-социалистической системы, и бурное развитие общественно-политического движения.

Традиции активной гражданской позиции университетского общества идет из XIX в., с постдекабристской эпохи, когда общественное движение переместилось из армии (декабристские общества существовали в армии) в университетскую среду; из дворянских салонов – в студенческо-преподавательские кружки, когда в 1830-е гг. Московский и Санкт-Петербургский университеты стали центрами общественной мысли. А формирование российских мировоззренческих подходов и направлений общественной мысли рождалось в переосмыслении философского и идейно-политического наследия западных мыслителей – в частности, в отходе от декабристского увлечения теориями просвещенного абсолютизма французских философов и освоении рождающейся мощной новой немецкой философии (Гегель, Кант, Фейербах, Шелинг, а позже К. Маркс и Ф. Энгельс), а также утопического социализма (Фурье, Сен-Симон, Оуэн). На освоении новых философских доктрин собственно рождался и российский либерализм как «двуликий Янус» с двумя отечественными мировоззренческими теориями – западничеством и славянофильством, и демократическое движение («фурьеризм» – Петрашевский, Огарев, «крестьянский социализм» – Чернышевский, «русский социализм» – Герцен); панславинизм; анархизм и другие оригинальные мировоззренческие доктрины. И с 1830 до 1880-х гг. инициаторами претворения тех или иных доктрин в обыденную жизнь выступала молодежь. Именно при университетах или с их участием возникали разные легальные и нелегальные кружки, сменившие традицию развития общественной мысли в дворянских салонах (салоны Трубецких, Волконских и др.), которые взяли на себя и хождение в народ, и агитацию, и террор.

Таким образом, в России «революционизация» и «революционное возбуждение» во всех поворотных исторических временах охватывали наиболее активную и бесстрашную часть российского общества – молодежь. Так же как традиционным для российского общества являлось особое «возбуждение» российской интеллигенции, которая всегда отличалась склонностью к самопожертвованию ради идеалов. Это позволило в Оксфордском словаре в статье «интеллигенция» выделить и дать определение единственному национальному отряду – «интеллигенция российская». Ее возрастающая сила

проявилась во время «оттепели» и «гласности» эпохи Александра II. Как известно, эти понятия возникли именно в 1850-е гг., в преддверии реформы 1861 г. и при допущении общественности к обсуждению исторических перспектив после николаевской политики «железного занавеса» (также понятие из XIX в.). Сравнивая период рубежа 1950–1960-х гг. (перед и после отмены крепостного права) с периодом перестройки 1980-х гг., можно провести некоторую аналогию. Сходство проявлялось в атмосфере «возбуждения» в образованной среде столичного общества второй половины 1980-х гг., что способствовало перенесению (освоению) oral history на российскую почву и ее «перевариванию» в университетской исследовательской среде и в молодежном общественно-политическом движении.

Показательным в этом отношении является оценка состояния городского общества Москвы в беседе Алексея Пятковского с Ярославом Леонтьевым, выпускником МГИАИ, членом московского клуба устной истории (член Совета НИПЦ «Мемориал», доцент МГУ). Участник тех событий в своей интерпретации атмосферы в университетской и молодежной среде провел параллели между созданием клуба устной истории в МГИАИ и широкими общественными инициативами, в ходе которых родился и Московский народный фронт, и «Мемориал», и другие общественные организации, ставшие участниками последующих процессов перестройки: «Летом 88-го года... я познакомился с группой „Социалистическая инициатива“, с которой стал взаимодействовать и в которую затем вступил в качестве индивидуального члена. (Вступив в группу СИ, я продолжал оставаться председателем клуба „Былое“). В качестве представителя этой группы я и принял участие в первых шагах по созданию Московского народного фронта. Так, мне памятно довольно бурное организационное заседание 3 июля на квартире Евгения Дергунова на Тверской, речь на котором шла о выработке какого-то программного документа (но еще не Хартии МНФ). Это было собрание представителей различных групп, входивших в оргкомитет Московского народного фронта. В оргкомитет, создание которого произошло во многом по инициативе ФСОКа, тогда входили представители в том числе „Общины“ и группы „Мемориал“, созданной Дмитрием Юрасовым, Мариной Морозовой, Димой Леоновым и еще несколькими людьми, которые начинали „мемориальское“ движение на Пушкинской площади и возле Парка культуры со сбора подписей в поддержку создания мемориала в память жертв политических репрессий сталинского времени (не путать эту группу с будущим обществом «Мемори-

ал)... на этом собрании присутствовали и представители „Гражданского достоинства“ Золотарева... Там появлялись Сергей Станкевич, будущий депутат Верховного Совета России от МНФ... неуправляемый Герман Иванцов, представлявший младомарксистов (или как они там назывались?), но весьма друживший с „Общиной“. У Германа был свой клуб, располагавшийся недалеко от „Профсоюзной“... Потом началась структуризация Московского народного фронта, стали возникать его территориальные группы... Потом... то напряжение, которое вызвала публикация известной статьи Нины Андреевой в „Советской России“... А вот в ответ на известное заявление Егора Кузьмича Лигачева: „Борис, ты не прав“ такая кампания уже последовала... И в той кампании я сам принял участие. Помню, как я расхаживал по Историко-архивному институту с самодельным значком с надписью: „Борис, ты прав“, изготовленным, по-видимому, кем-то близким к оргкомитету МНФ» [9].

Возникающие многочисленные общественные группы и организации в периодической печати часто называли «наследниками диссидентов» (по аналогии с хрущевской «оттепелью») — «неформалами». В этом многоголосье решающую роль играли голоса творческой интеллигенции, среди них и ученые МГИАИ — историки и архивисты. Частью «архивистского мышления» процессов стало осознание эпохальности происходящих событий и необходимости их «задокументировать». Это вылилось в попытку организации Центра документации «Народный архив» с участием Московского клуба устной истории.

Одним из его создателей был руководитель отдела неформальных общественных организаций Ярослав Леонтьев. Он так рассказывал об этом: «Я присутствовал при учреждении „Народного архива“ и возглавлял названный отдел с самого создания архива... Это происходило в 89-м году. Была реализована встречная идея нескольких человек, в частности клуба „Устная история“ в МГИАИ, в работе которого принимали участие я и Максим Никулин. Клуб в это время возглавлял доцент МГИАИ Валерий Олегович Сидельников, а активное участие в работе принимал Никита Охотин (от „Мемориала“), а также небезызвестный ныне телепродюсер Дарья Хубова, которая и по сей день руководит лабораторией устной истории РГГУ. Не помню точно, сразу или чуть позже к этой работе подключилась Татьяна Горячева (ныне — директор Российского госархива литературы и искусства), которая занималась видеоматериалами. Эти люди и объединились в проекте Центра документации „Народный архив“ на ба-

зе МГИАИ, во главе которого встал близкий в тот момент к Афанасьеву (ректор МГИАИ) Борис Семенович Илизаров»¹ [9].

Устное свидетельство Я. Леонтьева подтверждает, что в России первыми оценили значение устной истории архивисты (для комплектования архивов). Именно студенты и выпускники были активными участниками Московского клуба устной истории МГИАИ. В частности, одним из руководителей был Олег Вячеславович Моисеев, который с отличием окончил Московский историко-архивный институт, а с 1988 г., по его словам, «профессионально занимался устной историей, руководил клубом «Устная история» Московского историко-архивного института» [10].

В этом смысле можно сказать, что активизация общественно-го движения, критика и пересмотр оценок исторического прошлого, заявленные экономические и социальные реформы, модернизация партийных учреждений и институтов политической власти – все они в комплексе факторов и условий способствовали созданию Московского клуба устной истории. На первом этапе его деятельности сформировались и смешались две функции. Первая – политическая, что проявлялось в участии в бурных общественных движениях и формировании «нового мышления» (также термин из XIX в.); вторая – исследовательская, что вылилось в организацию устноисторических исследований, в том числе в сбор полевых материалов опросов и интервьюирования участников тех исторических событий, которые в период перестройки попали в эпицентр общественных дебатов. Так, во второй половине 1980-х гг. в ходе экспедиций членов Московского клуба устной истории и студентов МГИАИ велось исследование темы голода на Украине в начале 1930-х гг. [11], темы раскулачивания 1933 г. на Кубани и других ранее запретных тем.

Советская Ассоциация молодых историков и формирование постсоветской историографии. Именно спрос российского общества на исторические интерпретации ранее табуированных тем вдохновил молодое поколение историков на создание Советской ассоциации молодых историков. Сама Советская ассоциация молодых историков с участием Сергея Станкевича и Евгения Кожокина создавалась в том же 1988 г., в русле тех же процессов, что и создание Международного фронта, «Мемориала» и в кругу тех же имен, в том

¹ Известный историк, д-р ист. наук, профессор РГГУ, с 1996 г. – главный научный сотрудник ИРИ РАН. Так же как и С. О. Шмидт (руководитель Д. Н. Хубовой), он руководил одной из немногочисленных защищенных в России диссертаций по устной истории, в частности диссертацией М. В. Мокровой по устной истории науки Москвы.

числе членов Московского клуба устной истории. Одна из задач ассоциации была связана с поддержкой исследований – «объективных и достоверных», в том числе и по ранее запретным темам. Этому способствовала и начавшаяся модернизация ВЛКСМ. Куратором от комсомола в создаваемую Ассоциацию вошел Константин Федорович Затулин. Организаторы видели в создании ассоциации реализацию новых подходов в историописании и пересмотр итогов исторических исследований в советской историографии с ее идеологическим штампами и агитпропом.

Ситуация противопоставления постсоветской и советской историографии сформировалась именно в те годы. Так всегда происходило и происходит при смене идеологий и партийно-государственных доктрин. Можно провести еще одну аналогию – между ситуациями рубежа 1980–1990-х гг. и 1920-х гг., когда новое советское государство после революций 1917 г. заказало новую историю в противовес имперским традициям историописания. Советские историки противопоставлялись дореволюционным, которые были условно ранжированы на группы – дворянские, буржуазные, либеральные. На государственном уровне это вылилось в создание Института красной профессуры для подготовки новых кадров, а на «производственном уровне» – в создание Истпарта и начало массового «хождения в народ», в том числе привлеченных академических (кабинетных) историков, за информацией. Целью перед ними ставилось фиксирование новой информации о происходящем в последние десятилетия через рассказы участников тех исторических событий и явлений, которые замалчивались или имели стереотипные устоявшиеся оценки в дворянской официальной историографии [12]. Для этого были использованы методы опроса, написаны первые методические рекомендации проведения интервью (индивидуального и группового) и фиксации устного рассказа стенографистами (в то время служившими альтернативой техническим средствам фиксации). Это дает основание рассуждать и о более раннем развитии устной истории в России, по крайней мере развитию ее методов и ее источников [12]. В результате «перезагруз положено начало формированию новых советских мифологем ки» исторической науки взамен дореволюционным идеологем былой стереотипов.

В 1990-е гг. также началась «перезагрузка» исторической науки с противопоставления советской историографии постсоветской. Но постсоветские научные парадигмы также подвергались и подвергаются влиянию новой политики и идеологии, что сопровождается

формированием очередных мифологем и стереотипов. Появляются «правильные» и «неправильные» историографии, «достоверные и недостоверные» источники, в историографическом анализе утверждается очередная идеологема — «в современной историографии, в отличие от советской, пронизанной марксистско-ленинской идеологией...». Она сопоставима с формулой историографии 1930–1980-х гг. «в советской историографии, в отличие от дворянской...». В результате формируются новые традиции историописания на уровне как обобщающей истории, так и индивидуальных научных трудов. Такую своеобразную и, как оказалось, «неизбежную» формализацию историков можно сравнить с «танцем дикаря перед охотой». Ритуал критики советской историографии стал обязательным при написании и издании современной литературы, написании и защите квалификационных работ, также как у советских историков существовал обязательный ритуал критики дворянской историографии и критики ревизии буржуазной историографии, что сейчас и ставится им в вину.

Как любая идеологема, противопоставление постсоветской литературы советской стало обязательным при историографическом обзоре на уровне как диссертационных исследований, так и студенческих учебных работ. Порой доходит до «историографических» казусов, когда имена одних и тех же историков оцениваются в характеристике советской школы как одиозные, ангажированные и «неправильные», а в постсоветской историографии — как примеры добросовестности, объективности и достоверности. Это связано с тем, что границы в систематизации научной литературы базируются на хронологическом принципе — дореволюционная, советская, постсоветская, — что, собственно, само является идеологемой. Формирование подобных историографических мифологем при кардинальных сменах власти в России в XX в. и под влиянием очередных режимов превратилось в традицию отечественных гуманитарных наук.

Общество устной истории в СССР. Советская ассоциация молодых историков существовала недолго, но оставила после себя несколько важных результатов. Одним из них и стало создание при активном участии Московского клуба устной истории общества устной истории и проведение первой, по сути дела, учредительной конференции по устной истории. Произошло это 27–28 ноября 1989 г. в Кирове на базе университета, где работал один из инициаторов канд. ист. наук В. А. Бердинских. В истории она осталась как Первая всесоюзная научная конференция «Проблемы устной истории в СССР», на которой было создано Общество устной истории как до-

бровольное общественное объединение при Советской ассоциации молодых историков. Всех участников, и представителей Московского клуба устной истории, и Советскую ассоциацию молодых историков и заявленное Общество устной истории объединяли протестные настроения, молодой энтузиазм, заряженность на преобразованиях и решимость «идти в народ» за информацией особенно для получения информации по запретным ранее темам – репрессий, депортаций, раскулачивания. Следствием принятых на конференции решений стали экспедиции, полевые исследования и первые публикации с введением «рядовых участников» исторических процессов в исторические повествования. Участники конференции сыграли в последующие годы большую роль в популяризации устной истории в России. В частности, на рубеже 1980–1990-х гг. были опубликованы в журнале «Волга» работы [13–15].

Создание Общества устной истории в определенной степени стало началом переориентации устной истории с общественно-политического «пыла» на исследовательскую работу с включением в эти процессы университетов российской провинции, которые как раз и ускорили признание устной истории в качестве самостоятельного направления исторических исследований. Этому способствовало и включение в программу Кировской конференции ряда сугубо научных вопросов: устная история как метод и источник изучения истории XX столетия (В. А. Бердинских, г. Киров), устная история как способ обновления исследовательских технологий, источникивые и методологические аспекты устной истории (Д. П. Урсу, г. Симферополь). Все они так или иначе были связаны с источниковым голодом и проблемами истории XX столетия советского периода.

Лаборатория устной истории в РГГУ и Д. Н. Хубова. Дарья Никитична Хубова известна тем, что создала на базе Московского клуба устной истории при Историко-архивном институте первую в России лабораторию устной истории. Эта лаборатория работала в РГГУ (бывшем МГИАИ) с начала 1990-х гг., многие ее сотрудники активно участвовали в общественно-политической жизни Москвы и поддерживали обновление руководства МГИАИ, когда новым ректором стал один из глашатаев перестройки Ю. Н. Афанасьев. Поддержка новой лаборатории ректоратом была обусловлено рядом факторов. Во-первых, архивисты уже освоили зарубежный опыт oral history и признали устную историю важным методом создания новых исторических документов. Ведущие профессора О. С. Шмидт и Б. С. Илизаров стали научными консультантами молодых устных историков МКУИ. Во-вторых,

МГИАИ, а затем РГГУ в период перестройки и смены государственной парадигмы находился в гуще общественно-политических баталий, в том числе благодаря позиции тогдашнего ректора Ю. Н. Афанасьева. Его вклад и вклад Илизарова состоял в признании устной истории как способа создания документов и создании по горячим следам перестройки «Народного архива». Очевидцы писали, что историки – сторонники перестройки «объединились в проекте Центра документации „Народный архив“» [16], во главе которого встал близкий в тот момент к Афанасьеву Борис Семенович Илизаров» [9].

В. П. Козлов, руководитель Федеральной архивной службы России, так оценивал роль «новых историков»: «Новый этап в судьбе МГИАИ оказался связан с Ю. Н. Афанасьевым, историком... яркая личность» которого «заставила засверкать МГИАИ огнями либерального гуманитарного центра... Институт стремительно политизировался в духе тогдашних радикальных демократических идей, пропагандировавших его ректором» [17]. В РГГУ были созданы такие новые подразделения, как Центр документации «Народный архив», научно-исследовательская лаборатория «Устная история», другие проблемные лаборатории, выполняющие научные программы по истории политических партий и движений, электронные архивы.

Собственно частью этих преобразований стало и создание на базе Московского историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, по словам нового ректора, как альтернативы другим «заскорузлым гуманитарным вузам», с сохранением МГИАИ как архивного института в его составе. Новый директор института Е. В. Старостин обещал сохранить «богатые традиции подготовки кадров историков-архивистов», а среди перспектив назвал создание «специализации по экономическим и аудиовизуальным архивам, она начнет функционировать с нового года. Лаборатория по устной истории также будет работать в рамках Историко-архивного института» и т. д. [17].

Вхождение Д. Н. Хубовой в устную историю схоже с путем многих зарубежных устных историков, соединявших в своей деятельности журналистскую и научную работу. Интервьюирование как метод является важнейшим инструментом журналистики и может быть адаптировано к историческим исследованиям. Д. Н. Хубова как тележурналист¹ с 1989 г. активно сотрудничала с британским телеви-

¹ В определенной степени повлияла и семейная традиция – ее отец является известным кинорежиссером.

дением в области документального кино («Hand of Stalin», 3 серии, «Gulag», 2 серии, «PeoplePower», «Dancing for Money», «Death of Nation» др.). С 1997 г. стала работать на российском телевидении («Собрание заблуждений» с А. Гордоном, ОРТ; «Процесс» с А. Гордоном и В. Соловьевым, ОРТ; ежедневная программа «Гордон», НТВ). С 2008 г. она стала главным редактором телеканала «Телекафе», с 2010 г. – членом Академии российского телевидения. Соединение журналистики с устной историей и устной истории с журналистикой стало органичным путем в международной практике. Интервью выводило журналистов на историю в жизненных биографиях людей, и они становились историками. Для журналистов история давала интересную информацию, часто сенсационную и эксклюзивную, до которой так «охочи» журналисты. Для историков интервью стало также способом получения информации, и многие становились публицистами, журналистами, писателями, не переставая быть историками, или сочетали в творчестве и то, и другое¹. Таким образом, и журналисты, и историки открыли огромные возможности «oral history» для исторических исследований в тот момент, когда российское общество потребовало исторической правды.

Обращению Д. Н. Хубовой как исследователя к устной истории способствовали владение языками и стажировки в зарубежных университетах – Амстердама (1989–1990) и Мичигана (1993–1994). В 1992 г. Д. Н. Хубова первой из российских исследователей под руководством С. О. Шмидта на кафедре истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ подготовила и защитила диссертацию по устной истории «Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт» [18]. В этом событии соединилось несколько факторов: профиль кафедры архивного института, профиль научного руководителя, признанного и авторитетного историка Сигурда Оттовича Шмидта, главы созданного Всероссийского общества краеведов, знатока краеведных исследований и методики краеведческой работы, в которой всегда использовались опросные технологии (он является и автором серьезных публикаций по устной истории); наконец, тема кандидатской диссертации Д. Н. Хубовой не выбивалась из той проблематики, которую прорабатывало отечественное архивоведение с 1970-х гг. МГИАИ, как вуз по подготовке архивистов, осваивал международную практику устной истории по комплектованию фондов прежде всего документами личного происхож-

¹ Д-р ист. наук В. А. Бердинских является членом Союза писателей.

дения тех деятелей, которые оставили значительный след на уровне страны или региона или являлись участниками событий, внесенных в пантеон великих достижений.

Но наряду с дальнейшей разработкой темы устной истории как отрасли архивного дела Д. Н. Хубова использовала методы устной истории в исследовательской практике, участвуя в экспедициях по изучению голода и раскулачивания 1932–1933 гг. на Кубани. Результатом стал ряд публикаций [19]. Одна из них в новационном проекте Ю. Н. Афанасьева [20] в рамках комплексной научно-издательской программы «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России» [21]. В выборе исследовательских тем сотрудники лаборатории устной истории РГГУ руководствовались теми же мотивами, что и западноевропейские историки — заполнение «лакун истории», «ликвидация белых пятен» отечественной истории и создание на основе исторической памяти источников по этим пробелам. В целом эта мотивация послужила важной особенностью возникновения российской устной истории, сконцентрировавшейся в начальный период в университетах столичных городов вокруг табуированных тем.

Лабораторией и Д. Н. Хубовой сделано много для становления устной истории в России, в том числе в части разработки учебно-методических рекомендаций для использования устной истории в исследованиях. В этом отношении именно ей принадлежит первая разработка по устной истории на русском языке, которая была размещена на созданном лабораторией первом сайте по устной истории [22]. Собственно, на этом этапе состоялся и опыт сотрудничества автора с лабораторией устной истории РГГУ, который проявлялся в том числе в участии группы РГГУ, состоящей из иностранных студентов в руководимых автором историко-этнографических экспедициях студентов исторического факультета БГПИ в 1993 г. на территории Смоленского района Алтайского края.

Лаборатории устной истории РГГУ и Д. Н. Хубовой принадлежит и первенство в продвижении отечественной устной истории на зарубежном историографическом поле. Так, в газете «Коммерсант» в 1993 г. была размещена информация о том, что «Дарья Хубова, руководитель лаборатории Oral History Российского государственного гуманитарного университета, прибыла в Москву из Мичигана. Корреспонденту „Ъ“ г-жа Хубова рассказала, что ее поездка в США была связана с участием в работе международного семинара по культурной антропологии. Г-же Хубовой также удалось собрать обшир-

ный материал по истории российской эмиграции. Кроме того, в США г-жа Хубова провела переговоры о возможном использовании документальных фильмов „Ворота в Дзунхару“ и „Русская сага о монгольской негритянке“, снятых сотрудниками лаборатории в последних экспедициях» [23].

К сожалению, с уходом «детей перестройки» из лаборатории в другие сферы – политику, телевидение, бизнес – лаборатория устной истории утратила свое лидерство. Этому способствовал и длительный перерыв, связанный с сложными процессами в самой стране и в вузе. Лаборатория устной истории, попав в эпицентр дебатов, после ухода команды Ю. Н. Афанасьева фактически свернула свою деятельность и постепенно прекратила существование. Но наработки по устной истории трансформировались в курсы, которые реализуются высшей школой источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ в рамках общеуниверситетской научно-образовательной программы «Родные корни: генеалогия, устная и семейная история» кафедры источниковедения. Для ее реализации подготовлен межфакультетский учебный курс по устной истории, издана программа этого курса и разработано соответствующее учебное пособие.

Традиции лаборатории устной истории обращения к исторической памяти продолжают ряд современных центров, созданных в РГГУ. Это, в частности, **Учебно-научный центр социальной антропологии** (директор – **Валерий Александрович Тишков**¹). Особенность данного центра в том, что, кроме проведения научных исследований по социальной и культурной антропологии, научный центр имеет свою кафедру и факультет на базе университета РГГУ, который готовит специалистов в области устной истории. В частности в его проекте **«Социальная антропология малого российского города»** все его участники совершали выезды в изучаемые города с целью проведения полевой работы. Полевые исследования охватили обширные районы – от Новгородской области на севере до Краснодарского края на юге, от Калининградской области на западе до Алтайского края на востоке, в том числе работали с личными и семейными архивами, изучали устную историю, современный городской фольклор. Другим центром РГГУ стал открытый в 2006 г. Учебно-научный центр

¹ Для которого история развития устной истории являлась частью его промежуточных интересов в работе над книгой: История и историки США. М.: Наука, 1985. 352 с.

визуальной антропологии и эгоистории (рук. Н. И. Басовская), который занимается записью и выпуском видеомемуаров¹.

В. А. Бердинских, Д. П. Урсу и «Общество устной истории в России». На эволюцию устной истории от общественно-политического и социально-реабилитационного движения к научному в 1990-е гг. повлияла деятельность В. А. Бердинских и Д. П. Урсу. Виктор Аркадьевич Бердинских, который стоял у истоков устной истории в России, получил диплом историка и кандидата исторических наук в Горьковском госуниверситете, а докторантуру окончил уже в РГГУ в 1994 г., в период деятельности лаборатории устной истории. Им написаны первые в России работы, апробированные в «толстых» журналах советской эпохи («Волга» [13–15, 24]) с использованием материалов устной истории. В центре внимания исследователя в его поездках находилась жизнь носителей крестьянской культуры и судьбы крестьянских семей в период раскрестьянивания.

Позже на основе этих наработок вышла монография В. А. Бердинских «Крестьянская цивилизация в России» (М., 2001), в которой он писал: «Устная история — новое и замечательное течение в исторической науке России 1990-х гг. — стала для меня компасом в этой работе. Многое пришлось делать впервые. Слишком уж необычен исторический опыт России в XX веке. <...> Единственным источником для нее послужили рассказы моих земляков-вятчан». Развивая дальше это подход, историк издал монографию «Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке» (М., 2011). В ней он вновь указывал, что она создана в редком жанре «устной истории», так как автор более 25 лет записывал рассказы крестьян, которые и использовал. На современном этапе он остается одним из немногих историков, которые занимаются поиском исторической истины с помощью методов и источников устной истории.

Известный историк, источниковед, д-р ист. наук Дмитрий Павлович Урсу (Симферопольский государственный университет, Одесский госуниверситет) первым обратился к источниковедению и методологии устной истории [25–27]. Историк, д-р ист. наук Владимир Поляков по случаю его смерти 17 февраля 2017 г. совершенно правильно писал о его заслугах в устной истории: «Мало кто знает, что

¹ Видеомемуары Л. П. Талочкина «Я знал их всех» (2005); записаны и выпущены в свет воспоминания Вячеслава Всеволодовича Иванова «Мы были странным исключением» (2008); видеомемуары Г. С. Кнабе «Слышать шепот времени» (2007), А. Х. Бурганова «В России надо жить долго» (2009), рассказ-повествование отца Рувайса о монастыре св. Антония в Египте (2009) и др.

Дмитрий Павлович – один из столпов отечественной „устной истории“. Именно в этом направлении я вижу себя как прямого последователя своего Учителя» [28].

В 1991 г. прошла вторая конференция по устной истории. Главным его организатором стал В. А. Бердинских. Она прошла на базе университета в Кирове, где он работал. По решению этой конференции третья конференция прошла в 1992 г. на базе Калининградского университета, она проводилась Ю. Кондрашевым. Третья конференция оказалась последней попыткой оживить созданное неформально в России Общество устной истории в СССР, с 1991 г. – Общество устной истории в России. Были изданы небольшим тиражом материалы этих двух конференций, в работе которых приняла участие и автор публикации [29–30]. Участие в двух конференциях показало необходимость институционализации устной истории в России, которая до сих пор так и не состоялась, несмотря на то, что в 2006 г. автором была предпринята попытка реанимировать Всероссийское общество устной истории. На базе Алтайского государственного университета прошла всероссийская конференция «Устная история (Oral history): теория и практика» [31]. В ней приняли участие представители действующих российских центров устной истории в России. Но, несмотря на принятую резолюцию о превращении конференции в периодическое переходящее всероссийское мероприятие с целью воссоздания Общества устной истории в России, консолидации не произошло.

Следствием незавершенности процессов институционализации устной истории, формирования ее организационной структуры и юридического статуса является стихийное и спорадическое развитие устной истории в России на протяжении 1990–2010-х гг. За это время центры устной истории создавались и закрывались. Отсутствие связи между ними, несогласованность методик документирования материалов интервью и архивирования ослабляло и ослабляет позиции отечественной устной истории, в отличие от международной практики исторических исследований XX в., идущей с 1910-х гг. по пути консолидации. Ее результатом стало учреждение сначала всемирного исторического конгресса, а по мере роста объемов исследований, совершенствования методического и методологического инструментария происходит дифференциация по исследовательским полям: экономическая история, социальная история, военная история, политическая история, этническая история и т. д. Формируются тематические международные ассоциации, например Международная ассоциация по экономической истории, которая раз в два года прово-

дит международные конгрессы по устной истории и имеет [32] мощную научно-организационную инфраструктуру, куда входят более 40 стран Африки, Америки, Азии, Европы и Океании: наднациональные ассоциации, национальные (французская экономическая ассоциация), узкоспециализированные наднациональные (европейская ассоциация по истории бизнеса), узкоспециализированные национальные (Французское общество по истории железных дорог), первичные звенья (база) – кафедры, центры, институты экономической истории. Российские историки, занимающиеся экономической историей, входят в это международное сообщество через создаваемые низовые центры: Центр экономической истории при АлтГУ [33], ЧелГУ [34], Научно-исследовательский институт проблем экономической истории России XX в. (Волгоград) [35].

На современном этапе существует и научно-организационная инфраструктура Международной ассоциации по устной истории (International Oral Association History (ИОНА) [36]. Отсутствие национальной самоорганизации устных историков ведет к самоустранению российских исследователей от работы Международной ассоциации устной истории; российские историки спорадически принимают в ней индивидуальное участие. Международная ассоциация устной истории (ИОНА) получила формальный статус в июне 1996 г. на Одиннадцатой международной конференции устной истории в Гетеборге, Швеции. Она обеспечивает форум для устных историков во всем мире, способствует расширению международной коммуникации и сотрудничеству, а также лучшему пониманию природы и ценности устной истории. Члены Ассоциации встречаются каждые два года в различных областях земного шара.

Таким образом, на постсоветском пространстве обращение к устной истории было сопряжено с кардинальным переустройством государства и общества на рубеже 1980–1990-х гг. Перестройка и гласность раскрепостили и научное познание, и историческую память населения СССР. Лидером стала Москва, как эпицентр всех решающих политических баталий в период смены власти. Научное сообщество и гражданское общество объединили свои усилия по реконструкции исторического прошлого по замалчиваемым ранее темам с опорой на историческую память, связанную прежде всего с масштабными травматическими событиями, такими как раскулачивание, репрессии, этнические депортации, войны и другие запретные для обсуждения в советское время события. Эти темы до сих пор находятся в центре внимания устной истории России.

Акцентуация на трагических событиях во многом обусловлена запросом общества на уровне его ячейки – семьи, которая требовала справедливости и реабилитации в отношении незаконно и необоснованно репрессированных ее членов, пострадавших на уровне поколения дедов и отцов. Эта тональность, заложенная первыми устными историками на рубеже 1980–1990-х гг., до сих пор отличает российскую устную историю. Объективным фактором является масштаб репрессий, охвативших два десятилетия – 1930–1940-е гг. Фактически они затронули все общество, и, перефразируя слова, относящиеся к Великой Отечественной войне, – что нет ни одной семьи, не потерявшей никого в годы войны, – можно сказать, что нет ни одной семьи, не потерявшей в годы репрессий своих родных или близких. Использование устной информации для процессов реабилитации 1990-х гг. и восстановление исторической справедливости характерно для деятельности многих других российских центров устной истории до сих пор.

Особенности развития устной истории в столичных городах

Связь с общественно-политической жизнью российского государства и общества, обостренное желание исторической реабилитации рубежа второй половины 1980-х и 1990-х гг. были характерны и для другого московского центра – историко-просветительного общества «Мемориал». В его деятельности проявляются тенденции, отличающие развитие столичных центров устной истории от провинциальных центров. Это, во-первых, политизированность в направлениях и темах научных исследований, основанная на правозащитной деятельности прошлого и настоящего. Во-вторых, это финансовая поддержка деятельности «Мемориала» и других столичных центров зарубежными и отечественными благотворительными грантодателями¹. В-третьих, привлечение провинциальных образовательных и культурно-просветительных учреждений к исследованиям, основанным на исторической памяти населения.

Результатом исследовательской деятельности стало формирование архива «Мемориала», который создается с 1989 г., когда жертвы репрессий, их родственники и друзья стали передавать документы, фотографии и рукописные воспоминания из своих семейных ар-

¹ О формировании финансовой базы из благотворительных или грантовых источников можно писать отдельно. Так, известный Фонд Прохорова в «Мемориале» поддерживает ежегодный конкурс школьных работ «Человек в истории. XX век». Благодаря фонду Прохорова действует Центр устной истории при МГУ и создан устный архив.

живов. В архиве сформированы коллекции документов о государственном терроре и его жертвах, о сопротивлении режиму и трудной повседневной жизни советских людей. Среди них – Архив истории ГУЛАГа (1918–1956), Архив истории инакомыслия (1953–1987), коллекция документов о старбайтеров, с которыми тесно связана деятельность Центра устной истории «Мемориала» (более 300 многочасовых биографических интервью бывших остарбайтеров) и т. д.

В отличие от лаборатории устной истории РГГУ, «Мемориалом» реализован огромный образовательный потенциал устной истории. Большую работу в этом направлении проводит Центр устной истории и биографии [37]. Он осуществляет собирательскую, исследовательскую и публикаторскую деятельность в области устной истории. Основной сферой интересов остается история политических репрессий в СССР и Третьем Рейхе, история повседневности, гендерная история. На базе Центра проводятся методические и образовательные семинары, сотрудники Центра участвуют в российских и международных конференциях и проектах. Материалы, собранные Центром, передаются в архив «Мемориала». Так, в рамках проектов «Женская память ГУЛАГа» и «Дети АЛЖИРа» записаны около 200 интервью, собраны тысячи документов, фотографий, мемуарных текстов, писем и дневников, иллюстрирующих судьбы жен «изменников родины», без суда отправленных в лагеря, и их детей, принудительно помещенных в детские дома. Собранный материал, и прежде всего устные свидетельства, дает возможность проследить, как история матерей, оказавшихся в ГУЛАГе, повлияла на биографии и судьбы детей, по-новому оценить травматический опыт советской семьи.

Проекты «Выжившие в Маутхаузене» и «Принудительный труд в национал-социалистической Германии» посвящены сбору данных о людях, угнанных на принудительные работы в Германию. В течение последних лет было записано около 300 аудио- и видеointerview с бывшими узниками концлагерей и остарбайтерами, в которых отражены не только трагические перипетии в судьбах этих людей во время войны, но и длительный опыт дискриминации в послевоенную эпоху. Интервью остарбайтеров опубликованы на сайте «Та сторона». Осуществлен проект «Последний свидетель»: проведена серия видеointerview с жертвами и свидетелями советской тоталитарной эпохи, результаты этой работы опубликованы на сайте проекта [37].

Таким образом, одним из тематических направлений работы «Мемориала» стала мемориализация памяти жертв политических

репрессий. От нее «Мемориал» перешел к более широкому охвату исторических процессов, сформулировав исследовательский принцип «Человек в истории. XX век». Основным изучаемым хронологическим пространством стали исторические события и процессы XX в. Благодаря этому конкурсу была проделана большая работа по внедрению устной истории в образовательную практику, ее популяризации и распространению по всей территории России. Основным инструментом стал конкурс для школьников «Человек в истории. Россия – XX век», который проводится с 2000 г. [38]. Соучредителями конкурса являлись Совет по краеведению РАО, кафедра региональной истории и краеведения и Центр устной истории РГГУ, а членами жюри – писатели, историки, архивисты и краеведы, «много занимавшиеся именно устной историей». Например, в жюри первых конкурсов входили С. О. Шмидт, академик Российской академии образования, председатель Союза краеведов России (Москва) – председатель конкурсного жюри, от лаборатории устной истории РГГУ – Д. Н. Хубова, от писателей – С. А. Алексиевич и др. Спонсорами выступали Фонд Форда (США), Фонд имени Генриха Бёлля (ФРГ), Фонд поддержки предпринимательства и защиты интересов среднего класса (Россия), страховая компания «РОЛЕС» (Россия). По словам председателя оргкомитета И. Л. Щербаковой, «цель мемориального конкурса должна прежде всего заключаться в том, чтобы наши старшеклассники обратили внимание на историю советской повседневности, которая исчезает с уходом ее участников и свидетелей... разобраться в феномене этой советской жизни школьники смогут, если начнут сами расспрашивать свидетелей, рыться в архивах, читать старые газеты, если в процессе написания конкурсной работы смогут заняться хоть в какой-то мере самостоятельной исследовательской деятельностью... возможность обратиться как к истории своей собственной семьи, так и к истории чьей-либо жизни, к истории памятника, здания, местного предприятия и т. п.» По ее мнению, «условием было только одно – в центре работы должны стоять человеческие судьбы» [38].

Одним из основных методов исследования школьников стали методы и источники устной истории, а основным источником информации служила историческая память очевидцев и участников этой жизни. Для сельских школьников и сельских учителей, с ограниченными возможностями сельских библиотек и муниципальных архивов при администрации сел, устная история действительно является большим подспорьем. А. Б. Рогинский, председатель Правле-

ния международного общества «Мемориал», подводя итоги первого конкурса, заметил: «Долг „Мемориала“ – хранить память о прошлом. Для этого мы и собираем свои архивы, для этого записываем (увы, сейчас куда меньше, чем 10 лет назад¹) воспоминания живых свидетелей трагических событий прошлого. Но ведь и наши конкурсанты делают то же самое!»

В этом смысле «Мемориал» не только приобщает школьников к устной истории, но и реализует предназначение устной истории – сохранение исторической памяти семьи и укрепление связей между поколениями. Как говорил А. Б. Рогинский, «и сколько же устных рассказов записали наши школьники! Сколько свидетельств о судьбах человеческих зафиксировали! „Мемориалам“ – хоть и всем вместе – с таким объемом работы не справиться. Это рассказы о крестьянском и городском быте за многие десятилетия, рассказы о революции и раскулачивании, о военных подвигах и о тяготах плена, о стройках – малых и великих – и о многом, многом другом. И в центре каждого повествования, каждого сюжета – человек, в самых разных его проявлениях. То есть ребята, работая над конкурсными сочинениями, выполняют самую что ни на есть мемориальскую задачу – сохраняют правду о прошлом. Не только о том трагическом прошлом, которым „Мемориал“ (в узком смысле) занимается². Но ведь прошлое и было не только трагедией. Главное, чтоб правду записывали. От самых рядовых людей. И чтоб документам письменным не давали погибнуть. Это они и делают. И мы за это можем быть им только благодарны». Запущенный «Мемориалом» механизм является важнейшей школой краеведения, устной истории, семейного историко-культурного наследия. В этом отношении можно говорить и о социальном значении устной истории. В 2017 г. состоялся очередной XVIII конкурс с изданием работ школьников и школьных учителей (лучшие публикуются на сайте [39]), посвященный столетию революции.

Важным шагом в обучающем направлении стало создание в 2008 г. обучающего сайта «Уроки истории» [40]. Сайт является ресурсом для размещения методических материалов по истории XX в.³, в

¹ С такой оценкой можно согласиться отчасти. Она больше касается деятельности столичных устных историков, в том числе сотрудников «Мемориала».

² Как известно, направления исследований организации «Мемориал» вращаются вокруг тем сопряженных с нарушением прав человека, репрессиями. При этом они касаются не только прошлого – проект «АЛЖИР» (узницы Акмолинского лагеря жен изменников родины), но и настоящего – проект о чеченской войне.

³ Хотя не все материалы равнозначны. Составитель Т. Ю. Нерода в справочнике для

том числе по методике устной истории, новостей конкурса «Человек в истории. Россия – XX век». На сайте размещены публичные лекции, книжные дайджесты, материалы публичных площадок и видеоматериалы конференций, статьи о культуре памяти и другие научные и учебно-методические материалы.

Возникновение oral history в другом столичном городе, Петербурге, было в значительной степени связано с освоением зарубежного опыта устной истории. В отличие от лаборатории устной истории РГГУ и «Мемориала», сформировавшихся в условиях перестройки и постсоветского ельцинского периода, происходило это в начале XX столетия в иных политических условиях – в послеельцинский период стабилизации общественно-политической жизни российского общества. Важным фактором создания центра устной истории в Санкт-Петербурге являлась тесная связь с американской oral history. Как известно, Центр устной истории был создан в Европейском университете Санкт-Петербурга в 2001 г. при поддержке института «Открытое общество» (фонд Сороса), ЕУСПб и Центра устной истории Университета Индианы (США). Просуществовал он до 2010 г. [41]. В разное время в Центре работали Екатерина Мельникова [42–44], Татьяна Воронина, Андреа Земсков-Цуге, Ирина Гусинцева, Виктория Календарова, Наталья Сурева, Сергей Яров. Одним из создателей и соруководителей проектов по устной истории являлась Елена Кэмпбелл, которая в 2001–2004 гг. реализовала совместно с В. В. Календаровой исследовательский проект «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (поддержан ЕУСПб, внутриуниверситетский грант), который был посвящен исследованию взаимодействия и трансформации коллективной и индивидуальной памяти о блокаде на протяжении жизни нескольких поколений ленинградцев.

К работе Центра привлекались многие зарубежные специалисты – Дэвид Сабен (Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе, США), Саймон Шеффер (Кембриджский Университет, Великобритания), Юрген Шлюмбом и Михаэль Хагнер (Институт истории Макса Планка в Геттингене, Германия) и др. Ориентировался центр своей деятельностью на вовлечение российских университетов в устную историю. До 2017 г. реализовались программы магистратуры «Со-

начинающего исследователя (<http://urokiistorii.ru/node/53841>) не делает ссылки на авторские материалы; в частности, со страницы 13 без ссылки на учебные и методические материалы Т. К. Щегловой публикуются «Программа исчезнувшего села», методика проведения интервью, ряд анкет из работ: Щеглова Т. К. Методика сбора устных источников (разные издания).

временные подходы к изучению политики памяти и культурной памяти», «Современные подходы к изучению российской истории» [45] и аспирантуры «Российская история: проблемы, методы, контексты» с опорой на выпускников бакалавриата из российских вузов. В этих программах были предусмотрены учебные курсы, сопряженные с устной историей, например курс Е. Мельниковой «Историческая память: источники и методы», в котором студенты знакомились с различными методами и подходами к использованию устных источников в историческом исследовании, с их перспективами и ограничениями, с проблемами памяти и истории в приложении к устным нарративам, с вопросами теории коллективной и индивидуальной памяти, травматического опыта, ностальгии, методов биографического исследования и фокусированного интервью. Курс имел практическую направленность, так как предусматривал проведение собственного полевого исследования, включая запись, расшифровку и анализ интервью, использование инструментов интерпретации отдельных записанных текстов, работу с устными материалами различных устноисторических проектов Центра [46].

Среди основных задач питерского Центра была организация и поддержка академических ресурсов в других университетах, способствующих использованию устных данных, и подготовка устных историков для российских университетов. Для реализации этой задачи при отсутствии государственного финансирования (Европейский университет является некоммерческим социально-ориентированным проектом) использовались гранты для проведения летних и зимних школ по обучению устной истории. Они проводились на базе самого университета. Одна из летних школ – «Микроистория и микромиры знания» – прошла в 2001 г. на базе Европейского университета [47].

Наряду с подготовкой устных историков сотрудники центра активно занимались практической исследовательской деятельностью. На основе реализованных исследовательских проектов был создан архив устных материалов. Он включает коллекции материалов интервью по проектам «Блокада в судьбе и памяти ленинградцев» и «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» [48–50]; «Повседневность эпохи позднего социализма в памяти последнего советского поколения»; «Бамовцы о БАМе: история последней стройки социализма». Соответственно издавались и тематические сборники, такие как «Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Северного Приладожья и Карельского перешейка» и др.

Для развития устной истории в России большое значение имела методическая и методологическая работа сотрудников питерского центра с обсуждением принципов, методов и проблем устной истории, вопросов подготовки и техники проведения исторического интервью, проблем интерпретации и научно-технической обработки данных, проблем памяти, правовые и этические вопросы. В частности, была проделана большая коллективная работа по подготовке и изданию первой в России хрестоматии по устной истории [51]. Большую работу в этом плане провела переводчик, составитель и редактор размещенных в хрестоматии отрывков из работ ведущих зарубежных устных историков Мария Викторовна Лоскутова. Ею же была написана первая обобщающая статья о развитии устной истории в Старом и Новом Свете [52], издано методическое пособие [53], в котором были предложены рекомендации по занятию устной историей с опорой преимущественно на американский опыт устной истории.

Особенностью подходов к устной истории устных историков Петербурга являлось именно влияние американских традиций устной истории, во многом благодаря связям с устными центрами в Вашингтоне, Индиане, тесному сотрудничеству с американскими устными историками, в том числе на базе самих американских университетов. Так, одна из создателей питерского центра и соруководитель некоторых исследовательских проектов Елена Кэмпбелл преподавала в Вашингтонском университете. В 2001–2002 гг. она совместно с В. В. Календаровой руководила образовательным проектом «Создание учебного центра подготовки специалистов в области устной истории», поддержанного институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Цель проекта заключалась в том, чтобы теоретический курс освоения устной истории как метода сопровождался полевой и исследовательской практикой. Большое внимание уделялось принципам источниковедческого анализа интервью, а также сопоставлению устных источников с другими типами источников; важное место в программе занимало обучение современным технологиям записи, обработки и архивирования аудио- и видеоинформации с опорой на зарубежный опыт. Влияние американской устной истории на петербургских устных историков особенно отчетливо проявляется в заимствовании американского опыта архивирования устных свидетельств, который предусматривает жесткие обязательства в плане юридических аспектов проведения интервью, охрану персональных данных при формировании архива и особенно в публикациях, поскольку американский опыт предусматривает нумерацию устных

свидетельств в устных архивах для сохранения тайны персональных данных и практику ссылок на номера документов без информации о самом информанте в публикациях. В свою очередь, влияние питерской школы на региональные центры устной истории заметно в деятельности Петрозаводского центра устной истории (создан в 2005 г., прекратил свое существование в 2013 г.), который в 2006–2008 гг. совместно с кафедрой истории стран Северной Европы ПетрГУ публиковал научную серию «Устная история в Карелии» [54–57]. В них используется американско-питерский опыт оформления сносок и информации об информантах (материалы интервью публикуются с согласия авторов), а также высокопрофессиональное научно-методическое сопровождение и научные статьи.

Развитие устной истории в 1990-е гг. в провинции: направления и формы

Устная история всегда политически несколько «наэлектризована» и так же, как краеведческие, региональные или локально-исторические исследования, находится в некоторой конфронтации с официальной историей. Это связано с тем, что она, как и краеведение, выполняет роль «лупы», используя которую при рассмотрении отшлифованных оценок в официальной истории исследователи видят не только трещины и царапины, но и повреждения, совершенно несовместимые с принятыми официальными трактовками и оценками. При этом субдисциплины и направления, основанные на региональном (краеведном) принципе, — устная история, краеведение, локальная история — не ставят целей использовать получаемые открытия в политической и общественно-политической практике. Вскрываемые новые факты и оценки часто расходятся с официальными трактовками и приводят к конфронтации краеведов, историков повседневно-сти, устных историков и др., но служат исследовательским целям и/или мемориализации, сочетая в изучении истории малой родины как внимание к выдающимся людям, так и ощущения и оценки рядовых участников массовых событий и процессов. Возникающие центры устной истории в регионах, в отличие от столичных, больше ориентировались на потребности в познании края-региона, не обходя, с одной стороны, трагических событий и нелицеприятной стороны исторических событий, с другой стороны — изучая и созидательную деятельность регионального сообщества.

В развитии региональной устной истории можно условно выделить два этапа.

На первом этапе деятельности региональных центров по устной истории преобладали исторические исследования в русле изучения белых пятен и лакун локальной истории. Многие региональные центры, пережив период сенсационных открытий, перешли к масштабным проектам по советской повседневности или устной истории масштабных событий, например устной истории Великой Отечественной войны (Воронежский центр устной истории; ростовско-ставропольский центр устной истории). Очень популярными стали сайты по устной истории науки (центр устной истории МГУ, центр устной истории ЧелГУ) и другим направлениям исследований исторической памяти. Ряд региональных центров занялись устной историей в области крестьяноведения и сельской истории.

На втором этапе, который в определенной степени свидетельствовал о ликвидации источникового голода по ранее запретным темам, были созданы коллекции по истории репрессий, в той или иной степени адекватно отражающие все аспекты и компоненты этих исторической сюжетов. Наступила определенная удовлетворенность и глубиной исторических интерпретаций табуированных тем с опорой на историческую память. На этом этапе устная история акцентировала свои усилия на антропологическом содержании истории.

Эти два этапа прослеживаются в деятельности одного из первых региональных центров устной истории и этнографии (ЦУИиЭ), созданного автором в 1990 г. на базе Алтайского государственного педагогического университета (БГПУ, АлтГПА, АлтГПУ) и действующего до сегодняшнего дня. Первым проектом стала программа по истории исчезнувших и малых сел Алтая в XX столетии. Выбор был обусловлен региональными особенностями исторических процессов аграрного края и мощными краеведческими традициями вуза, связанных с именем А. Д. Сергеева, проводившего историко-краеведческие экспедиции с 1975 по 1990 гг.¹ [58]. Одним из источников изучения советской деревни в этих студенческих краеведческих экспедициях были «рассказы бывалых людей». Автор неоднократно писала о сходстве и различиях краеведения и устной истории [59]. На развитие устной истории в провинции влияли не столько политико-идеологические факторы, сколько краеведческие традиции и феномен «краеведов» — огромных патриотов края и бескорыстных собирателей истории и культуры региона. К таким подвижникам относился А. Д. Сергеев, для которого краеведение было его образом жизни [60].

¹ В этих студенческих экспедициях был получен опыт полевой работы и автора.

Не случайно Центр устной истории появился как сектор лаборатории исторического краеведения, созданной М. А. Деминым в ноябре 1990 г. при кафедре отечественной истории исторического факультета АлтГПУ. Его формирование и развитие совпало с появлением устной истории на историографическом поле и образованием Общества устной истории в России, в работе которого автор принимала участие – во 2 и 3 конференциях (г. Киров, г. Калининград) [61–63]. Поэтому одним из направлений работы стала адаптация краеведческих методов исследования к новым технологиям устной истории. Среди первых исторических проектов были также программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», «Депортации и репрессии на Алтае» и многие другие.

Такой подход параллельно разрабатывали и другие историки Сибири, прежде всего Вячеслав Михайлович Суринов, с которым автор познакомилась в Омске после выступления на пленарном заседании с темой по устной истории как источника и метода изучения сибирской деревни [64]. В. М. Суринов, пожалуй, первым в отечественной историографии обратился с помощью устной истории к исторической памяти крестьянства и издал первое исследование в Тюмени [65]. Он же являлся ее популяризатором в 1960–1970-е гг. в научных изданиях архивистов. По-видимому, не случайно в 2015 г., спустя четверть века, при кафедре отечественной истории Тюменского государственного университета был заложен Центр устной истории, который ориентируется на историческое интервью: «...Использования метода устной истории в научно-исследовательской практике... развитии и популяризации данной методики... и параллельно на кафедре формируется база интервью... выявить и грамотно зафиксировать новые исторические факты, мнения и суждения современников – участников тех или иных событий» [66].

В ЦУИиЭ АлтГПУ были разработаны и опубликованы методические рекомендации по изучению деревни и крестьянства, заложен устный архив с материалами интервьюирования жителей исчезнувших сел, «банк исчезнувших сел» с чертежами, фото и видеосъемками мест, фиксациями построек, сканами семейных фото и документов. Устноисторическая работа в этом направлении была дополнена в 1993 г. методами этнографических исследований. В органичной совокупности методов и технологий устной истории и этнографии позже сформировался и антропологический подход в изучении сельского населения Алтая. Сочетание методов устной истории и этнографии является эффективным способом изучения информационно-

го пространства сельских поселений в ходе ежегодных историко-этнографических экспедиций, проводимых автором с 1990 г.

Создаваемые методами и устной истории, и этнографии в экспедициях устные источники соответственно обладают как историческим, так и антропологическим потенциалом. Масштабные и рядовые события XX–XXI столетий региональной истории базируются на исторической памяти участников и очевидцев, большинство из которых «родом из деревни». Аграрный характер Алтайского края диктовал и акцентуацию на сельской истории. Устная история в алтайском Центре устной истории и этнографии началась с изучения развития поселковой инфраструктуры, сельского социума и аграрного хозяйства в период социалистической модернизации 1920–1980-х гг. в ходе партийно-государственных кампаний. Примером является изучение такой исторической проблемы, как кампания по ликвидации неперспективных сел в 1960–1980-е гг. В литературе эта кампания рассматривается в контексте реализации аграрной политики государства, и все оценки даются с опорой на официальные документы с акцентуацией на декларировании, результатах, успехах, недостатках. Обратной стороной процессов являлась жизнь массового жителя Алтая и судьбы рядовых сельчан при начавшейся массовой ликвидации сел. К началу реализации этой кампании, очередной в ряду кампаний по переустройству крестьянского мира, более половина населения края являлось сельским, после ее реализации – менее половины. Весь процесс формирования социалистического сельского хозяйства с 1930 к 1980-м гг. привел к исчезновению значительного количества населенных пунктов: на Алтае в 1926 г. их было более 5800, к 1990 г. осталось чуть более 1600 [67].

В изучении влияния этой кампании на историю региона всплыли как исторические, так и антропологические проблемы. Среди них пути, способы и формы развития сельскохозяйственной производственной среды и изменение культурно-природного ландшафта; традиции и новации во взаимоотношениях сельского социума с властью в период принудительно-добровольных преобразований; социальная и культурно-бытовая адаптация крестьянской семьи к вынужденным внутренним и внешним миграциям, к новым социально-экономическим реалиям и другие исторические и антропологические аспекты процессов ликвидации неперспективных сел [68].

В результате были получены выводы как по истории, так и по антропологии сибирской деревни. Использование методов устной истории в изучении деревни и крестьянства в 1960–1980-е гг. про-

демонстрировало не только «парадную»¹ сторону ликвидации неперспективных сел в официальной истории (благоприятное влияние этой кампании на развитие, например, соцкультбыта села), но и оборотную сторону этого процесса, ухудшавшую повседневные условия жизни в определенный период. Форсирование переустройства деревни, форсирование темпов социалистических преобразований в советское время превратило развитие деревни в XX в. из эволюции в «революцию», вынуждая крестьянство адаптироваться к перманентному процессу преобразований, которые зачастую сопровождались ухудшением жизнедеятельности семьи и экстремальными условиями. Инструментами форсирования как раз и являлись государственно-партийные кампании — коллективизация, укрупнение колхозов, борьба с неперспективными селами, перевод колхозов в совхозы и другие партийно-государственные инструменты перевода крестьян в рабочие (из сельскохозяйственных производителей — в сельскохозяйственные рабочие). В ответ крестьянство вынуждено было адаптироваться и социально, и материально, и духовно.

Вот эти антропологические аспекты исторических процессов — адаптационные практики в жизнедеятельности сельской семьи, замещающие технологии в культуре жизнеобеспечения сельского общества, жизненные стратегии в борьбе с трудностями, традиции и новации в повседневности крестьянской семьи — пока остаются на периферии исследовательского поля отечественных историков.

Сельской историей и крестьянством в период государственно-партийных кампаний занимался с 2005 г. коллектив историков Иркутска—Братска (совр. Центр независимых социальных исследований), создавших архив устной истории Байкальской Сибири [69]. Проект иркутских устных историков сформировался, как и у большинства региональных центров, из особенностей исторического развития прибайкальских территорий, обусловленных особыми природно-географическими условиями Восточной Сибири и традициями расселения русскоязычного населения вдоль рек из-за труднопроходимых таежных территорий и сурового климата. При огромных безлюдных таежных и лесотундровых территориях вдоль рек в восточносибирских регионах — Иркутской области и Красноярском крае — к 1930-м гг. образовалась густая поселенческая сеть с самобытным старожильческим населением и уникальными культурно-бытовыми тра-

¹ Идеологема — один из лозунгов социалистической идеологии «парадным маршем к коммунизму».

дициями. Сформировавшийся баланс природы и человека был подвергнут преобразованиям в период строительства ГЭС на реках Лене, Ангаре, Енисее. Под затопление попали сотни деревень с развитой сельскохозяйственной инфраструктурой, уникальным историко-культурным ландшафтом и историко-культурным социумом, являющийся хранителем и транслятором сибирского варианта русской культуры. История переселений этих деревень вывела исследователей на вопросы адаптации населения к новым экономическим, социальным, культурным и политическим условиям.

Общей чертой развития провинциальных центров устной истории является связь с краеведением/новой локальной историей/микроисторией, которыми востребованы методы и источники устной истории при изучении административно и территориально ограниченных единиц. Они существуют при университетах, являющихся на периферии средоточием развития науки и инициативной деятельности регионов. В отличие от столичных центров, они не погружаются в общественно-политическую жизнь региона, их деятельность носит скорее чисто научный характер и гражданское звучание по сохранению историко-культурного наследия, основанного на исторической памяти регионального сообщества.

Особенности развития устной истории в России в 2000–2010 гг. Устная история на территории Российской Федерации в 2000–2010-е гг. развивается изолированно от Международной ассоциации устной истории и в условиях отсутствия общенациональной общероссийской ассоциации. Она существует в кратковременных и/или долгосрочных центрах устной истории, автономных исследовательских группах и в рамках отдельных авторских проектов. После первой попытки создать Общество устной истории в СССР, ее первой конференции 1989 г. и первых двух конференций Общества устной истории в России в 1991 и 1992 гг. устные историки остались без инициаторов: Д. Н. Хубова ушла в телевизионные проекты, В. А. Бердинских – в собственные исследования, Д. П. Урсу остался в Украине.

В 2006 г. автором была предпринята попытка объединить разрозненные центры устной истории в общероссийскую ассоциацию устной истории. РГНФ поддержал заявку на проведение конференции [70]. Она собрала представителей ряда центров, занимающихся устной историей в России: из Москвы (Мемориал, И. С. Островская, А. Г. Козлова), Петрозаводска (Центр устной истории ПетрГУ, А. Голубев), Петербурга (Центра устной истории Европейского университета, Т. Ю. Воронина), Кирова (В. А. Бердинских), Новосибирска

(В. А. Зверев, И. В. Октябрьская), Братска и Иркутска (Л. М. Салахова, Т. И. Ромадина, Л. В. Занданова) и др. [31].

На сегодняшний день количество постоянно действующих центров не увеличивается. Одни свернули массовую работу, третьи ликвидированы, четвертые только возникли. Процессы появления и ликвидации центров связаны как с объективными, так и с субъективными факторами. Центры в России, особенно в провинции, создаются при университетах энтузиастами. Традиция «бескорыстной работы» идет из российской краеведческой практики. Университеты, являясь государственными образовательными учреждениями с федеральным финансированием, имеют ограниченные статьи расхода на науку и соответственно возможности финансирования научно-исследовательских работ.

Опыт американских историков «зарабатывания» денег устной историей малопригоден для отечественной практики. Как известно, в США массово финансируется работа по созданию устных архивов и написанию корпоративной истории целых отраслей промышленности, науки, культуры и т. д. В России эта практика не получила распространения – и в силу отсутствия стабильного среднего предпринимательства, способного вкладываться ради корпоративной культуры в написание своей истории и создание устных архивов, и в силу отсутствия традиций благотворительности в пользу университетской науки в немногочисленном большом бизнесе. За исключением Фонда Прохорова, благодаря которому создан и действует Центр устной истории в МГУ, проводятся школьные конкурсы «Мемориала». В силу этих причин появившиеся методические рекомендации и пособия о том, как заработать устной историей деньги, не помогут российским исследователям [71]. В одном из них обобщен опыт по организации и проведению системы мероприятий по устной истории москвичей, создателей экономической истории страны, автономной некоммерческой организацией «Экономическая летопись» (г. Москва). Под экономической историей они понимают историю восстановления и развития народного хозяйства военными и послевоенными поколениями граждан СССР. Из четырех преимуществ устной истории они назвали финансовую: «Да-да, эту деятельность можно сделать своей профессией и честно зарабатывать».

Группа устных историков, обратившихся к исторической памяти участников экономической жизни 1940–1960-х гг., назвалась «Бесмертный полк» москвичей – создателей экономической истории страны» по аналогии с мемориально-гражданским движением «Бес-

смертный полк», связанным с памятью об участниках Великой Отечественной войны. Таким образом, в «Бессмертный полк» в Москве они включают не только тех, кто воевал в годы Великой Отечественной войны, а всех, кто строил советскую страну: «Уходят последние ветераны Великой Отечественной войны... Вместе с их носителями исчезают воспоминания. Не случайно появился прекрасный проект „Бессмертный полк“. Наши современники, таким образом, держатся за память о том замечательном поколении. Увы, буквально через несколько лет советские ветераны, те, кто в 1940-е, 1950-е, да и 1960-е гг. восстанавливал народное хозяйство нашей страны, будут столь же редки, как сейчас ветераны Великой Отечественной войны. Так же трудно будет поговорить с участниками создания советского атомного проекта, космической программы Советского Союза. Теми, кто сделал нашу страну второй в мире по уровню экономического развития...» [71].

Анализ тематики исследований российских центров устной истории позволяет сгруппировать их и по темам, и по формам.

По формам это виртуальные центры, созданные коллективно и существующие виртуально в сети Интернет благодаря сайтам. Примером последнего является сайт, созданный в 2008 г. при содействии руководителя студенческого научного общества по устной истории Ирины Викторовны Ребровой (Кубанский государственный технологический университет (КубГУТ) и руководителя проблемной группы по устной истории центра «Новая локальная история» Елены Николаевны Стрекаловой (Ставропольский государственный университет) [72]. Развитие устной истории в виде проектных групп при университетских исследовательских центрах является реальным способом проведения устноисторических исследований. Примером этого является проектная проблемная группа Центра новой локальной истории Ставропольского государственного университета.

Вторую группы по форме составляют постоянно действующие центры устной истории. Как правило, они создаются при кафедрах преподавателями (Барнаул, Петрозаводск, Иркутск, Челябинск). В отдельных случаях образуются самостоятельные лаборатории как структурные подразделения университетов (Петербург, Москва) на исторических факультетах. Выбор формы центров и коллективов зависит от возможностей финансирования и доброй воли университетских администраций.

По тематике самую многочисленную группу составляют коллективы, занимающиеся устной историей Великой Отечественной

войны. Центры устной истории, базирующиеся на памяти о войне, не являются однотипными. Связано это с тем, что устная история всегда работает на местном материале. Регионализация или локализация той или иной исторической проблемы показывает, насколько вариативны исторические процессы и события на разных территориях страны. Например, в центре устной истории ПетрГУ (Петрозавдск) [73] устная история Великой Отечественной войны изучалась в проекте «Финская оккупация Карелии (1941–1944)» через сложную тему, связанную с двумя группами – носителями самостоятельных пластов исторической памяти. С одной стороны, это свидетельства советских русскоязычных военнопленных и заключенных финских трудовых лагерей и концлагерей. У них свои оценки финской оккупации. С другой стороны, это комплекс воспоминаний населения, «родственного» финским захватчикам, – финно-угорского населения (карелы, вепсы, лопари), попавшего в силу этнического родства в более привилегированное положение. Некоторых из них финны использовали в качестве «стражи» в тех лагерях, где были советские военнопленные и русскоязычные заключенные. У них свои оценки финской оккупации. Эти факторы отличают устную историю Великой Отечественной войны в центре европейской части России и на Кольском полуострове: на территориях Европейской России захватчиками «славян» (русских, украинцев, белорусов) были «германцы» (немцы), а в Карелии для коренных финно-угров (карелов) захватчиками были родственные финно-угры (финны), которые использовали родственных им карелов против славян. Это обстоятельство до сих пор определяет особенности исторической памяти населения Карелии. Оно проявилось во время работы секции «Устная история как источник и метод этнографических исследований» очередного конгресса антропологов и этнографов России в 2011 г., который проходил в Петрозаводске (автор проводит тематическую секцию в рамках Конгресса антропологов и историков России с 2001 г.). На ней выявилась конфронтация между молодыми устными историками, которые записывали информацию так, как рассказывали представители той и другой стороны, и членами Совета ветеранов Великой Отечественной войны, для которых это обстоятельство является болезненным.

С 2005 г. устной историей войны занимается Е. Н. Стрекалова (кафедра истории России Северо-Кавказского Федерального университета). Результатом работы стало создание устного архива [74] и издание устных исторических источников [72]. Самостоятельный

угол зрения на устную историю войны через интерпретацию «детей войны» сформировался у устного историка в совместном проекте краснодарских, ставропольских и ростовских историков (совместно с А. Ю. Рожковым, Е. Ф. Кринко, И. В. Ребровой, И. В. Юрчук). Группа историков в 2008–2009 гг. занималась исследованием памяти о военном детстве на основе интервьюирования детей фронтового поколения [75].

В последнее время в устной истории войны возобладали темы, связанные с детьми и женщинами в годы войны. Как правило, этим занимаются не проектные коллективы или лаборатории, а индивидуальные исследователи. При этом стоит отметить, что на женскую и детскую устную историю исследователи выходят не только через устную историю как самостоятельное направление исследований, но и через использование методов устной истории в гендерной истории, истории повседневности, истории городов и сел. Примером использования устной истории через гендер является деятельность д-ра ист. наук Е. Ю. Волковой (Кострома) [76–77], через историю Сталинграда – деятельность сотрудника музея Л. И. Бондаренко [78] и многих других исследователей женской истории и истории детства в экстремальных условиях войны. Обращение исследователей к устной истории женщин и детей в годы войны обусловлено рядом факторов. Один из главных – наличие живых носителей памяти, среди которых преобладают дети войны. Немаловажным является и осознание гражданским обществом, государством и научной общественностью недостаточности внимания к населению, не воюющему на фронтах, но кующему победу и в тылу, и на оккупированных территориях.

Появились центры, отличающиеся новационными подходами в изучении устной истории войны. Немаловажным является и ракурс вхождения в устную историю мирного населения в годы войны. В этом отношении выделяются два центра, внесших новые подходы в изучение устной истории войны. Первый из них – региональный центр устной истории в г. Воронеж, который создан на базе ВГПУ в 2000 г., когда в Воронежском государственном педагогическом университете (ВГПУ) начал работу факультативный семинар «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР». Руководили работой студентов Н. П. Тимофеева и Э. Шерстяной (ФРГ) [79]. В последующие годы состоялось несколько проектов, сплотивших представителей разных вузов, студентов и преподавателей Воронежского государственного университета (ВГУ), Воронежского межрегионального института обществен-

ных наук (ВМИОН), Воронежской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), Воронежской организации «Мемориал», Центрального филиала Российской академии правосудия (ЦФ РАП) и других учреждений вокруг проблем изучения Великой Отечественной войны на территории Воронежской области, оккупированной в годы войны. Оккупация наложила отпечаток на выбор тем, так как носителями памяти по истории войны на территории Воронежской области являлись местное оккупированное или отправленное в Германию население, «завоеватели», другие категории, втянутые в эти события. Базовыми исследовательскими компонентами стал «образ» участников событий.

Территориальная сфокусированность и «образы» участников драматических событий потребовали межнациональных проектов, установления творческих связей устных историков России, Польши, Германии, что вылилось в проектную деятельность: «Биографическая документация рабского и принудительного труда в нацистской Германии» (2005), «Индивидуальная и коллективная память о войне и оккупации в Воронеже и Воронежской области» (2009); «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны» (2000); «Немецкие военнопленные в Воронеже и Воронежской области» (2002); «Женщины Равенсбрюка»; «Люди в Освенциме» (2006); «Женщины Равенсбрюка» (2004).

Новизна подхода к устной истории войны Центра устной истории и этнографии АлтГПУ состоит в соединении устной истории и этнографии крестьянства тыловых территорий Сибири. Ядром нового антропологического подхода является изучение культуры жизнеобеспечения русского сельского населения юга Западной Сибири в годы войны, традиций и новаций [80].

Подведем итоги. Как самостоятельное направление научной деятельности устная история в России начиналась с обращения к ранее замалчиваемым темам репрессий и к разным группам репрессированных: по социальному, политическому, конфессиональному, этническому признакам. Возникновение российского варианта Oral history было вызвано гласностью, наступившей в годы перестройки, снявшей с многих трагических событий XX столетия запреты на изучение и обсуждение. И произошло это тогда, когда еще были живы участники исторических драм XX столетия — репрессий и войн, что являлось благоприятным фактором для возникновения российской устной истории и создания центров устной истории. Побудительными мотивами были и высокое гражданское звучание этих вопросов,

и запрос общества на реабилитацию пострадавших в годы репрессий. А для историографического сообщества важную роль сыграло наличие «белых пятен» и «лакун» — запретных тем в отечественной истории — и отсутствие адекватной источниковой базы. В этом отношении устная история в России стала подспорьем не только для научной деятельности, но и для общественного и правозащитного движения, которое обратилось к исторической памяти советских людей, в отличие от академических структур, которым понадобилось не одно десятилетие, чтобы преодолеть недоверие к устной истории, ее методам и источникам. До сих пор нельзя говорить о полном признании устной истории «кабинетными»¹ академическими историками, в отличие от представителей общественных движений, в том числе краеведческого.

Другой особенностью устной истории в России стало то, что она по ряду причин тесно смыкается с локальной историей и региональным подходом. Отечественная устная история, как и краеведение, в прошлые годы стало своеобразной исторической «лупой», под которой корректировались общероссийские процессы и официальные оценки прошлого. Под влиянием региональных вариантов исторического развития и жизненных историй рядовых участников разрушались глянецовые и отшлифованные парадные реконструкции прошлого. В этом смысле на развитие и устной истории, и краеведения оказывали и оказывают большое влияние государство, государственная идеология, партийно-политические механизмы, степень сформированности общественных институтов и их влияние на государственные и властные структуры.

На современном этапе возрастает осознание этнографического и антропологического потенциала методов и источников устной истории. В центре современных дискуссий находятся пути и формы развития традиционных культур этнических сообществ в контексте исторических событий и исторических процессов XX столетия. В отечественной этнографии труднопреодолимыми рубежами стали 1917 год как год начала разрушения традиционных основ рос-

¹ К «кабинетным» историкам автор относит историков, «заикленных» на письменных опубликованных или неопубликованных (архивных) источниках. Традиция идет из позитивистской историографии XIX в. с ее культом «письменного слова» и «письменного документа», которые служили гарантом «объективности» и «достоверности» информации и недоверием к любому рода другим источникам, в том числе основаным на устной информации и исторической памяти, как «субъективным» и «недостоверным». Это выливается в противопоставление письменной информации устной как оппозицию знания и мифа.

сийского общества и 1930-е гг. как период раскрестьянивания. И в том, и в другом случае этнографы исходят из того, что именно крестьянство являлось главным хранителем и транслятором этнической культуры. Именно поэтому большинство исследований по традиционной культуре народов России ограничивалось началом XX в.; состояние и развитие традиционных культур в советское время практически не изучалось. Слабо анализируются процессы в этнических культурах в настоящее время. Одной из причин этого является несовершенство методов работы с информационной средой населенных пунктов, которая наряду со следами традиционной материальной культуры представлена исторической памятью народов. Поэтому приобретает большое значение изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Этнокультурная информация в исторической памяти хранится в двух формах: при удаленном прошлом – в виде мифологизированных преданий, при недавних событиях – в виде воспоминаний его участников. В первой случае устная информация этнографами «собирается». Во втором она добывается с помощью устноисторического метода – интервью с последующим ее документированием и архивированием – «создается» исторический документ. Как бы исследователи ни называли полученный путем опроса источник: нарратив, меморат, эго-документ, устный исторический источник и т. д., – он содержит этнокультурную информацию.

В условиях, когда историковедческая база этнографии все больше смещается в нематериальную область, востребованы исследовательские технологии устной истории (oral history). Методологическое значение приобретают ее развитие в России и за рубежом, опыт работы в изучении антропологических аспектов исторических процессов. Устная история как источник и метод этнографических исследований может использоваться в изучении традиционной культуры в контексте исторических процессов XIX–XXI столетий. Большое значение приобретает ее применение для изучения повседневной жизни народов как в периоды стабилизации, так и в периоды кардинальных перемен (периоды переустройства деревни, ее быта, культуры), в том числе под воздействием техногенных, социально-экономических и политических факторов. Самостоятельной темой является выявление роли культуры жизнеобеспечения земледельческого и скотоводческого населения в экстремальных условиях (репрессии, раскулачивания, депортации, войны) и анализ адаптационных практик народов в материальной (жилище, питание, оде-

жда, обувь, санитария и гигиена и др.) и в духовной (семейная и витальная обрядность, конфессиональные практики, трудовые традиции и т. д.) сферах.

Источники и литература

1. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Карл Аймермахер, Юрий Анчабадзе, Бабкен Арутюнян и др.; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа, Фонд Фридриха Науманна и др. М.: АИРО-XX, 1999. 445 с.
2. Национальные истории на постсоветском пространстве-II. Десять лет спустя / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. 372 с.
3. Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док. и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. 230 с.
4. Щеглова Т. К. Становление устной истории за рубежом: к вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы // Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С. Е. Черных: материалы междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. А. А. Аубакиров. Усть-Каменогорск: ТОО «ВКПК Арго», 2014. С. 212–221.
5. Суринов В. М. Историческое интервью в системе источниковедческих средств // Методологические вопросы документоведения и архивоведения: сб. докл. методол. семинара ВНИИДАД. Вып. 1. М., 1976. С. 86–113.
6. Автократов В. Н., Елпатъевский А. В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами // Источниковедение отечественной истории. М., 1976.
7. Кузнецов Н. П., Суринов В. М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980. № 1.
8. Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В. «Устная история» как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. тр. М., 1985. С. 14–20.
9. От последних диссидентов к первым неформалам. Ч. 2. Беседа с Ярославом Леонтьевым (член Совета НИПЦ «Мемориал», доцент МГУ). Беседовал Алексей Пятковский. Май—июнь 2005 // IGRUNOV. RU. URL: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_hist/or/remen/1122559056.html (дата обращения: 10.10.2017).
10. Моисеев Олег. Коношская центральная районная библиотека им. Иосифа Бродского. URL: <http://www.konlib.ru/%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B3/> (дата обращения: 11.10.2017).
11. Орлов И. Б. Устная история // Теория и методология истории: учебник для вузов / под ред. В. В. Алексеева, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. С. 335–355.
12. Щеглова Т. К., Дрожжецкий Д. А. Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х годов: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия АлтГУ. 2014. № 4/2 (84). С. 267–280.
13. Бердинских В. А. Рядовые фронта и тыла // Волга. 1989. № 5–6.

14. Бердинских В. А. Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. 1991. № 1–3.
15. Бердинских В. А. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1998.
16. Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи. М.: Изд. дом «Вече», 2014. 382 с.
17. Козлов В. П. Историко-архивный институт: хроника развала и точка бифуркации // Вестник архивиста. 2003. № 1 (73). С. 90–91.
18. Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 34 с.
19. Хубова Д. Н. Опыт реконструкции раскулачивания и голода на Кубани в 1932–1933 годах. Герменевтические аспекты в устной истории // BIOS. Zeitschrift für biographieforschung und oral history. 1990. 1. С. 33–47.
20. Голод 1932–1933 годов // «Библиотекарь.Ру» – электронная библиотека. URL: <http://www.bibliotekar.ru/golodomor/index.htm> (дата обращения: 11.10.2017).
21. Хубова Д. Н. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: РГГУ, 1995. С. 67–87.
22. Хубова Д. Н. Устная история «Verba volant...?»: метод. пособие. М., 1997. 52 с.
23. Ревизникова О. Кто куда? // Коммерсантъ. 1993. № 96 (319). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/48748> (дата обращения: 11.10.2017).
24. Ларин О. [Рецензия] // Новый мир. 1994. № 8. С. 250–251. Рец. на кн.: Бердинских В. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров: ГИПП «Вятка». 1994. 287 с.
25. Урсу Д. П. Архив ЮНЕСКО в Париже // Сов. архивы. 1980. № 6.
26. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.
27. Урсу Д. Н. Программа и методические указания по спецкурсу «Устная история. Теория и практика» для студентов ист. фак. Симферополь: СГУ, 1991.
28. Поляков В. In memoriam... Дмитрий Павлович Урсу // Голос Крыма new. Официальный сайт. URL: <http://goloskrimanew.ru/dmitriy-pavlovich-ursu.html> (дата обращения: 11.10.2017).
29. Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991.
30. Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992.
31. Щеглова Т. К. VII Международная научная конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий» // Гуманитарные науки в Сибири. (Отечественная история). Новосибирск, 2009. № 3. С. 133–134.
32. International Economic History Association. URL: <http://www.ieha-wehc.org/> (дата обращения: 11.10.2017).
33. Центр экономической истории. URL: <http://new.hist.asu.ru/econhist/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).

34. Центр экономической истории России // Челябинский государственный университет. URL: http://www.csu.ru/Lists/List3/страницы_кафедр.aspx?ID=65 (дата обращения: 11.10.2017).
35. НИИ проблем экономической истории России XX в. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/volgogr.htm> (дата обращения: 11.10.2017).
36. International Oral History Association – iohanet. URL: <http://www.iohanet.org/contact/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).
37. Центр устной истории и биографии // Мемориал. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/> (дата обращения: 11.10.2017).
38. Мемориал. Информационный бюллетень. № 17. URL: <http://old.memo.ru/about/bull/b17/INDEX.HTM> (дата обращения: 11.10.2017).
39. Школьный конкурс // «Уроки истории. XX век» – научно-популярный проект. URL: www.urokiistorii.ru/konkurs (дата обращения: 11.10.2017).
40. «Уроки истории. XX век» – научно-популярный проект. URL: www.urokiistorii.ru (дата обращения: 11.10.2017).
41. Устная история. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/socio/643-department-of-history/4408-oral-history> (дата обращения: 11.10.2017).
42. Мельникова Е. А. «Однажды в студеную зимнюю пору...» Идеальное детство в устной биографии // Неприкосновенный запас. 2010. № 5 (73). С. 49–68.
43. Мельникова Е. А. Книга и чтение в устных свидетельствах крестьян Северо-Запада России // Сны Богородицы. Исследования по народной религиозности: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. А. Панченко, С. А. Штыркова, Ж. В. Корминой. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 277–289.
44. The Local Memory of the World War II in Provincial Museums: the Northern Lado-ga Case Study, in *Krieg im Museum: Präsentationen des Zweiten Weltkriegs in Museen und Gedenkstätten des östlichen Europa*, ed. Ekaterina Makhotina, Ekaterina Keding, Włodzimierz Borodziej, Etienne Francois, Martin Schulze Wessel. München: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. P. 111–130.
45. Магистерские программы. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/history/ma-programmes> (дата обращения: 11.10.2017).
46. Мельникова Екатерина Александровна. Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/history/faculty/17746-melnikova-ekaterina-aleksandrovna> (дата обращения: 11.10.2017).
47. Летняя школа «Микроистория и микромиры знания». Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://eu.spb.ru/news/9791-mikroistoria-znania> (дата обращения: 11.10.2017).
48. Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / [отв. ред. М. Лоскутова]. М.: Новое изд-во, 2006. 387 с.;
49. Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. Составление, вступительная статья и комментарии Т. Ю. Ворониной, И. Е. Гусинцевой, В. В. Календаровой // *Нестор*. 2001. № 6 (2).

50. Голоса блокадного поколения: CD, ориентированный на преподавателей средних школ и младших курсов университетов. (Поддержан консульством Федеративной Республики Германия, СПб., 2005).
51. Хрестоматия по устной истории / пер. М. В. Лоскутова; сост. М. В. Лоскутова; под общ. ред.: М. В. Лоскутова. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003.
52. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории / пер. М. В. Лоскутова; сост. М. В. Лоскутова; под общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 5–31.
53. Лоскутова М. В. Устная история. Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский Дом, 2002. 56 с.
54. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. I / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 132 с.
55. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 192 с.;
56. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 212 с.
57. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–50-е гг. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев, И. Н. Романова, И. С. Маховская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 400 с.
58. Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: теория, история, практика / Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения, Барнаулский гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения; [науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2008. 195 с.
59. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история — источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX — начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 308–313.
60. Щеглова Т. К. От редактора // Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: теория, история, практика / Алт. краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения, Барнаулский гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения; [науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 4–5.
61. Щеглова Т. К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991. С. 38–44.
62. Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992. С. 17–21.
63. Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности в школе и вузе // Историческое краеведение в школе и вузе: материалы первой Всероссий. науч. конф. (14–15 декабря 1994 г.) / Союз краеведов Российской Федера-

- ции, Кемеровский гос. ун-т, Кемеровский обл. ин-т усовершенствования учителей; [редкол.: Д. В. Кацуба и др.]. Кемерово, 1994. С. 65–68.
64. Щеглова Т. К. Устная история как источник и метод исследований сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 23–28.
65. Суринов В. М. Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина: историческая литература. Тюмень: [б. и.], 1990. 36 с.
66. Центр устной истории и этнографии. Тюменский государственный университет. URL: <https://www.utmn.ru/ihss/about/struktura-instituta/kafedry/kafedra-otechestvennoy-istorii/tsentr-ustnoy-istorii/> (дата обращения: 11.10.2017).
67. Щеглова Т. К. К вопросу о развитии сельских населенных пунктов Алтайского края в советское время (20-е – 80-е годы) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: [тез. докл. междунар. конф., апрель 1994 г., г. Барнаул] / Алт. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т гуманитар. исслед.; [отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин; сост.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин]. Барнаул, 1994. С. 190–193.
68. Щеглова Т. К. Реорганизация деревни в 1950–1970-е годы: представления и суждения на «нижних этажах» сельского общества // Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 436–487.
69. Занданова Л. В., Салахова Л. М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9 / Алтайский гос. пед. ун-т, Национальный исслед. Томск. гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния Рос. акад. наук; под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 338–341.
70. Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / Барнаул. гос. пед. ун-т, лаб. ист. краеведения [и др.]; сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул: БГПУ, 2007. 372 с.
71. Кротов Н. И., Липаев А. П. Устная история, или доктор Память. М: АНО «Экономическая летопись», 2016. 105 с.
72. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования / Федеральное агентство по образованию, Ставропольский гос. ун-т, науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; [сост.: Е. Н. Стрекалова (отв. сост.) и др.]. СПб: Европейский дом, 2008. 291 с.
73. Устная история в Карелии. URL: <http://oralhist.karelia.ru/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).
74. Стрекалова Е. Н. Архив устной истории Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа) // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. ст. Краснодар, 2011.

75. Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. ст. Краснодар.: Экоинвест, 2010.
76. Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Костромской гос. технол. ун-т. Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. 155 с.
77. Волкова Е. Ю. Последние свидетели Великой Отечественной...: (дети в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Костромской гос. технол. ун-т. Кострома: Изд-во КГТУ, 2011. 286 с.
78. Бондаренко Л. А. Выживание гражданского населения в военном Сталинграде: по воспоминаниям очевидцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 окт. 2015 г. Вып. 9 / Алт. гос. пед. ун-т, Нац. исслед. Томский гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 321–327.
79. Региональный центр устной истории, г. Воронеж. URL: <http://www.historyvoice.ru/?file=kop1.php> (дата обращения: 11.10.2017).
80. Культура жизнеобеспечения // Алт. гос. пед. ун-т. URL: <http://www.altspu.ru/history/kignak> (дата обращения: 11.10.2017).

Shcheglova Tatiana K.

Establishment and development of Russian oral history in the 1980–2010^{ths} years in the context of social, political and scientific life in Russia and in comparison with international traditions of oral history

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article analyses factors and reasons which determined the establishment of Russian oral history in the context of perestroika, the development of historical science and international practice; the cross-cultural peculiarities of Russian oral history in comparison with American and European oral history have been revealed. The conditions and participants of the processes of institutionalization of oral history, topics and areas of focus of oral history research projects during the 1980–2010^{ths} years are characterized. Education and the activity of the first scientific societies of oral history in Russia, their objectives, goals and forms or research are described. The conclusion about differences between capital and regional centers of oral history is made. The author describes their activity, points out the periods of their development, defines the approaches, forms and topics of capital and regional centers of oral history. The article reveals new tendencies of the modern period of Russian oral history, such as switching from researching taboo topics and elimination of source hunger to anthropologization of research activity of oral history centers. **Keywords:** *perestroika, post-Soviet period, Russian historical science, Russian oral history, capital and regional centers of oral history, forms, approaches, tendencies of activities, Russian historians.*

Часть 2

Антропология репрессий: травматические места в исторической памяти

Аблажей Наталья Николаевна

Тема османской и советской депортаций в коллективной памяти армян-репатриантов¹

*Новосибирский государственный университет; Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. Статья посвящена оценкам оттоманской (1915) и советской (1949) депортаций в письменных свидетельствах армян, перенесших геноцид и советские репрессии. На материалах учетных дел (следственных и дел на выселение) предпринимается попытка показать возможности изучения османской и советской депортаций. Проанализированы некоторые свидетельские показания репатриантов, прибывших в Советскую Армению после Второй мировой войны и переживших политические репрессии. Автор утверждает, что османская и советская депортации воспринимается в коллективной памяти армян как двойная травма, усугубленная тем, что в СССР тема геноцида и советских репрессий была закрыта для публичного обсуждения. **Ключевые слова:** коллективная память, османская и советская депортации, армяне, репатрианты.

Большое число жертв, ставших следствием крупнейших кампаний по уничтожению отдельных групп людей на основании этнических или религиозных признаков (геноцида), обусловлены не только этническими чистками, но и депортациями (принудительными переселениями). История знает много примеров не только эпизодического использования депортационных практик, но и реализации рядом стран на протяжении длительных периодов специфической и целостной депортационной политики. Не всегда депортация (или даже депортационная политика) оказывается нацеленной на уничтожение какой-либо группы населения – целиком или ее части. Бесспорно, однако, то, что любое принудительное выселение – это репрессия, которая ведет к жертвам, обрекает их на изгнание и тяжелые условия жизни. Важно и то, что любые депортации априори не-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-21-200001.

законны, какие бы «законные» основания власть ни пыталась под них подвести. Отметим также, что случаи квалификации депортаций международным правом как акта геноцида/этноцида и преступления против человечности крайне редки.

В данной статье посредством анализа письменных свидетельств послевоенных репатриантов, очевидцев геноцида и советских репрессий мы попытаемся акцентировать внимание на описании и оценках османской (1915) и советской (1949) депортаций как двойной травмы для коллективной памяти армян.

Несмотря на масштаб трагедии и массовое количество свидетельств, в том числе и очевидцев геноцида среди населения Советской Армении, власти удалось уже к середине 1920-х гг. купировать эту тему в публичном дискурсе. На протяжении трех десятилетий в СССР публичное упоминание о геноциде армян в Османской империи было под запретом. Считается, что подобная практика обуславливалась в значительной степени геополитическими причинами. Только с конца 1960-х гг. под давлением оппозиционной общественности Советской Армении и на фоне сильного резонанса, который вызвали в армянском обществе события 50-летней давности, власть позволила советским армянам почитать память жертв геноцида при соблюдении максимума «политкорректности» как в отношении Турции, так и в оценках советско-турецких договоренностей 1921 г. Двойные стандарты и двойная мораль стали водоразделом между политикой и памятью.

Вводя запрет на память для целого народа, власть при этом не просто знала о масштабах трагедии, но и активно оперировала ею в своих геополитических стратегиях. Претензии к Турции, трактовавшиеся как требование «возвращения исконных армянских территорий», основывались на совокупности доводов (исторических, политических, этнографических, и др.). Документальные материалы были объединены в особую папку «Захват Турцией армянских территорий», на которую был поставлен гриф «совершенно секретно». При этом сами события, связанные с геноцидом, как невиданная по масштабам человеческая трагедия, его методы и массовость были вторичны, хотя и получили оценку как «планомерная и последовательная политика истребления», «...которые не должно забыть свободлюбивое человечество». В частности, утверждалось, что, согласно «достоверным источникам», число жертв резни можно оценить в 1 млн чел и еще 1 млн — «бегство». Указывалось также на массовую исламизацию оставшегося армянского населения Турции; констати-

ровалось, что для Турции вопроса турецкой Армении нет, так как они ее «освободили от армян» [1, с. 63, 66].

Главным аргументом для мирового сообщества в обосновании территориальных претензий СССР к Турции была призвана стать именно массовая репатриация армян, предпосылками которой были высокий миграционный потенциал диаспоры и заявления руководства Советской Армении о желании принять полмиллиона армян. Выдвижение высшим советским руководством территориальных претензий к Турции позволило политической элите Советской Армении заговорить об армянском вопросе и необходимости репатриации. Эта тема получает звучание в письмах первого секретаря ЦК КП Армении Арутюнова Сталину, на заседаниях ЦК КП Армении и даже грозит выйти в публичное пространство, после серии выступлений Арутюнова перед избирателями накануне выборов в Верховный Совет в феврале 1946 г. На фоне начала массовой репатриации армян в Советскую Армению эта весьма острая тема могла приобрести полную публичность.

В 1946–1949 гг., во время реализации программы репатриации, из 12 стран Ближнего Востока, Европы и Америки в Советскую Армению прибыли почти 100 тысяч зарубежных армян, что не только обеспечило существенный прирост населения, но существенно увеличило долю выходцев из Западной Армении (прямых свидетелей геноцида) и их потомков в структуре населения республики. Вывоз Советской армией армян из Ирана в 1946 г., а затем их организованная репатриация из Сирии и Ливана привели к всплеску в армянском обществе разговоров о западных территориях и, неизбежно, о трагических судьбах западных армян. Первые волны расселения репатриантов были в значительной степени сориентированы на оседание мигрантов в приграничных с Турцией областях. Рассчитывая на скорое решение территориального вопроса, власти Армении расселили 32,5 тыс. репатриантов (из 50,7 тыс., прибывших в июле–октябре в 1946 г. из Ирана, Сирии, Ливана, Болгарии, Румынии и Греции) в приграничной с Турцией долине р. Аракс [2, л. 72]. Оседание мигрантов в приграничье не только усилило миграционные ожидания переселенцев, но и обостряло ответную реакцию турецкого правительства.

За годы изгнания армянские общины сумели сохранить свою идентичность, которая резко усилилась на фоне патриотизма, обусловленного победой СССР во Второй мировой войне. Так как репатриация в Советскую Армению подавалась исключительно как этническое переселение и право на въезд и получение советского гражд-

данства имели только армяне, это обстоятельство повлекло массовые случаи смены национальной принадлежности. Вместе с тем после въезда в страну стало очевидно, что часть переселенцев плохо знала армянский язык, в то время как курдский и турецкий воспринимала как родной. Приезд в Армению привел к очередному всплеску среди репатриантов национальной идентичности, этот процесс не остался без внимания МВД. В отчетах в Москву неоднократно приводились тому свидетельства. Приведем лишь одно из них: «Иммигрант Аганжаниян Султан в беседе с нашим источником заявил: „Мы были порабощены, нас преследовали турки, я вынужден был в свое время поменять свое имя на турецкое, а с приездом на родину с честью буду носить свое настоящее имя Саркис“» [3, л. 119–120].

Репатриация очень скоро вызвала резкий рост миграционной активности в приграничье, однако здесь он был обусловлен эмиграционными намерениями вчерашних переселенцев. Тяжелая экономическая ситуация в республике провоцировала массовое бегство армян-репатриантов в Турцию. Заместитель министра МВД СССР А. Н. Аполлонов, характеризуя эмиграционные настроения среди репатриантов в Армении, в своих докладных записках наряду с предложениями по ужесточению режима указывал на многочисленные случаи обнищания, недоедания и даже голода среди переселенцев, упоминая, в частности, одно из приграничных сел, где буквально каждая семья репатриантов потеряла от голода ребенка [4, л. 16–17]. В качестве превентивных мер ведомство предлагало как репрессивно-административные меры (ужесточение пограничного режима, усиление наказания за побег, выборочное отселение от границы в глубинные районы республики), так и экономические (оказание экстренной гуманитарной помощи населению приграничья); иные меры, направленные на оседание и интеграцию переселенцев, которые «сократили бы отрицательные эмиграционные настроения и попытки нелегального ухода за границу» [4, л. 383]. В 1947–1949 гг. в Армянской ССР была проведена кампания «по переселению реэмиграционно настроенных армян, прибывших из зарубежных стран, из пограничных в глубинные районы» республики. В ее рамках в формате административной высылки было проведено десять крупных отселений, под которые попали более 2 тыс. чел., хотя МВД и МГБ настаивали на более масштабных выселениях. Отселения от границы стали «прелюдией» к более масштабной высылке.

На фоне усиления политических репрессий по всей стране Армению захлестнули очередная волна «борьбы с буржуазным наци-

онализмом» и шпиономания. Армян-репатриантов нередко рассматривали как «пятую колонну», людей, не разделявших советские ценности. Репатриантам инкриминировали связи с дашнакской партией, шпионаж, антисоветские настроения, измену Родине (к которой приравнивались даже эмиграционные намерения). Масштаб репрессий в отношении армян-репатриантов 1948–1953 гг. достиг 4% от численности переселенческой группы, а их доля в общей массе армян, депортированных в 1949 г. на Алтай, превысила 11,5%. Репрессии в отношении репатриантов не были направлены на уничтожение политических противников власти, в значительной степени они должны был «ускорить» формирование у основной массы репатриантов советской идентичности.

Анализ формальных процедур, связанных с рутинными следственными действиями в отношении репатриантов, шаблонные вопросы «о родственниках за границей» и «что Вы делали до приезда в Советский Союз» рисуют потрясающую по своей трагичности палитру судеб армян, переживших геноцид. Персональные истории людей, переживших уже два трагических эпизода, продолжали настойчиво звучать и позднее, уже из ГУЛАГа, когда заключенные и высланные, в попытках добиться справедливости писали «во власть». Эти глубоко личные документы — свидетельства двух поколений, которые прошли две депортации и имеют очень тяжелую депортационную травму. В этих свидетельствах глубоко личные истории становятся историей коллективной. Приведем лишь некоторые из них.

«...Родилась в Себастии в Турции. Наша семья состояла из 12 человек — моя мать, отец и 10 душ детей. В войну всю нашу семью — мать, отца, моих братьев и сестер — вырезали турки, лишь мне одной удалось бежать в Египет. Голодная, босая, после долгих скитаний по арабским пустыням я устроилась в Александрии» [5, л. 20].

«15 лет жили под турецким игом и страдали от турецкой монархии. После чего турецкое государство решило нас выгонять из родного дома месяц прожили под открытым небом после чего нас приняло Арабского государство» [6, л. не ук.].

«Моя семья состояла из 41 душ, но во время депортации из Турции 36 членов семьи от вражеских рук погибли» [6, л. не ук.].

«Мы видели много страдания, мы не помним ни одного солнечного дня. Видели страшные дни резни и депортации турецких армян, мы под мечами черкесов и аскаров оставили родину, родной дом в Киликии, г. Ачин, и в течение перехода через арабскую пустыню из 9 членов семьи моего отца в живых остался только я. Отец скон-

чался от ужаса, от голода умерли моя жена и трое детей, умерли мой брат с женой и ребенком. И только я остался в живых и как свидетельствую этих жутких дней фотография кучи костей, которую я посылаю с этим заявлением. Здесь находятся также кости моих родных. Почему я остался в живых? Был бы счастлив умереть вместе с ними» [7, л. 40–40 об.].

Встречаются и свидетельства о спасении турками армян в период геноцида. Вот одно из них: *«Я родился в Турции в г. Килис в 1914 году. В том же году началась война, и потому всех армян выслали в Тер Зор, где началась резня армян. К счастью, нашелся один турок, у кого не было детей, он предложил родителям передать меня, полуторалетнего мальчика, ему; и что он спасет их жизни. Родители согласились. Я 15 лет жил у этого турка, не зная свое происхождение, свою веру и своих родных. Мать моя, турчанка, умерла, а мачеха не хотела больше держать у себя и выгнала. Отец-турок знал, где мои родители. В 1929 [настоящий] отец приехал и забрал меня в Алепп» [8, л. 24–25].* При этом само «спасение» описывается чаще как исламизация и отуречивание.

В одном из писем адресат настолько осведомлен о масштабе трагедии, что оперирует цифрами: *«Трудно себе представить то чувство, которое испытывают наши соотечественники за границей, и особенно армяне, находящиеся под игом Османской Турции. Хотя я пишу только о себе... история любой трудовой армянской семьи похожа друг на друга, поэтому история армян — это история истребления со стороны персов, арабов и особенно турок, оккупировавших нашу родину и истреблявших наш трудовой народ огнем и мечом. Только во время первой мировой империалистической войны армянский народ понес жертву убитыми более полутора миллиона от турок-зверей...» [9, л. 272–272 об.]*

Каждый из рассказов имеет свое продолжение. Рассказ о турецких репрессиях сменяет тема советских репрессий и депортации, которые тоже травматичны и сфокусированы на несправедливости репрессий и тяготах изгнания. Эти репрессии связаны прежде всего с одним событием — репатриацией:

«...Мы еще не отведали вкуса нашей родины, еще не осуществили мечту — нас привезли в этот холодный край в Сибирь» [10, л. 29–29об];

«13 июня нас сослали в Алтайский край... МВД в первый же день прибытия на место назначения нам объявило, что мы будем здесь вечными переселенцами...» [11, л. 22].

«Находясь теперь на Алтае, мы являемся немymi людьми, не знаем ничего, даже пару слов по-русски, дети наши также...» [12, л. 22].

«Кто должен нести ответственность за все незаконное мое страдание, за потерю родин... имущества, сына, здоровья» [13, л. 155–156].

«...Прошу принять во внимание... что я столько душ потерял в Турции, и помиловать семью и дать возможность вернуться из Сибири в Армянскую ССР» [6, л. не ук.].

«Мы проехали моря, леса и горы, чтоб приехать в столь любимую Армению, но эта самая Армения нас изгнала навечно из своих пределов» [14, л. 12].

Далеко не всегда в «письмах во власть» имеются эмоциональные оценки событий 1915 и 1949 гг., оказавших колоссальное влияние на судьбу семьи. Так, в материалах учетного дела Вагана Овивяна они крайне скудны и сводятся лишь к констатации некоторых фактов [15] Ваган Мартиросович Овивян родился в 1903 г. д. Кемерек Османской империи. В 1915 г. во время геноцида потерял родителей. С 1919 г. воспитывался в одном из американских приютов для армянских сирот в Себастии (Турция). В 1923 г. выехал во Францию, где проживал в г. Виен. В сентябре 1947 г. с семьей репатриировался в Советскую Армению. Проживал в Ереване и работал шофером. 14 июня 1949 г. был выслан с семьей (жена Шнорик Карапетовна, 1911 г. р.; сын Хорен-Рене 1930 г. р.; дочь Алис 1931 г. р.; сын Зограб-Эдмон 1934 г. р.) в Алтайский край как «дашнак-националист». Ссылка оформлена решением Особого совещания при МГБ СССР от 1 февраля 1950 г. Семья отбывала ссылку в Аламбайском леспромхозе Сорокинского района, участок Рассыпная, и только незадолго до освобождения смогла перебраться в Барнаул. Из ссылки освободили весной 1956 г., после чего все вернулись в Ереван. В 1964 г. Ваган Овивян с семьей эмигрировал во Францию. Сын Вагана – Рене Овив – стал известным французским карикатуристом. По приезде в Париж в 1964 г. Ваган Овивян написал воспоминания «От Дер Зогра до Сибири или подъема и спады жизни. 1904–1964» с дарственной надписью «Моим детям Хорену, Алис и Зограбу». Воспоминания написаны на западно-армянском языке. В 2016 г. рукопись передана другому семье Айком Тер-Аругянном (Франция) студии «Версус». В настоящий момент опубликован небольшой фрагмент рукописи [18, с. 88–103] и ведется работа по переводу всего текста и подготовке его к изданию.

В тексте воспоминаний встречаются сопоставления событий 1915 и 1949 гг. Воспоминания о геноциде и депортации особенно ярко воспроизведены на фоне этапирования в Сибирь. Дорога на Алтай насыщена эмоциональными переживаниями и аналогиями с этапом через пустыню, расположенную к востоку от города Дейр Эз-Зор, куда в 1915 г. были согнаны сотни тысяч армян.

«..Наш поезд остановился, и всех нас, ссыльных, спустили в открытое поле. Это мне напомнило 1915 год, когда турки заставляли нас ночевать вдали от населенных пунктов в открытой степи, чтобы ночью, когда окрестные турки, набросившись, резали нас, потом тропный смрад не доходил бы до их деревень»...

«Мы все устроились на телегах. Жена с дочкой и с постелью — на одной повозке, а я с двумя сыновьями — на другой, и двинулись в путь в неизвестном направлении... Еды у нас не было... Мы не имели права ехать, сидя на телеге, это разрешалось только старикам и несовершеннолетним детям. Однако моя дочь устала и не могла идти дальше. Я дал понять нашему извозчику, что моя дочь устала и чтобы ей разрешили сесть на телегу. „Нет, нет“, — закричал этот 17-летний мальчишка и стегнул лошаадь. Я быстро схватил коня за уздечку и велел Алис подняться на повозку. Извозчик подбежал и с руганью стянул за руку мою дочь. Кровь ударила мне в голову. Бросив уздечку, с толстой палкой в руке я устремился к нему. К счастью, увидев это, извозчик с ужасом убежал, оставив повозку нам, а я посадил Алис, и мы продолжили путь. Я, конечно, знал, что мальчишка пошел жаловаться начальнику нашего каравана. Начальник был подобен турецкому жандарму, что повстречался мне в 1915 году, с одной лишь разницей — этот не получал приказа убивать нас, а турок мог и убить... Иногда я шел рядом с повозкой жены, иногда рядом с сыновьями, следил, чтобы ничего не украли из наших вещей. Наступило 10 часов вечера, было еще светло, наш караван растянулся на 2 километра. Дорога была длинной и, наблюдая за бесконечным извилистым караваном в этом лесу, видя эти человеческие страдания — плач женщин, крики детей, измазанных грязью, я вспомнил 1915 год, печальные дни нашей резни, когда мы шли под кнутом турецких жандармов. Чем дальше мы шли, тем меньше нас становилось. Когда мы вышли из деревни Кемерек, нас было 15 человек, до Дер Зора добрались мы с братом Хореном. Потом я остался один, выживший в этой резне...» [18, с. 100, 103].

Трагедия депортации прочно связана у армян с двумя драматическими событиями — османской резней в ходе Первой мировой вой-

ны и депортацией и советской ссылкой, произошедших уже после Второй мировой. Опыт депортации – это отягощающее воспоминание, событие личной биографии, но при всей индивидуальности трагедии мы видим, что свидетели осознают себя частью коллективно-репрессированного «мы» (наказанного и гонимого этноса). Усугубляло травму и то, что в армянском обществе тема геноцида и советских репрессий и депортаций была закрыта для публичного обсуждения. Воспоминания подавлялись десятилетиями и армянское общество не осваивало память о трагических событиях, тогда как единственная возможность избежать повторения репрессий – это помнить о них.

Источники и литература

1. Армения и советско-турецкие отношения в дипломатических документах 1946–1947 гг. / Под ред. А. Киракасяна. Ереван: Тигран Мец, 2010. С. 63, 66.
2. Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 169.
3. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 139.
4. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199.
5. Национальный архив Республики Армения (НА РА). Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2289.
6. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2241.
7. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2330.
8. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1295.
9. НА РА. Ф. 571. Оп. 4. Д. 2953(2).
10. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2318.
11. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2286.
12. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1443.
13. НА РА. Ф. 1191. Оп. 3. Д. 1611.
14. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1311.
15. НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273.
16. Овивян В. Ссылка (пер. и коммент. С. Фарамазян) // Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док. и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. С. 88–103.

Natalya N. Ablazhey

The issue of Ottoman and Soviet deportations in the collective memory of the Armenian repatriates

Novosibirsk State University; Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the estimations of the Ottoman (1915) and Soviet (1949) deportations in the written evidences of Armenians who witnessed genocide and Soviet repressions. There is an effort to show evristic possibilities of the study of the Ottoman and Soviet deportations on the materials of the investigation files and cases of the exiled. The witness accounts of the repatriated who arrived to the Soviet Armenia after the end of the WW II and experienced political repressions are analysed. The author stipu-

lates that the Ottoman and Soviet deportations were historically traumatic in the collective memory of the Armenians. This trauma was exacerbated by a ban on publicity of the issues of genocide and Soviet repressions. **Keywords:** *collective memory, Ottoman and Soviet deportations, Armenian repatriates.*

Красильников Сергей Александрович

Две ссылки в одной¹

Новосибирский гос. университет; Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В современной историографии постреволюционных государственных репрессий заметным является сформировавшееся направление исследования социальных и этнических депортаций. Наряду с аналитическими работами историков, изучающих формирование и эволюцию системы спецпоселений, важное значение имеет корпус документальных и нарративных источников, издание которых исследователи осуществляют в постсоветский период. Вместе с тем сохраняет свой потенциал не исчезнувшая традиция семейных воспоминаний. Данная публикация является реакцией автора на вышедшие в 2015 г. воспоминания этнодепортантки, высланной из Риги в канун войны в Нарымский край, бывший с начала 1930-х гг. одним из центров крестьянской ссылки. Воспоминания членов семьи автора дают возможность сравнить сравнимое — некоторые аспекты репрессивной повседневности ссылных двух волн депортаций. **Ключевые слова:** *репрессивная политика, крестьянские и этнические депортации, Нарымский край, семейные воспоминания.*

В постсоветской историографии познание истории репрессий и дискриминаций сталинской эпохи движется по достаточно своеобразной траектории. В начале 1990-х гг. вполне объяснимое отсутствие научной рефлексии замещалось всплеском разножанровых публикаций, среди которых преобладали историческая публицистика и мемуаристика, тогда как историки двигались в направлении освоения документальных и нарративных первоисточников, выдавая небольшие сборники документов. В отдельное направление выделилось изучение формирования и эволюции системы спецпоселений. В «нулевые» годы появляются обобщающие исследования, в ряду которых центральное место заняла монография В. Н. Земскова [3]; среди новейших работ, претендующих на обобщение, можно назвать коллективную работу В. А. Бердинских с соавторами [2]. В последнее десятилетие заявила о себе новая линия депортационной тематики — дневниковые и мемуарные издания, выполненные на профес-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16–21–200001.

сиональном уровне, где публикуемые тексты снабжены должным научно-справочным аппаратом [1, 4].

Наша публикация не носит строго научного формата. Ее появление вызвано прочтением изданных недавно небольшим тиражом воспоминаний Ривки Рабинович, этнодепортантки, написанных в Израиле [5]. В ней в том числе описан период пребывания ее семьи в Нарымском крае (районный центр, с. Парабель) в 1940-е – первой половине 1950-х гг.

История моей семьи, как нить, вплетена в ткань истории крестьянской ссылки в Нарымском крае. Мои дедушка (Василий Иванович, 1881 г. р.) и бабушка (Фекла Васильевна, 1885 г. р.) Левыкины, переселенцы столыпинской эпохи, выходцы из Курской губернии, прибыли вместе с многочисленными родственниками в поисках лучшей зажиточной жизни в Сибирь и осели возле села Рождественка, расположенного в известном Караканском бору. (территория нынешней Новосибирской области). Дед во время Первой мировой войны вошел рядовым, был награжден Георгиевским крестом, ранен, попал в немецкий плен, откуда вернулся только в 1918 г. После Гражданской войны он с двумя другими братьями приобрел в Караканском бору водяную мельницу (в перечне населенных пунктов Сибирского края за 1926 г. она так и значится как «мельница Левыкиных»). Однако к концу 1920-х гг. дело у братьев не заладилось, а в 1928 г. дед попал под санкционированную Сталиным во время его визита в Сибирь печально знаменитую 107 статью УК РСФСР, согласно которой крестьяне – производители хлеба, придерживавшие его во время хлебосдачи для своих нужд, объявлялись спекулянтами и подвергались лишению свободы. Отсидев три месяца, дед получил от власти «черную метку» как «лишенец». Работать дальше мельником означало быть вновь арестованным в следующую хлебозаготовительную кампанию, и мой дед вынужден был податься на заработки в г. Новосибирск. При этом ему пришлось разделить свою большую семью на две части: двух дочерей он взял с собой, а бабушку оставил жить на не работавшей к тому времени уже несколько лет мельнице с тремя другими детьми.

17 мая 1931 г. бабушку Феклу Васильевну с детьми, как кулацкую жену, отправили по этапу на высылку в Нарымский край. Деда отыскивали по наводкам сельчан, и его, как попавшего под категорию «беглый кулак, скрывающийся на производстве» (он работал плотником в новосибирском Затоне, где делали паузки), арестовали и отправили на трехлетний срок в СибЛАГ. Мою маму с сестрой приюти-

ли на время после ареста новосибирские родственники, и как только узнали, в какой комендатуре содержится бабушка, отправили детей к ней (отвозил кто-то из дальних родственников). На этот момент моей маме исполнилось восемь с половиной лет. Первые три года на поселении семья моей мамы провела в спецпоселках Белка и Мапиновка Парабельской районной комендатуры. Чтобы выжить, дети побирались по соседним деревням, бабушка кое-что шила, продавала то немного, что иногда присылали родственники.

Весной 1933 г., после отбытия части лагерного срока, Василию Ивановичу было выдано направление для следования через Томский распределлагерь в Парабельскую комендатуру для соединения с находившейся там семьей. В 1935 г. в жизни семьи наступил критический момент. Дедушка заболел: сказывались ранение, пребывание в немецком плену, лагерный труд. Оказавшись на грани выживания, семья решила на, казалось бы, необычный по нынешним меркам, но достаточно понятный в тогдашних условиях шаг: Василий Иванович написал ходатайство с просьбой определить трех своих дочерей в детский дом, мотивируя это невозможностью их прокормить из-за болезни. Через две недели участковый комендант приказал поселковому коменданту: «Объявите трудпоселенцу Левыкину Василию Ивановичу, что ему в ходатайстве определения детей в детдом отказано, так как последние перегружены и принимаются в них лишь дети круглых сирот, а Левыкин вполне может содержать свою семью».

Через несколько месяцев после того как дед, как профессиональный плотник, был откомандирован в райцентр, с. Парабель, где шло активное строительство, туда же, в Парабель, нелегально, без разрешения комендатуры, тайком перебралась вся семья. Вначале они жили в землянке на окраине Парабели, на «птичьих правах». Чтобы выжить и не быть обузой для семьи, моя мама пошла «в няньки». Ее взяли в семью одного из политссыльных, Икатова, работавшего в местном кооперативе. Мама, сама будучи тринадцатилетней, присматривала за детьми политссыльного и помогала по дому. Ее определили в местную среднюю школу. После окончания школы она добилась направления для учебы в Колпашевское педагогическое училище. В 1940 г. она была снята с учета спецпоселения, ей выдали паспорт. По окончании педучилища она стала преподавателем начальных классов, вернувшись в Парабельский район. В годы войны умер дедушка. В том же 1944 году погибла сестра мамы, Мария (по рассказам мамы, ее убили вечером, когда она несла хлеб, полученный по карточкам). Неизвестна судьба старшего сына, Федора, который бежал со спец-

поселения еще в первые годы. Таким образом, можно считать, что семья Левыкиных потеряла на спецпоселении трех человек из семи.

Для остальных жизнь после войны сложилась более счастливо. Моя бабушка была снята со спецучета только в начале 1950-х гг. и прожила в нашей семье почти до 90-летнего возраста. Моя мама получила правительственную награду, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1947 г. вышла замуж за моего отца, также учителя начальных классов, родила пятерых детей, вплоть до выхода на пенсию работала учителем в Нарымской средней школе, прожила 83 года. 80 лет прожил мой дядя, Валентин Васильевич Левыкин. Моя тетьа, Юлия Васильевна, прожила 88 лет.

Я родился и вырос в небольшой таежной деревушке Когоньжа, расположенной на р. Пайдуга (приток р. Кеть). Мое детство проходило в атмосфере сибирского спецпоселка со смешанным «контингентом», где жили еще не снятые со спецучета ссыльные крестьяне, а также прибывшие в начале 1950-х гг. «националы», в нашем случае ссыльные литовцы. Мои родители-учителя помогали, как могли, этим новым ссыльным, памятуя о годах своей крестьянской ссылки. Позднее вернувшиеся на родину литовцы приглашали моих родителей в Прибалтику, где они побывали несколько раз.

Второй случай взят из автобиографической повести Ривки Рабинович «Сквозь три строя», опубликованной в Москве в 2015 г. В ней содержится живое и эмоциональное описание судьбы автора, родившейся в еврейской семье в начале 1930-х гг. в Риге и ставшей невольным очевидцем и свидетелем трех исторических эпох и жителем трех стран (первые десять лет — жизнь в Латвии, далее депортация и жизнь с семьей в сибирской ссылке с последующим возвращением в Ригу в конце 1950-х гг.; затем отъезд в начале 1970-х гг. в Израиль). Ее повествование примечательно тем, что здесь есть очевидные пересечения ее судьбы с судьбой моей мамы (из места прежнего проживания ее в составе семьи депортируют летом 1941 г. в Нарымский край; семья разведена, поскольку отца отправили в ВятЛАГ; по прибытии в край семью размещают в одном из поселков Парабельского района; два года спустя на воссоединение с семьей приезжает «активированный» по состоянию здоровья из лагеря отец; в 1944 г. семье удается перебраться в райцентр, с. Парабель; Ривка учится в Парабельской школе, с прекрасными результатами заканчивает десятилетку, далее сталкивается с рядом трудностей, но все же через несколько лет поступает в Колпашевское педучилище; получив профессию учителя физики и математики; работает некоторое время по распределению в с. Вороново

Кожевниковского района Томской области, далее — переезд с семьей в Томск, а после снятия с учета спецпоселения — возвращение в Ригу).

Разница между моей мамой и Ривкой, безусловно, есть: этническая принадлежность, разная социально-поселенческая среда до высылки (сибирское село и европейский город, крестьянский и буржуазный образы жизни); жизненные траектории после снятия ссыльного статуса (в одном случае остались в местах ссылки, в другом — возвращение в родной город, а затем и отъезд в Израиль). В то же время есть очевидные пересечения по статусу, месту и времени: обе имели «неправовой» статус; со сдвигом примерно в восемь лет учились в одной парабельской школе; после ее окончания с тем же примерно сдвигом во времени учились в одном и том же Колпашевском педучилище с разницей только в специализации; перенесенные легочные заболевания (туберкулез). Сказанное в известной мере позволяет провести на примере индивидуальных (и семейных, безусловно) судеб локальное сравнение в сходстве и различиях ссыльных крестьян и этнических ссыльных в рамках одной — сталинской — эпохи.

Мы можем с определенной степенью допущения на примере двух женских судеб, связанных действиями обстоятельств времени, места и профессионального самоопределения поставить вопрос о сходных чертах и различиях для двух депортационных волн (1931 и 1941 гг.) в условиях высылки и ссылки, об адаптации к режимным условиям спецпоселения, о механизмах социализации (или ресоциализации) в пределах двух возрастных когорт (детство — юношество) и возможностях социально-профессиональных статусных сдвигов в молодости.

Депортации в пределах 10-летнего цикла, безусловно, организационно и технологически «заматерели» и действительно приобрели завершенные институциональные характеристики. В то же время сохранялись и воспроизводились те матрицы репрессивных действий, которые были запущены в начале 1930-х гг., не особенно изменяясь в начале 1940-х. По устным и запечатленным свидетельствам можно судить о типичных чертах репрессий, вызывавших травматический шок слома прежнего уклада и условий жизни. Семья моей мамы была на момент событий весны 1931 г. территориально разделена: бабушка с двумя детьми жила на мельнице, откуда их и выслали; дедушка с двумя другими детьми (в том числе с моей мамой) обосновался в г. Новосибирске, где работал в Затоне на строительстве барж.

Дедушка подлежал аресту как «беглый кулак», что произошло достаточно оперативно. Пришедшие конвоиры не особенно счита-

лись с тем, что с его арестом остаются в критическом положении две маленькие девочки (7 и 8 лет). По воспоминаниям мамы, они были настолько дезориентированы происшедшим, что в течение некоторого времени, пока кто-то сообщил о несчастье родственникам, жившим в Новосибирске, утварь, одежда, постельное белье т. д. буквально «расползалось»: приходившие соседи не проявляли особенного участия, а действовали вполне прагматично — за разное съестное, сладости, некоторые игрушки они таким образом вынесли из барачной комнаты все мало-мальски ценное, что могло бы пригодиться в ссылке.

Через некоторое время, когда родственникам удалось по своим каналам узнать, в какую комендатуру поместили бабушку с другими детьми, маму и тетю отправили под присмотром взрослых в пос. Белка Парабельской райкомендатуры, где основная часть семьи и воссоединилась к осени 1931 г. Родственники привезли с собой немного еды и часть тех вещей, которые могли собрать из своих скудных запасов. А дальше начиналась жизнь на выживание, причем в основном не за счет пайков по нормам иждивенцев (бабушка не могла работать, имея на руках детей от 4 до 8 лет): по воспоминаниям мамы, моих дяди и тети, их спасал «подножный корм» (то, что можно было собрать вокруг поселка, в лесу), а также выпрашивание хоть чего-нибудь съестного где только и у кого только было можно. Главная же проблема — отсутствие в первый год существования любого спецпоселка в тайге сколько-нибудь приемлемого жилья. Вначале селились в шалашах, осенью к зиме рыли землянки, и только с весны следующего года начинали строить бараки с нарами. Поэтому от года до двух крестьянская ссылка начала 1930-х гг. массово переживала «земляночно-барачный» период.

При всем драматизме событий этноссылка начала 1940-х гг. проходила в несколько иных условиях. Ссылные из Латвии, равно как и депортированные из Поволжья немцы, расселялись (или, точнее, распределялись) по действовавшим населенным пунктам, а не в режиме «нулевого таежного» цикла. Высылка предусматривала разрешение для перевоза с собой имущества, утвари и т. д. в больших количествах, нежели это допускалось для ссылных крестьян десятилетиями ранее, в том числе того, что сибирская деревня особенно и не видела (ткани, костюмы, обувь и т. д.). Ривка с семьей (мама и брат; отец был отделен от семьи в Кирове и оказался в Вятлаг) попала в небольшую деревню Малые Бугры, в 4 км от райцентра в с. Парабель. Семью разместили в избе колхозников, где, помимо хозяев, уже несколько лет жила переселенческая семья из четырех человек. Таким образом,

в небольшой избе из одной большой комнаты, в различных ее углах, разместилось три семьи. Впрочем, в центре имелась большая русская печь — как для обогрева, так и для приготовления пищи.

В один из первых вечеров знакомиться с новыми «невольными» сибиряками собралось несколько семей, живших по соседству. Вначале они выслушали рассказ матери Ривки об их жизни в Риге до высылки (владение небольшим магазином, своим домом и т. д.). Далее Ривка пишет: «Присутствовавшие были ошеломлены описанием нашей прошлой жизни. Затем один из мужчин, на вид более интеллигентный, чем другие, начал свой рассказ.

— Вам повезло, — сказал он, к изумлению мамы. — Вас привезли на обжитое место. Мы тоже ссыльные. Десять лет назад нас привезли прямо в тайгу, в снег — дело было зимой, вы еще увидите, что такое сибирская зима. Ни дома, ни колодца — ничего. Мы долбили мерзлую землю, строили землянки, сверху покрывали их ветвями и поверх веток — снегом. Так прожили первую зиму. Все дети и старики умерли, не выдержали...

— Как же вам удалось построить здесь дома?

— Пришли начальники, спросили, согласны ли мы основать колхоз. Мы, понятно, сказали „да“, выхода-то другого не было. С весны власти начали помогать нам в устройстве. Разрешили рубить лес и строить дома. Привезли инвентарь для работы в поле, скотину. Когда колхоз встал на ноги, его обязали рассчитаться с государством за оказанную помощь.

Мама была ошеломлена. Мне тоже трудно было переварить услышанное» [5, с. 48–49].

Описанный в книге первоначальный контакт носителей двух ссыльных волн, скорее всего, отражает типичную ситуацию: некоторый взаимный интерес и сочувствие друг другу как собратьям по несчастью. Впоследствии наступила серая, объединявшая все категории ссыльных повседневность выживания, где стирались грани между ними. Ривка, впрочем, отметила, что их статус «ссыльнопоселенцев» был отличен от статуса крестьян-«спецпоселенцев», которых коренное население называло коротким словом «спецы» [5, с. 52]. Глава о буднях названа ею емко и выразительно: «Главная цель — выживании» [5, с. 53–61]. Ресурсом выживания становились привезенные с собой вещи: «Мой вклад в наше существование выражался в том, что мои платья и туфли составляли значительную часть среди вещей, обмениваемых на картошку и муку ...Я не сожалела о своих постепенно исчезающих вещах. Всегда хотела „быть как все“, не бросать»

ся в глаза. Сразу же стала ходить босиком, как все дети поселка» [5, с. 55). Ссылных из Латвии женщин объединили в одну бригаду, где мама Ривки оказалась единственной еврейкой среди латышек. Ривка зафиксировала важный поведенческий штрих: «Сводки с фронтов были мрачными. На фоне сообщений об отступлении Красной армии отношение латышек к маме ухудшилось. Они были уверены, что Советский Союз вот-вот потерпит поражение... и говорили маме: „Скоро мы вернемся домой и закончим наши счета с евреями!“»

Некоторые из них начали „пировать“ в расчете на скорое возвращение, покупать дорогие продукты – сметану, яйца, мясо: „Незачем экономить, скоро вернемся в Ригу!“ Их планы, разумеется, не осуществились, и тех, которые все растратили за это лето, постигла горькая судьба» [5, с. 56].

Один из бытовых и одновременно драматических моментов был связан с тем, что в 1942 г. Ривка тяжело заболела и буквально угасала, это была начальная стадия туберкулеза легких. Соседка посоветовала ее маме продать один из костюмов мужа, на что та ответила: «Что скажет мой муж, когда вернется и увидит, что я продала его костюмы?» На это соседка резонно ответила: «Ваш муж в первую очередь спросит вас о том, где его дети, а не о том, где его костюмы». Благодаря продаже одного из костюмов отца и купленным на эти деньги продуктам Ривка постепенно выздоровела и смогла пойти с началом учебного года в школу [5, с. 61]. Летом 1943 г. к семье вернулся «активированный» из ВятЛАГа отец, на восстановление здоровья которого ушли средства от других проданных костюмов. Воссоединенной семье затем удалось перебраться в райцентр, с. Парабель, где Ривка и ее брат Иосиф с большими трудами и хлопотами (поскольку они оказались «переростками») сумели продолжить обучение в местной десятилетней школе и окончить ее с прекрасными результатами.

Теперь отступим примерно на 10 лет назад. После воссоединения семьи Левыкиных (мой дед вернулся из СибЛАГа для воссоединения с семьей) его некоторое время спустя откомандировали из спецпоселка в с. Парабель, где разворачивалось большое строительство и требовались плотники-профессионалы. Появилась возможность, не имея официального разрешения, семье перебраться туда же. В сущности, это был отрезок жизни на нелегальном положении (на окраинах райцентра рылись те же землянки, где ютились семьи, явно с ухудшением прежних жилищных условий, но с некоторыми шансами закрепиться в административном центре). Землянки эти периодически подлежали сносу, а семьи возвращали в спецпоселки, но про-

цесс выживания в этом направлении уже был необратимым. Моя мама с сестрой в этих условиях оказалась «в няньках». Их приютила семья одного из политических ссыльных, который работал в управленческих органах, но обеспечивался и жильем и приличным содержанием. Несколько лет мама прожила в этой семье, пока главу семьи не выслали подальше. Но этот отрезок времени позволил маме выжить (помимо занятий в школе, она помогала по хозяйству и присматривала за маленькими детьми в этой семье). Мама училась хорошо, что и дало ей затем шанс на учебу в педучилище. Однако глубокая психологическая травма неполноправности и дискриминированного состояния сопровождала ее. По ее воспоминаниям она старалась практически не выходить на переменах из класса, поскольку одежда и обувь были в очень плачевном состоянии. С ее слов подтверждается то место из воспоминаний Ривки, где она пишет, что ссыльных крестьян пренебрежительно именовали «спецами», перенося это и на детей. Различным было и отношение учителей к детям ссыльных, но формировалось отношение к учительской профессии за счет тех, кто поддерживал у детей «спецов» стимулы к тому, чтобы учиться и затем самим учить других.

И здесь мы сталкиваемся с жизненной развилкой: учеба в Колпашевском педучилище была для мамы средством получить более высокий социально-профессиональный статус, но при этом остаться в Нарымском крае, чтобы не порывать с семьей, а поддержать родителей (после смерти бабушки моя бабушка жила в нашей семье до своей кончины). Ривка же, напротив, рассматривала учебу в том же училище как возможность получить профессию, чтобы вырваться из режимного, надзорного состояния и покинуть Нарымский край (через учебу в Колпашево, затем работу в Томске и переезд в Ригу).

Травматизм прошлого довлел над поколением «детей ссылки» (здесь вполне уместно такое определение на фоне уже широко вошедшего в современный лексикон словосочетания «дети войны») на протяжении всей жизни. Ривка вспоминает, что ее подруга по ссылке в Парабели, Ася Рожанская, также затем уехавшая в Израиль, при встрече там сказала, что она не рассказывает израильтянам о своем сибирском прошлом: «Вначале она пыталась, но натолкнулась на непробиваемую стену непонимания и недоверия и отказалась от новых попыток. „Оставь, они, вольняшки, не поймут“, — говорила она, и эти слова стали постоянным лейтмотивом в наших разговорах» [5, с. 72]. Здесь, безусловно, имеют решающее значение послессылная среда проживания, социальное окружение. Нарымский край, ко-

торый для нескольких, как минимум двух, поколений стал режимной территорией спецпоселений и где перемешивались потоки социальных (крестьянских) и этнических депортаций 1930-х — начала 1950-х гг., оставшимися здесь «детьми ссылки» воспринимался как некоторая данность. Во многих населенных пунктах, включая со временем и районные центры Томской области, «спецы» перемешались с местным коренным сибирским населением, и это к концу сталинской эпохи стало обыденностью. Не говорили об этом в силу простой реальности («и так все ясно»). В Парабельском районе, о котором шла речь, «основными кадрами» работников леспромхозов, от вальщиков леса и механизаторов до специалистов (бухгалтеров, строителей и т. д.) являлись бывшие ссыльные и их дети. Рыбозаготовка осуществлялась силами не только местных жителей, но и в немалой степени ссыльных немцев, адаптировавшихся к ранее непривычной для себя профессии.

Представляется важным отметить, что уже в последние позднесталинские годы в режимной политике власти в отношении ссыльных различных категорий и их детей проступали черты прагматизма: постепенно ослаблялись всевозможные дискриминационные ограничения, и уже даже не столько режимные службы, сколько хозяйственные органы проявляли заинтересованность в том, чтобы «ценные» кадры оставались в регионе. У этнодепортантов, безусловно, сохранялась сильная мотивация к возвращению в места прежнего проживания. Что же касается крестьян и их детей, то их возвращение на «малую родину» представлялось многим как очередная возможная психологическая драма, которую не хотелось переживать заново. Сравнение механизмов, технологий и результатов адаптационных практик применительно к потокам социальной/крестьянской и этнической ссылок, безусловно, необходимо, и данная научная и социально-познавательная задача сохраняет актуальность; в то же время она не должна превращаться в сравнение «плохого с ужасным» применительно в различным учетным категориям ссыльных, коих к концу сталинской эпохи насчитывалось более тридцати. Специфика и различия касались лишь практик выживания депортантов.

Литература

1. Алексанян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. Ереван, 2007. 408 с.
2. Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар. Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ, 2015. 244 с.
3. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003.

4. Путь в один конец. Дневник Д. Бергмана. 1941–1942. М.: Индивидуум Паблишинг, 2016. 131 с.
5. Рабинович Р. Сквозь три строя: пер. с иврита. Изд. 2-е. М.: Муза творчества, 2015. 520 с.

S. A. Krasilnikov

Two exiles in one

Novosibirsk State University, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. In the modern historiography of post-revolutionary state repression, the emerging trend in the study of social and ethnic deportations is noticeable. Along with the analytical work of historians studying the formation and evolution of the system of special settlements, the corpus of documentary and narrative sources, the publication of which the researchers carry out in the post-Soviet period, is of great importance. At the same time, the tradition of family memories that has not disappeared retains its potential. This publication is the author's reaction to the memoirs of an ethnographer, released from Riga on the eve of the war in the Narym region, which was a center of peasant exile since the early 1930s. Memories of the family members of the author make it possible to compare a comparable — some aspects of the repressive everyday life of exiled two waves of deportations. **Keywords:** *repressive policy, peasant and ethnic deportations, Narym territory, family memories.*

Харатян Грануш Сергеевна

Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей памяти (на примере Геноцида армян)¹

Институт археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье рассматриваются степень и формы семейной и социальной памяти о событиях армянского Геноцида у выживших и потомков жертв в закрытых обществах СССР и Турции через устные истории. Анализируются формы передачи знаний и переживания и/или вынужденное молчание о пережитом в государствах, где официально запрещались «помнить» резню армян. После 20-х гг. XX в. в обоих модернизирующих государствах — СССР и Турции — передача информации, интерпретация событий стали монопольным правом правящих партий, а практика переконструирования истории прошлого или конструирования национальной истории стала важной составляющей политики и контролировалась первыми лицами стран — Иосифом Сталиным и Мостафой Кемалем. В силу дружеских отношений между двумя государствами существовал консенсус относительно вопроса Геноцида армян: умалчивался сам факт Геноцида, имело место простое «выталкивание» его из историографии, а по отношению к выжившим армянам в Турции и к беженцам в СССР практиковалась политика «приказано забыть». Тема Геноцида стала объектом политики с задачей подавления памяти через репрессии по отношению к «помнившим». В СССР за-

¹ Статья написана в рамках проекта 15РГ-27.

прещалась эмоциональная демонстрация горя внутри микромиров беженцев, глубокая травма и горе людей была загнана в личную память и передавалась следующим поколениям втайне. Каждая семья становилась обладателем тайной памяти собственного случая. Материалы устных историй показывают, что если «приказано забыть», то память о «тайных собственных случаях» сакрализуется и сохраняет мельчайшие детали случившегося даже в третьем поколении. В Турции же выжившие от физического истребления дети-сироты так и не знали, что случилось с их родными, а взрослые единичные армяне в провинциях, скрывающие свое физическое присутствие в труднодоступных горных селениях либо исламизированные в тюркоговорящих, арабговорящих и курдоговорящих средах, даже не знали масштабов случившегося из-за опасности враждебной среды сами себе запретили говорить, помнить и передавать «запрещенное знание» о своем личном случае. «Запрещенное поле» быстро наполнилось официально внедренным «знанием» об «опасных врагах-армянах», ставшим социальным орудием против армян. **Ключевые слова:** *Геноцид армян, подавление памяти, наказуемая память, стратегия молчания, политика формирования коллективной памяти.*

Тема Геноцида армян была практически запрещена с 1926 г., когда дату памяти жертв Геноцида — 24 апреля — запретили указывать в календарях Армянской апостольской церкви. Сама тема и даже упоминание об армянской резне до 1965 г. были закрыты не только в политических, научных, публицистических обсуждениях, но также в устной риторике и даже в «устной памяти». Эта тема отсутствует и в художественной литературе, а в период Большого террора небольшое количество опубликованных до этого трудов, в которых так или иначе затрагивалась память Геноцида, было запрещено и изъято из оборота¹. В Советской Армении даже не смели говорить об этом. «Даже не смели говорить» — это не образное выражение, а вполне определенный запрет. Говорить, вспоминать, напоминать о Геноциде армян было запрещено по меньшей мере до 1965 г., хотя, насколько мне известно, никакого документа, непосредственно запрещающего это, не было; по крайней мере, такой документированный приказ сих пор не обнаружен. Однако официальная печать ясно давала понять, что упоминание о Геноциде — это националистический акт и политическое диссидентство; использование наименований «турок», «Турция» было возможно только со значением «брат», «друг», «союзник». Даже в политических обвинениях в «турконенавистничестве» или «антитурецком национализме» избегали использовать термины, приня-

¹ Гурген Маари. Детство. Юность. На пороге молодости; Ваан Тотовенц. Жизнь на старой римской дороге; и др.

тые для обозначения Геноцида армян — «егерн» (катастрофа), «резня», «армянские погромы» (термин «геноцид» еще не вошел в оборот в мире, он начал использоваться с конца 40-х гг.). Писатель Р. Кочар, выступавший 7 августа 1935 г. на собрании партийной организации Союза писателей, видел проявления национализма среди армянских писателей даже в том, что некоторые уцелевшие во время резни писатели давали своим детям имена, обозначающие топонимы потерянной родины, но избегал произносить слова «погромы», «резня», «родина». Например, Вагаршак Норенц, выходец из Сасуна (армянской области, оставшейся на территории Турции), в 12-летнем возрасте спасшийся от Геноцида 1915 г., является «националистом», потому что его сына зовут Сасун. В. Норенц и герой рассказа А. Бакунца «Абрикосовая свирель», желающий вернуться в Сасун, напоминают друг друга (оба — преступники, так как героизируют желающих вернуться на родину, в Сасун) [2, л. 13–16, с. 104–106]. В статье под заголовком «Дашнакский подонок», напечатанной 31 декабря 1936 г. в издававшейся в Советской Армении газете «Гракан терт» («Литературная газета»), острой критике подвергся переживший все ужасы Геноцида западноармянский писатель родом из Харберда В. Тотовенц: в его изданной в 1933 г. автобиографической книге «Жизнь на старой римской дороге» есть некоторые воспоминания о том, что произошло с его семьей во время Геноцида. Книга, конечно, была изъята из продажи, библиотек и даже из частных библиотек (человек, хранящий дома эту книгу, мог быть обвинен в «контрреволюционности», «антисоветизме»), а автор был арестован в августе 1936 г. В статье газеты «Гракан терт» от 31 декабря 1936 г. кроткий, романтичный В. Тотовенц назван «правым троцкистом», «членом террористической группировки», «националистом», «шовинистом», «расистом», «фашистом», «адъютантом Андраника», «хмбапетом» (командир военизированного отряда). По мнению автора статьи, «зоологический национализм» «разоблаченного троцкиста-националиста, контрреволюционера», «литературного халтурщика» Ваана Тотовенца проявился в «литературном выкидыше» «Жизнь на старой римской дороге», где он «искажает реальные классовые отношения прошлого... описывая межнациональные взаимоотношения с позиций ярого националиста, для которого не существует классовая борьба, армянские и турецкие трудящиеся, а есть только армяне и турки». Резня армян здесь обозначена словосочетанием «межнациональные взаимоотношения», формулировкой «классовая борьба», причем те, кто осуществлял резню, — турки — причислены к представителям угнетенного класса, который

в рамках классовой борьбы уничтожает угнетающих его армянских помещиков. Конечно, нет никакого намека на решения турецких властей о депортации и резне армян, о вовлеченности армии и жандармерии в армянские погромы, а также о том, почему и каким образом в Османской империи все армянское население было угнетающим классом для угнетенного турецкого класса и почему этот угнетенный класс уничтожал исключительно армян, в том числе и армянских детей. «Был адъютантом Андраника» и «хмбапетом» — эти слова автоматически «превращали» Тотовенца в антибольшевика. Андраник Озаян был генералом царской армии, а значит, «антибольшевиком» и человеком, возглавившим самооборону армян во время резни, т. е. «антитурецким», а значит, «антисоветским». Андраник Озаян к тому времени уже умер, но угроза связанных с его именем знакомств в прошлом висела над головами многих людей в Советской Армении. Многочисленные армяне, спасшиеся от Геноцида в Западной Армении, находящейся на территории Турции, в том числе тысячи детей, осиротевших после убийства родителей, благодаря помощи Андраника имели возможность перейти на Кавказ. Сейчас они со своей негативной памятью о Турции и с прошлым, в котором был факт «знакомства с Андраником», согласно репрессивной логике СССР, рассматривались как потенциальные враги. В Западной Армении, граничащей с Советской Арменией, на востоке Турции, продолжались курдские восстания, и уцелевших на этих территориях и перешедших на Кавказ армян в СССР подозревали также в сотрудничестве с курдами. По подозрению в этом сотрудничестве в 1936–1937 гг. многие армяне и курды были депортированы из Закавказья. Проблема осложнялась тем, что у западноармянских беженцев из Турции еще сохранялась надежда вернуться на родину или по меньшей мере память и тоска по ней. В СССР делалось всё для отрицания представления о родине у этих людей. Например, в 1920-х гг. армян, переселившихся из Турции в СССР с 1925 г., называли «репатриантами», т. е. вернувшимися на родину, хотя они бежали или в лучшем случае переселились со своей родины — как этнической, так и гражданской. Проблема представлялась так, будто эти люди вернулись на родину. Трансформировалось социальное восприятие родины.

В газете «Гракан терт» в номере от 10 марта 1937 г. была напечатана статья под заглавием «Приемный сын националистов-подонков». В ней один из спасшихся от Геноцида армянских писателей — Р. Кочар — критиковал другого спасшегося молодого поэта, Х. Даштенца, за его опубликованный в 1936 г. сборник стихов «Пламя». Опреде-

ление «националисты-подонки» относилось к писателям Е. Чаренцу, А. Бакунцу, Г. Маари, В. Алазану и В. Норенцу. Четверо из них — Е. Чаренц, Г. Маари, В. Алазан и В. Норенц — также были из числа потерявших родину и уцелевших во время Геноцида писателей. Именно их «приемным сыном» и являлся, по мнению автора статьи, Х. Даштенц, чей сборник стихов — «троцкистско-националистический литературный выкидыш». «В сборнике доходит до наглости контрреволюционное, бакунцевское отрицательное отношение к северной (русской — Г.Х.) культуре, для противопоставления которой он на той же странице восхваляет Арагац и Арарат, тени которых являются флагом для младонационалиста». Главной виной молодого писателя было упоминание горы Арарат, оставшейся на территории Турции. Если человек упоминает о связи с потерянной родиной, значит, он претендует на эту родину (политическим обвинением было то, что человек считает родину потерянной, это рассматривалось как непризнание СССР своей родиной). В то же время, если человек претендовал на родину или тосковал по ее ценностям, это считалось отрицанием «северной» — русской — культуры (двойное политическое обвинение).

Подобных примеров можно привести множество. Подвергшиеся обвинениям все перечисленные писатели, конечно, были арестованы НКВД, многие расстреляны, другие осуждены на десять-двадцать лет в ГУЛАГе.

Замалчивание совсем еще недавних ужасных событий продолжалось также другими средствами. Например, в советских энциклопедиях, в том числе в трех изданиях БСЭ (1926–1947; 1949–1958; 1969–1978) и в энциклопедии Советской Армении о выдающихся армянах из числа спасшихся от Геноцида писалось: родился в таком-то году, в таком-то городе (селе) Турции, «переехал в Армению». О причине «переезда», то есть о Геноциде и вынужденном бегстве, ни слова. Такая же картина в энциклопедиях Советской Армении или в других справочниках. Так, писатель Ваграм Алазан, согласно изданной в 1974 г. Армянской советской энциклопедии, родился в городе Ване (страна не указывается) в 1903 г. и в 1914 г. эмигрировал в Ереван, попал в приют для сирот (т. 1, с. 134). Почему 11-летний ребенок эмигрировал, почему попал в сиротский приют — об этом ни слова. Кстати, даже в многочисленных следственных делах репрессированных писателей и вообще западных армян чекисты обычно писали: «родился в Турции в таком-то году, местожительство — АрмССР», город или село. Порядок не менялся, даже если против подследственного выдвигалось какое-то «турецкое» обвинение, например: «Антаносян Пилос

Хачатурович, год рождения — 1892, место рождения: с. Алиджакрак, Басенский р-н, Эрзрумский вилайет, Турция, место жительства: г. Горис, ул. Маркса, 18, АрмССР, армянин, дата ареста: 23.10.1937, категория учета — „будучи в Турции, участвовал в армяно-турецкой резне...“ [3]. Что значит для родившегося в 1892 г. в Турции, «будучи в Турции, участвовать в армяно-турецкой резне», как будто он откуда-то поехал в Турцию участвовать в какой-то мифической «армяно-турецкой резне», неизвестно когда и неизвестно где случившейся? Любкой не знающий контекста человек, конечно, подумает, что он, будучи армянином, резал турок, раз грубый, неприкрытый, чудовищный по форме и содержанию Геноцид армян, организованный младотурками с участием регулярной армии, жандармерии и административных лиц, сформулирован просто как «армяно-турецкая резня». Формулировка «армяно-турецкая резня» — конечно же, большевистская политическая ложь, еще бóльшая ложь — «участие» в несуществующей «армяно-турецкой резне». Советский Главлит и советский административно-чекистский язык на советском пространстве вытеснили словообороты «армянские погромы», «армянская резня» и собственно тему Геноцида армян.

Однако вытеснение из официальной — политической, юридической, административной и художественно-публицистической — риторики и социальной памяти армян в СССР, в том числе в Советской Армении, темы резни армян и даже политизация просачивания в социум этой памяти до уровня преступления не удовлетворяли власти. Задача была поставлена шире — запретить память до уровня переживших трагедию и выживших индивидуумов и семей. Забыть «личный случай», «семейный случай», свидетелем которого оказался конкретный член или члены семьи, «случай/факт с родственниками, с односельчанами». Запретить помнить — конечно, задача сложнее, но запретить говорить, передавать личную/семейную память и следить за ее социальным распространением оказалось достижимой целью. Чекистская агентурная сеть зорко следила и доносила, в какой день, в какой семье, кто именно и кому слезно рассказывал о мученической гибели своих родителей (детей, сестер, других родных, односельчан...), кто из своих родных остался «в стране» (армянские беженцы из Западной Армении под словом «страна-„Էրզրում“» подразумевали исключительно покинутую родину — Западную Армению) в плену у курдов или турок, или бесследно исчез, кто и как «в стране» боролся за жизнь армян или даже за собственную жизнь и честь своих родных, или, не дай бог, забыв об опасности,

грозящей от чекистов, спел грустную песню о тоске по родине или о героических защитниках-фидаинах. Таких людей следственные органы «привлекали» и наказывали. Даже эмоциональное упоминание о родине-«стране» считалось «дашнакизмом» – симпатией, если не членством в запрещенной националистической партии «Дашнакцютюн». В 1934 г. на уровне ЦК обсуждался вопрос о запрете «дашнакских» народных песен «Ласточка» и «Журавль» [4, л. 2 об.], «подозреваемых» большевиками в выражении тоски армян по Западной Армении – части родины. В песне «Ласточка» поющий просит ласточку «направить свой полет в край родимый», а «Крунк» («Журавль») символизирует героя, мечтающего поскорее вернуться домой и свить гнездо на родной земле. Самая известная и любимая в Армении песня – о журавле «Канче крунк» («Зов журавля») в обработке армянского композитора Комитаса. В этой песне нет заветной мечты о возвращении домой, а звучит тоскливый вопрос-просьба «Крунк, из стран родных нет ли (у тебя) вестей?» Подозреваемых в «тоске по родине» обычно наказывали ссылками, в 1937–1938 гг. – также расстрелом. Люди перестали говорить. Спустя десятилетия Погос Григорян будет писать о беженцах из области Сасун Западной Армении, живущих в селе Ахагчи в Таллине: «...В жестокие годы большевистского режима жили в страхе и ужасе, закрыв рты на замок, стали молчаливыми, спали в хлеву, делились своим страданием, заботами и болью больше со скотом, тягловыми быками, чем с членами семьи и соседями» [5, с. 44].

С конца 1920-х гг. шла настоящая охота за простыми людьми, крестьянами, кто так или иначе уличался в «памяти родины» по отношению к Западной Армении. Особенно выискивались выжившие участники самообороны армян, так называемые фидайны. До сих пор в Талинском районе рассказывают, что в 1927–1928 гг. чекисты не покидали поселения, в которых проживали турко-армяне – западноармянские беженцы: «...Всех западных армян, всех мужчин, которые сражались против турок, считали дашнаками, в первую очередь фидайнов. В советские годы, например, западные армяне не имели права говорить, откуда они пришли (т. е. что они родом из Западной Армении и что бежали оттуда в годы Геноцида. – Г. Х.); тех, кто говорил об этом, ссылали за то, что они якобы были дашнаками, и все дашнаки были названы коротко – „контра“. Советский Союз считал их опасными... Даже в наших домах были запрещены наши песни, нельзя было петь, некоторые шли и доносили, и за это людей отправляли в ссылку» [6].

Выжившие организаторы самообороны армян, подвергшихся в 1915–1916 гг. резне на территории Западной Армении, находились под прицелом в первую очередь у ЧК, затем у ГПУ, НКВД. Судя по архивным материалам, за ними тайно следили по меньшей мере с 1924 г. Во всяком случае, в делах, составленных ЧК/ГПУ, агентурные сведения о многих из них начинаются с этого года. Так, в деле беженца из села Кабабик провинции Ван, живущего в селе Джанфида Советской Армении Бабе Саргсяна есть агентурные сведения, датированные 15.10.1924, 24.10.1925, 15.08.1926, 01.09.1926, 15.05.1935, 01.10.1935, 23.06.1935, 15.07.1936 [7]. Это в действительности ни о чем не говорящие «сведения» (встретился с незнакомым человеком; ведет себя подозрительно; беседовал с дашнаками...). В 1927 г. Бабе арестовали как «члена партии Дашнакцутюн», но после пяти месяцев содержания в тюрьме освободили. Вновь он был арестован в 1929 г. по тому же обвинению, сослан, вернулся из ссылки в 1932 г. В октябре 1937 г. Бабе арестовали в третий раз. На допросе он дал «признательные показания», согласно которым он в составе отряда Андраника «участвовал в боях против турок» и в погромах населения турецких сел. По всей вероятности, «признание» Бабе касалось его участия в самооборонительных боях армян. Текст написан на русском языке, которым он не владел, подпись его. В тот же день, 3 ноября, было составлено обвинительное заключение: «Ярый враг советской власти. Не признался. Разоблачен данными агентов и показаниями свидетелей». Имеются показания трех свидетелей, которые «слышали», что Бабе Саргсян «огранил турецкое село». Нет никаких вопросов о достоверности факта ограбления, о двух убитых братьях Бабе, о бегстве из Вана, о том, как он защищал беженцев от нападений курдов и оказывал им помощь, о добровольном участии в Сардарапатской битве против регулярной турецкой армии, в 1918 г. почти дошедшей до Еревана, и др. Об этом до сих пор рассказывают благодарные Бабе за помощь его односельчане, с которыми наша группа беседовала в июле 2015 г. Аудиозаписи и тексты этих бесед хранятся в архиве Института археологии и этнографии и в личном архиве автора этой статьи. Пятого ноября на заседании «тройки» было принято решение расстрелять Бабе Саргсяна, отца пятерых детей, а принадлежащее лично ему имущество конфисковать.

Подобного рода материалов множество. До сих пор поколение уцелевших во время Геноцида армян помнит, что все мужчины, участвовавшие в самообороне армян, оказывавшие ей помощь, считались «ярыми врагами Советского Союза», «бандитами» и преследова-

лись как «бандиты». «...Любой мужчина, который стрелял из оружия, скажем, был солдатом Чауша [8], этот [человек] считался врагом большевиков. Бывший фидаин стал на этой земле бандитом, после того как он пришел сюда, его стали называть бандитом... Советский Союз считал их опасными. Они не боролись против Советского Союза, но Советский Союз [боролся] с ними... Многих убили, еще больше — выгнали из домов и отправили в ссылку» [9].

Исраел Исраелян, который в 1915–1916 гг. обходил горные деревни Битлиса, в буквальном смысле слова выкупая за деньги спрятанных в курдских деревнях армянских сирот и переправляя их на Кавказ, тоже был объявлен «ярим врагом Советского Союза». Его ожидала бы такая же судьба, если бы его вместе с другом — таким же беженцем — просто не убили как «бандитов» около деревни Иринд Талинского района Советской Армении. Его внуки Спартак Петросян и Марат Исраелян, живущие в городе Талине и в селе Катнахбюр, рассказывают: «Не разрешили даже похоронить на деревенском кладбище. Похоронены прямо на месте убийства. Его дети прожили очень тяжелую жизнь, до своей смерти молчали от страха. Пятерых детей вышвырнули из дома на улицу, все, что было в доме — посуду, постель, конфисковали. У сына моего деда, Сархата, до самой смерти сохранился страх, могли ничего ему не давать за работу в колхозе, он от страха молчал. Э-э... вся Армения боялась, то есть весь Советский Союз боялся» [10]. Та же самая история в случае с Зорграбом Гаспаровичем Мамиконяном. Его родную деревню Арарат в Муше турецкие власти сожгли дотла, сожгли заживо и его родителей, жену и пятилетнего сына. Он имел несчастье быть конюхом у Андраника. Расстрелян в 1937 г. как «бандит, сражавшийся против турок».

Сукиас Закарян из села Айкаван в Шираке рассказывает: «...В нашем селе все турецкие армяне... по меньшей мере двадцать — двадцать пять домов, были сосланы. Потом высылали целыми улицами, целыми семьями, а потом стали людей арестовывать по отдельности... Про одного оформили так, будто бы он говорил нехорошо про колхоз. Это была ложь. Никто не знал, что сделал этот человек... Что он сделал? Оттуда [из Западной Армении] переехал сюда, спасаясь бегством, пришли, схватили, увезли. Что здесь сделал этот человек? Что сделал он Советскому Союзу? Как следует и не успел увидеть Советский Союз, только что оказался в Советском Союзе...» [11].

Жители села Еразговорс Ширакской области — турецкие армяне, уцелевшие во время Геноцида и обосновавшиеся в Советской Арме-

нии. Еразговорс — село, находящееся на границе с Турцией. *«Из нашего села в те годы [в годы сталинского террора] пострадали около шестидесяти семей... трех братьев моего отца — Арама, Гарегина и Алексана — арестовали в 1937 г.... Скольких людей из нашего села увели и уничтожили... Просто убили, тела погрузили в грузовик, увезли и бросили в яму на границе. Место захоронения — граница, оно было закрыто, невозможно было увидеть. Потом яму залили бетоном, выровняли, следы стерли с лица земли...»* [12].

В селе Ашнак Талинского района обосновались беженцы из области Сасун Западной Армении. Санасар Ароян рассказывает, что «сверху» руководителям села приказывали давать сведения о «врагах народа»: *«Мартирисян Закар был председателем колхоза, он сказал: „Среди нас нет врагов“. Его увезли в Талин, прижали: „Раз не говоришь, значит, скрываешь врагов народа“. — „Послушайте, какие враги, нет никого, где мне взять среди них врагов“. Говорят — „убивали турок“... Тумасяна Ашота и его друга Манука арестовали, повели на допрос, говорят: „Кто в вашем селе враги народа?“ Говорит: „Сколько назвать?“ — „Чем больше, тем лучше“. Говорит: „Кто перешел Арпачай — Аракс, на эту сторону, все враги народа, арестуйте их и сошлите“. Берут и везут этого человека в Ереван, в исправительный дом... Да, я взял в руки оружие против врага моего народа, сражался, турки нас убивали, и я взял оружие, чтобы обороняться, я сам не напал, почему меня за это ссылают, обвиняют, я защищал свою семью, свою честь, жизнь своего ребенка, почему меня за это делают врагом народа?..»* [13].

Примечательно, что руководство страны, наказывающей за упоминание о резне армян, даже за произнесение словосочетания «Западная Армения», периодически в нужное для себя время и в нужной форме «вспоминало» резню армян. Так, когда возникла опасность войны между Германией и СССР, армянам «напомнили» об угрозе армянских погромов. В номере 35 газеты «Правда» 1941 г. «сообщалось»: «Армянский народ, как и все свободные и равноправные народы Советского Союза, воспринял нависшую над нашей страной смертельную опасность тем более глубоко, что он в своей многовековой истории не раз подвергался нападениям чужеземных насильников. Он знает, что такое резня, погромы, голод, насилие. Армянский народ не забыл физическое истребление армян, организованное предшественником кровавого Гитлера кайзером Вильгельмом в годы первой империалистической войны». То есть армянам было «поручено вспомнить», что их физическое уничтожение было спланиро-

вано кайзером Вильгельмом, но приказано «продолжать забывать» истину и никаким образом не вспоминать «турок» и «Турцию».

В действительности, однако, была укрощена только публичная память. Запрет на публичное выражение пережитого, отсутствие публичного сочувствия к трагедии людей и семей, к потерявшим родных и родину, сопротивление государственных органов СССР в предании этой трагедии гласности сделали для жертв Геноцида остро необходимым знание «случая» своей семьи, своего рода, своего города (села). Негласно была поставлена задача любой ценой передать эти знания следующим поколениям. В семьях беженцев, обосновавшихся в Советской Армении, знание о гибели родного села (города), о трагедии своей семьи и близких стали вопросом семейной и социальной чести и достоинства. Эмоциональное переживание, лишенное возможности публичного проявления, подробности «факта», «случая» в Советской Армении не становились нарративом, не становилось прошлым вплоть до развала СССР. В семьях второго-третьего поколения, носящего эту память, семейные истории «личного случая» или увиденное — «свидетельские знания» — еще рассказывались почти с документальной точностью и становились частью повседневности. Они передавались как «семейная тайна», и именно как «семейная тайна» становились чрезвычайно важными для памяти. Составлялись примитивные карты вынужденно покинутых поселений, на которых почеркивалось местонахождение своего дома, дерева, под которым был убит член семьи, поля, откуда «в тот день» родные не вернулись, «дом дружелюбного курда-соседа», где прятались подростки, и три-четыре поколения, как клятву, повторяли это и требовали от следующих поколений помнить. Помнить, что это их родина, их страна, их дом, рассказывали подробности, касающиеся дня, места и способа убийства родителей, деда, бабушки, сестры, брата, детей... (сожгли в тондире, в церкви, раскрошили голову маленького ребенка камнем, затерялись в лесу во время бегства, утонули, переплывая реку, умерли от голода, на том-то месте вырвали из рук и закололи штыками турецкие аскяры...), их именами называли детей, рождавшихся в следующих поколениях семьи, всегда рассказывая о событии, связанном с конкретным именем, вспоминали убийц и тех людей, кто помогал во время бегства [14]. С той же последовательностью тайно рассказывалось о людях, участвовавших в самообороне армян, объявленных в СССР и Турции «бандитами», описывалась их внешность, отношение к ним доходило до уровня поклонения, мифологизировались их подвиги во время обороны; рисовали и передавали друг дру-

гу представления о них, часто их противопоставляли советским чекистам. Уже в 1950-е гг. так же подробно рассказывалось и передавалось следующим поколениям то, как власти СССР заставляли людей молчать. Вынужденное молчание и укрошенная память не только не превратились в отсутствие памяти, но еще более обострили и детализировали память — вплоть до цвета одежды, запаха сожженных волос, запекшейся крови, отрезанной головы, червоточивости лежащих на дороге трупов и, конечно, преследования аскаров и курдских разбойников. Армянские погромы 1988 г. в Сумгаите и 1990 г. в Баку, в СССР, взорвали наружный «клапан молчания» переживших Геноцид армян, и вырвавшаяся в открытое социальное пространство память о Геноциде фактически в определенной степени воодушевила движение армян 1988–1990 гг. [15].

В советской стране с закрытыми границами и закрытой информацией армяне не знали, остался ли кто-нибудь из их соотечественников в Турции, кто живет на их покинутой родине, что произошло с их соотечественниками, которые были насильно увезены, взяты в плен, в заложники или спрятались в горах. Частично об этом знали секретные службы СССР, и, как выясняется сейчас, посольство СССР в Турции в своих периодически посылаемых докладах иногда касалось и положения армян. Но это была «строго секретная» информация, до такой степени секретная, что была секретной даже для партийных властей Армении. Мы, советские армяне, практически только за последние 10–15 лет начинаем узнавать о том, что там, за кордоном, в провинциях остались армяне, что часть их (какая часть?) исламизирована (тюркизирована, арабизирована, курдизирована), узнавать об их скитаниях, адаптации к новым формам отверженности, о дерсимских погромах 1937–1938 гг., по форме и методам повторяющих армянскую резню, о резне дерсимских армян в те же годы, равно как и о процессах тюркизации в Турции XX в. других народов. Узнали, например, о ссылке примерно 30 000 армян в 1929 г. из Харберда, Диарбекира и Мардина в Алеппо, о чем американский консул сообщал своему правительству: «Такое впечатление, что турки решили любой ценой освободиться от всего христианского населения в провинции. Добравшиеся до Алеппо очень больны и истощены, рассказывают, что оставшихся в стране армян преследуют, арестовывают, ссылка считается удачей» [16, с. 15; 17, с. 15; 18]. Обращение армян к Англии за помощью закончилось ответом, что вмешательство будет «неприятно турецкому правительству... и для данного меньшинства могут быть плохие последствия». За помощью к СССР, в со-

став которого была включена Советская Армения через Зафедерацию, армяне, конечно, обращаться не могли. Сама Советская Армения не имела никаких прав не только помогать, но даже знать, что происходит в Турции по отношению к оставшимся там армянам. Это незнание, возможно, входило в «проект покорения и наказания памяти о Геноциде».

Собранные за последние годы полевые материалы показывают, что «память о случившемся» у армян в Турции претерпела свои метаморфозы. Остатки еще не опомнившихся от резни армян старались скрывать свое физическое присутствие в стране, где всеми возможными средствами продолжалось официальное нагнетание армянофобства. На территории Западной Армении, в восточных провинциях Турции, начались антиправительственные восстания курдского населения. Курды, старательно помогавшие властям в процессе уничтожения армян, были очень недовольны результатами реформирований в Турции после войны. В 1919–1920 гг. Мустафой Кемалем им была обещана по меньшей мере конфедерация, а формирование власти вообще обходило курдов. Жалобы курдских вождей заканчивались наказаниями. Начались серии курдских восстаний, и власти Турции сразу же объявили об армянском следе — армяне-де либо скрываются под видом курдов, либо понуждают «горских турок» — «наших братьев» — восстать против своих братьев-суннитов. Но армян как таковых не было, были одинокие люди или половинчатые семьи бывших армян, думающие, что они единственные выжившие из группы, которую еще совсем недавно называли армянами, и для выживания надо найти приемлемую форму менее опасной идентификации.

Наши полевые исследования и семейные биографии армян, рассказанные ими, показывают, что чаще всего спасшиеся от резни, скрывающиеся по труднодоступным горным поселениям одинокие армяне старались найти своих соплеменников и обосноваться там, где это было возможно. Это бывало возможно в основном либо в покинутых армянами горных поселениях, либо в заязычных алевитских поселениях — в Дерсиме, Малатии, Себастии и т. д. Бывали случаи также полной изоляции. Так произошло, например, с армянским аширетом Вардо, о существовании которого в горах Сасуна узнали только в 1960-х гг. Однако вскоре власти, конечно, узнавали об их физическом существовании в том или ином покинутом поселении и, если их оттуда не ссылали, то рядом заселяли курдов. «...Выжившим после резни армянам разрешали селиться либо в курдских селах, ли-

бо, если в каком-либо селе уже обосновались некоторые армяне, то туда заселяли курдские семьи. Об этом в наши детские годы не говорили, но мы все знали об этом», — рассказывают четверо братьев из села Бимер в Сасуне о своем детстве 50-х гг. [19].

Из нескольких десятков рассказов становится понятным, что власти старались собирать выживших армян в определенных кварталах провинциальных городов, где благодаря наличию жандармерии было легко проследить за ними.

Алексан Севакян, родившийся в 1909 г. в селе Хозат (ныне поселок городского типа) Дерсима (ныне — Тунджели) вспоминает: «Мустрафа Кемаль издал указ, что армяне не должны жить в селах, а только в городах. По указанию нашего сельского главы, любящего армян, мы остались в селе, но раз в месяц ездили в город, являлись для подтверждения того, что живем в городе. Так продолжалось до 1929 г., и однажды сельский глава нам сказал: „Вы должны отсюда уехать...“» [20]. В Харберде «...тем из выживших, кто не жил в семьях суннитов, не разрешалось жить в деревнях, их заставляли уезжать в города и жить там в специально отведенных кварталах, чтобы были под контролем. Например, моя бабушка жила в таком квартале в Элазике, даже пошла в жандармерию и подписала, что будет жить в этом квартале, не переедет в другое место. Это длилось довольно долго», — рассказывал о своей бабушке-армянке один учитель-курд в 2012 г. [21].

Четыре брата из деревни Бимер вспоминают, что их родители обосновались там в конце 40-х гг. «Насколько нам известна история нашей семьи, насколько мы слышали от наших старших, наши деды были коренными сасунцами... Но после резни, бежав из своих дедовских деревень, наши родители оказались в разных местах Анатолии. Моя мать была маленькой девочкой, она родилась в [19]34-м, но даже не знает, не помнит, где она родилась. Тридцатые годы были для армян еще очень тяжелым временем, они скитались, скрывались, искажали свою идентичность, переезжали с места на место. Жили в разных деревнях. Когда моя мама была маленькой, ее мать умерла. Большинство родственников погибло во время резни. В 40–45-м годах, она не помнит точно когда, но в этот промежуток времени, их привезли в деревню Бимер в Сасуне. Насколько моя мать может вспомнить, не они выбрали это село. В это время в деревне была только одна армянская семья. Старшие всегда говорили, что правительство вообще не хотело, чтобы армяне жили вместе, и выживших разгоняли по разным сторонам. Из семьи отца моей мате-

ри остался в живых только он, все родственники были убиты». В Би-мере их мать выходит замуж за одного такого же, как она, спасшегося армянина, и братья вспоминают, что их отец должен был раз в неделю отмечаться в центральной жандармерии — для подтверждения того, что он никуда не уехал: «Это касалось только армян, только армяне должны были отмечаться».

Знание местожительства армян облегчало работу властей — как по осуществлению контроля, так и, в случае подходящего повода, по организации их преследования. Преследования имели разные формы, в том числе ссылки. «В 1930-х годах моего деда выслали из Сасуна. Сейчас если скажешь — почему? — я и сам не знаю. Такие были смутные времена, что черное перемешалось с белым. В горах было полно курдских банд, теперь уже — против государства (рассказчик имеет в виду, что до этого курды действовали против армян. — Г. Х). Жандармы выгнали армян, повсюду начался голод, после ухода армян тысячи мусульман умерли от голода. Ну естественно: они даже пшеницу не могли пришить. Когда закончились оставшиеся от армян трофеи, курды только тогда начали удивленно смотреть друг на друга: кто же теперь будет нас кормить?.. [Наши деды] вообще скитались по разным сторонам в те годы, из деревни в деревню, из дома в дом... Моя бабушка говорит: „Поднимались в горы — были курдские партизаны, спускались вниз — там были солдаты“. Некоторые армяне в то время присоединились к курдам... Мой дед после ссылки снова вернулся в Сасун. Его, больного, слабого, заставляли в ссылке таскать грузы, в день — один тонкий кусок хлеба, три маслины и сыр... Ссылку он провел в Амасии, потом — в Манисе» [22]. Скрывающиеся, оторванные от информации остатки армян, конечно, не знали о том, что правительство Турции приняло постановление о черте оседлости, запрещающей армянам жить восточнее линии Самсун–Селевкия, арабам — в соседних с Сирией и Месопотамией вилайетах, грузинам — в вилайете Ризе и округе Ардаган, а грекам позволялось жить исключительно в Стамбуле. В городах, за исключением Стамбула, нетурецкому населению не позволялось превышать 10% [23, с. 130–131]. Но даже тогда, когда жандармы ловили «злостных нарушителей» черты оседлости, им не объясняли их «вину», а просто ссылали в западные регионы, так что людям приходилось самим догадываться — за что? И знали ответ: за то, что армянин.

В 1932 г. был принят закон об оседлости, по которому «те, у кого родной язык не турецкий, не имеют права на основание новых кварталов или поселений, а также не имеют права на создание одинако-

вых [с тюркскими] союзов ремесленников... Такие [уже существующие] союзы подлежат закрытию» [24, с. 167]. Конечно, такие постановления были нацелены на компактно проживающих курдов и арабов, «существующие» диффузно и скрытно армяне даже не могли додуматься об общении друг с другом, куда там создавать экономические союзы. Но все постановления по отношению к «нетюркскому» населению, конечно, в итоге оборачивались также против армян.

Естественно, армяне жили в постоянном страхе. Братья из села Бимер рассказывают: *«Всегда оставался страх смерти, тогда всегда чувствовали, что однажды могут тебя убить. Никто не говорил, что надо бояться, но родители между собой разговаривали, а мы понимали, что существует опасность... С самого рождения мы знали — турки могут свободно делать все, что хотят, и, если у нас будут с ними проблемы, то наши проблемы не важны, а важно их благополучие, все правительство было на их стороне. Это мы знали всегда. В нашей деревне турок не было, в детстве мы их не видели, но это шло из семьи, армяне вели себя так, чтобы не дать турку повода... редко, очень редко к нам в село приходили жандармы. Жандармы — всегда турки. Других жандармов мы не знали. И когда жандармы приходили, наши родители нас быстро отправляли за черту деревни. Мы знали, что должны там оставаться, пока жандармы не ушли. Курды своих детей не отправляли, только армяне. Я не помню, чтобы мы хоть раз задавали вопрос, почему нас отправляют. Было такое чувство, как будто мы все знаем, почему жандарм для нас, для армян, опасен. Почему опасен — вопрос нами никогда не сформулирован, но знание, осознание опасности и страх всегда были».*

Выжившие, за очень небольшим исключением, обычно не говорили о том, что произошло с ними, не рассказывали ничего, даже между собой не говорили об этом. Уже того, что «они армяне», было достаточно, чтобы быть мишенью социальной враждебности и ненависти. Исламизированный, живший в Харберде, Юсуф вспоминает про сороковые годы, что выжившие армяне *«иногда ходили друг к другу. Предполагаю, что поначалу это было очень трудно, делали это тайно, но когда я вырос, это уже было не так... Конечно, не было такого, чтобы мы, армяне, специально демонстрировали наши связи, но в то же время встречаясь на рынке, мы не избегали друг друга. Но по-армянски не говорили, даже у себя дома не говорили. Так много было страха...»* [25].

Армяне, ищущие себе место жительства, попадающие в совершенно незнакомую среду, зачастую скрывали свою идентичность.

В таких случаях их обычно принимали за мусульман, и армяне не отрицали такую идентификацию. В провинциях у армян был очень велик страх разоблачения. Естественно, они были вынуждены глубоко «закопать» свой собственный опыт и знание об армянской резне, не могли никаким образом позволить себе «вспомнить», что они были подвергнуты резне, и тем более даже не мыслили о возможности защищать армянское видение всего происшедшего.

В Стамбуле, где, во-первых, не было резни, во-вторых, продолжало действовать армянское патриаршество, турецкое правительство, согласно обязательствам по Лозаннскому договору, не закрыло армянские школы; по существу, там были армянская община и армянская среда, у армян не было большой необходимости, да и возможности скрывать свое армянство. Иным было положение дел в провинциях, где переселившиеся, бежавшие из мест своего проживания армяне на новых территориях имели возможность скрывать свою национальную принадлежность. А позднее, когда окружение уже считало их «своими», разоблачение было намного опаснее. Сорокалетний Арсен Каракоч, родившийся в семье, обосновавшейся в селе Каракочан, рядом с городом Балу в Эрзруме, рассказывает: *«В Каракочане не осталось армян, и из разных сторон сюда приходят жить люди. Мусульмане-курды, балканские турки... [Был один], звали его Мустафа, очень-очень поздно узнали, что они армяне. Они пришли гораздо позднее моего деда, пришли как курды, и мы знали их как курдов. Я был маленьким, носил воду этому Мустафе. В деревне был один хороший, холодный родник, многие ходили к этому роднику, но он не давал им свое ведро, только меня просил принести ему воды. Однажды я спросил у своего деда, почему он всегда только меня просит принести воды, почему не просит других детей. Дед сказал: „Смотри, сынок, он тебя очень любит, потому что ты — армянин, поэтому он тебя всегда просит. Он тоже армянин“. Я остоленел — как он может быть армянином, если ходит в мечеть, делает намаз, какой он армянин? Дед сказал: „Он от страха так делает“. Скрывали, [потому что] было опасно, но опасность была разная. То, что мой дед армянин, было известно с самого начала. А те, кто пришли позже и не открыли своего армянства, те для всех были мусульманами, по бумагам были мусульманами, но только внутри себя, для себя они оставались армянами. Как только это открывалось, как только начинали об этом говорить, уже становилось опасно»* [26].

Однако власти прекрасно знали эту стратегию выживания, и если ислаимизированный или считающийся мусульманином человек

чувствовал себя относительно защищенным в социальной среде, то всегда испытывал тревогу по отношению к властям. Тем более, что, хотя исламизированные армяне и считались по закону «турками», они подвергались ограничениям в передвижении, распространяющимся на армян-христиан, и многие из них также были обязаны минимум раз в месяц отмечаться в жандармерии.

Еще больше страхов, чем исламизированные армяне, испытывали армяне, интегрированные в другую группу, не принимаемую властями и суннитами, – в группу алевитов: как алевитизированные армяне, так и те, кто спасся в алевитских деревнях и продолжал там жить, сохраняя армянскую идентичность. Было известно, что алевиты Дерсима не принимали участия в армянских погромах – ни в конце XIX в. в гамидовских погромах (1894–1895), ни во время младотурецкой (1909, 1915–1916) и кемалистской (1919–1922) резни армян, и даже по возможности помогали спасавшимся бегством армянам. Как по этой причине, так и потому, что непокорные, защищающие свою идентичность алевиты были следующей после армян и греков вражеской мишенью для турок, в местах их проживания всегда искали скрывающихся армян. В 2014 г. в Стамбуле Саргис Еркел рассказывал, как 45 армян, в том числе его дед, нашли спасение в пещерах горного алевитского села Кыркысрак [Qeqesraq] недалеко от города Кесарии, и когда в 1920-е гг. жандармы пришли за спасенными, староста этой деревни отправил их обратно, дав взятку. Некоторое время спустя они из пещеры стали появляться в деревне, а затем обосновались и жили там до 1950–1960-х гг. Село Кыркысрак – теперь родное село Саргиса и всей его семьи, и даже пещера стала любимым местом посещений.

В те годы, когда в СССР репрессировали кулаков, троцкистов, антисоветчиков и контрреволюционеров или, используя эти слова, преследовали нежелательных свидетелей недавнего прошлого, внушающих опасения в смысле стремления к своей идентичности, свободе, непокорности, организовывали колхозы и последовательно осуществляли ряд пограничных «национальных операций» – этнические ссылки, в Турции также проводились пограничные этнические ссылки из Западной Армении: с востока страны насильственно переселяли на запад курдов, группы алевитов, перемешивая с ними выживших армян, и пытались на освободившихся от них местах поселить турок, перешедших в Турцию с Балкан, в основном исламизированных-тюркизированных славян. Наблюдается интересная синхронность этих действий как по времени, так и по мишеням: на гра-

ницах СССР — Турция, с обеих сторон депортировали курдов и армян, в СССР — главным образом считавшихся «антитурецкими» западных армян. Хронологически именно в те годы, когда в СССР созрел и начал осуществляться Большой террор, в Турции созрел и начал осуществляться геноцид населения Дерсима. До этого фактически единоличные правители двух модернизирующихся стран — Мустафа Кемаль и Иосиф Сталин — параллельно стали священными «отцами» в управляемых ими странах: Кемаль стал Ататюрком («отцом турок»), Сталин — «отцом всех народов» Советского Союза. В двух модернизирующихся тираниях к этим «отцам» выражалось почитание со всеми нюансами восточной культуры, в том числе с фактическими жертвоприношениями, в обоих обществах в «красных уголках» и «народных домах» детей учили «заветам отцов», в обоих была не переизложена, а по вкусу единоличного правителя заново написана история. Такая точная синхронность действий настолько подозрительна, что невольно напрашивается мысль о согласованности действий. В обеих странах в 1937–1938 гг. чудовищные убийства достигли своей кульминации.

До 1938 г. в горных районах Дерсима еще оставались армянские поселения с армяноязычным христианским населением. В 1935 г. законом «О Тунджели», представленном Великому собранию Турции, Дерсим был переименован в Тунджели и было объявлено, что его население изначально принадлежало «турецкой расе» [27, с. 9]. По этому же закону Тунджели был взят под военный контроль, а военному областному начальнику были даны чрезвычайные полномочия в арестах и депортациях людей и семей, что мотивировалось отсталостью области и необузданностью племен [27, с. 12–13]. Необузданность племен должна была «пресечься» арестами, «отсталость области» — депортацией ее населения «для участия в общем развитии страны», переселением их в наиболее цивилизованные места — на западные туркоговорящие территории. Первые депортации были проведены в 1934 г. Для окончательного покорения восставшего Дерсима нужно было применять военную силу, для объяснения необходимости применения военной силы должен был прибавиться армянский фактор. Военные сформулировали версию: якобы дерсимские армяне вернулись вместе с курдскими националистами из Сирии и стали подстрекать вождей алевитских племен к восстанию [27, с. 5]¹. Посколь-

¹ Комментарий номер 10 пр. (источник [28, с. 377]): «Тема «армянского участия» во внутренних делах Турции продолжается. И сегодня официальные лица Турции часто заяв-

ку население Дерсима было по закону объявлено «турками» («все принадлежат турецкой расе»), то не могли говорить об оставшихся в Дерсима армянах. «По закону» там не было армян, согласно официальной версии, они были сосланы в Сирию за восстание против турецких властей во время Первой мировой войны. Версия о «вернувшихся из Сирии и подстрекающих к восстанию» армянах решала ряд вопросов: а) армяне продолжали оставаться врагами Турции, следовательно, должны быть наказаны; б) должны быть наказаны не только «вернувшиеся из Сирии» армяне, но и армяне, еще оставшиеся в провинциях Турции, — как непокорный и вражеский элемент; в) среди мусульманского населения продолжало возбуждаться армяноненавистничество; г) делалась попытка «сгладить» практику турецких властей всегда видеть в «инородцах» врагов — врагами продолжали оставаться все те же армяне.

Во время погромов населения Дерсима полностью повторились эпизоды армянских погромов: было сказано, что происходит переселение, ссылка, но людей просто собрали и уничтожили, бросили в ущелья и задушили дымом или бросили в знаменитые реки Дерсима, деревни обстреляли и сожгли. В военных документах писалось, что уничтожаются «бандиты», но, конечно, не было никакого следствия, поиска бандитов, просто приходило массовое уничтожение, подтверждающее распространившееся среди алевитов после 1915 г. убеждение — «после армян наступит наша очередь» [29]. Все дерсимцы были убеждены: нещадно уничтожали всех, но преследование армян было самым чудовищным. Обычно говорят — «их искали с особой последовательностью и жестокостью, заранее через агентов были составлены их поименные списки». 40-летний мужчина из Тинджели в августе 2011 г. рассказывал о своем родном селе Варденик, в 1937 г. еще являвшемся армянским (село сейчас полностью разрушено): *«В наше село — Варденик — в 1915 г. не входили. Наша деревня очень высоко, в горах... Здесь, в Дерсима, осталось много армянских сел. В [19]38-м, когда резали дерсимцев, в то время особенно резали дерсимских армян. В [19]38-м всех варденикцев будто бы сослали, но увозили в Коджакоч, было место под названием Зур Дерэси, там всех убивали, даже двухлетнего ребенка убили... До [19]38 года здесь было много армян — в селах Мирик, Маздра, Гейдоруқ* [Heydoruq],

ляют — и в турецком Межлисе, — что подстрекателями и организаторами курдских движений являются «армянские выродки», что в турецкой риторике означает «исламитизированные армяне».

Борн, Гин — их всех в [19]38-м убили. Были Ареки [Areqi], Пакурдиге [Paqurdige], Барех, Алвор [Halvor], Хагис [Haqis], Патар, Енис, Иксор [Iqsor], Маркасур [Marqasur]... Уже те из армян, кто спасся в [19]38-м, все стали алевитами... [30]. Кязим Гюндоган пишет, что до дерсимских погромов в некоторых селах — в Назимие, Хагисе, Мазгирте, Хозингехе, Даранбуране, Сорпияне, Шордане, Чухуре, Хозате — еще жили армяне, ставшие алевитами, у которых в недавнем прошлом сохранялась армянская идентичность. В аширетах Гайдаран, Деманан (в Дерсиме считали, что эти аширеты — по происхождению армянские из числа алевизированных ранее армян) и некоторых других аширетах армяне подчинялись кзлбашам (большинство алевитов Дерсима предпочитают самоназвание «кзлбаш»), но в Алвор [Halvor], Торуте, Эргане, Аграке, Сине, Мамеки, Мерхоне, Варденике, Харсике [Harsik], Кахмуте (районах, до которых в 1915 г. не дошли руки турецкого правительства) до 1935 г. армяне, как положено, соблюдали традиции — были христианами, соблюдали христианские обряды. Из историй, рассказанных очевидцами, и некоторых документов мы понимаем, что как бы враждебно ни относились турки к кзлбашам, ненависть к армянам-христианам была на первом месте. Очень красноречиво свидетельство одного очевидца из района Син: *«В нашей деревне было около 10 домов армянских соседей. Когда нас собрали, чтоб увезти и убить, их от нас отделили и увели в одно ущелье. Наши старшины спросили, почему их отделили. Сержант ответил «Пусть кровь гяура не смешивается с кровью мусульман». После этого и нас, и их начали убивать»* [31].

Мир был занят назревающим в Европе национал-фашизмом и Сталиным, а в дружественном Турции СССР «тройки» НКВД повышали лимиты на жертвы — не было ни времени, ни желания, ни заинтересованности, ни политического расчета обратить свой взор на жертвы Дерсима. Геноцид в Дерсиме почти не привлек внимания. Турция без особых усилий смогла замолчать это очередное зловещее преступление. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война стала хорошим поводом для предания забвению Дерсим. Под завесой молчания часть выжившего населения Дерсима была сослана, горные деревни разрушены, и весь Дерсим был окружен военными гарнизонами. Это продолжается и сегодня. Фактически боль Дерсима, реальные события узнали только сами дерсимцы и разбросанные по восточным областям Турции обособленные армяне, которых мало убивали, но ссылали из мест проживания на десять лет. *«В 1937–38 гг., когда произошли погромы дерсимских курдов, было много жертв и*

среди армян. О других местах не знаю, но в Сасуне — да. Из Сасуна семья насильно была переселена в Конию, Эскишехир, Измир. Ушли из Сасуна и остались там на десять лет. Когда уходили из Сасуна, не знали по-турецки, а когда вернулись, в 1945–47 гг. — говорили на турецком языке. Сразу после войны был принят закон о том, что они могут остаться на местах ссылки, но если захотят вернуться на места своего проживания, то только с условием, что не будут возвращаться в свои бывшие деревни», — это из воспоминаний братьев из села Бимер. Вся семья ныне живущего в Стамбуле дерсимского армянина Акопа Алтнкая была сослана в Кютахью [тур. Kütahya, греч. Κουτάλειον] и там исламизирована. Семья живущего в Харберде Юсуфа Айаза также была из тех, кого сослали в Кютахью и там исламизировали. «Нашу семью, как и дерсимцев в [19]38-м отсюда сослали. Брата моего отца здесь расстреляли. В [19]38-м многих армян сослали и убили. После [19]38-го мы десять лет были в ссылке. Я не смог получить образование, не выучил армянский. Потом правительство решило, что можем вернуться из ссылки. После возвращения мы обосновались в Элазике... Мы уже назывались турками, имена у нас были турецкие. Предполагаю, что административные органы знали, что мы армяне, или знали хотя бы о нашем армянском происхождении, но мы об этом не говорили, а они не напоминали». Осведомленные знали: большинство сосланных остались жить в местах ссылок, предпочли окончательно исламизироваться-тюркизироваться и оборвать связи с вечной группой риска — с армянами. В 2011–2013 гг. мною записано множество аналогичных историй, которые хранятся в архиве Института археологии и этнографии ИАН РАН и в моем личном архиве. Совершенно точно можно утверждать, что население Турции почти ничего не знало о трагедии Дерсима, а о масштабах и географии армянской составляющей этой трагедии были очень мало осведомлены даже жители самого Дерсима. Армяне в СССР не знали абсолютно ничего. В данном случае просто неопределима помощь «устной истории».

Первая книга о дерсимских погромах на турецком языке была издана лишь в 1952 г. в Алеппо (M. Nuri Dersimi, *Kürdistan tarihinde Dersim* [Дерсим в истории Курдистана]) и, по большому счету, не известна широкой общественности. Дочь и многие родственники автора, Нури Дерсими, стали жертвами резни, а сам он бежал непосредственно перед началом резни. Его книга была запрещена в Турции как выдумка, компрометирующая турецкое государство. В Дерсиме, однако, каждый расскажет то, что власти нарекли «выдум-

кой» Нури Дерсими. Еще одна параллель — с запрещенной в СССР в 1936–1938 гг. литературой. Но не из этой книги должны были дерсимцы узнать о событиях в Дерсиме, нет нужды искать в ней воспоминания, они — повсюду, у каждого выжившего дерсимца есть связанная с резней семейная история. Да, люди помнили и помнят, но в стране было официально запрещено говорить на эту тему, людей преследовали за это. В 1990 г. вышла в свет на турецком языке книга İsmail Beşikçi, *Tunceli Kanunu (1935) ve Dersim Jenosidi* [Закон о Тунджели 1935 г. и дерсимский геноцид] (Istanbul: Belge yayinlari), и ее автор сразу же оказался в тюрьме на десять лет. В Турции говорить о преступлениях властей считается заговором против правительства, так же, как считалось в СССР. Но здесь заговором считалось не только обращение к преступлениям, организованным властями СССР, но и к государственным преступлениям дружественной Турции.

«Запрет на память» о Геноциде армян в двух модернизирующихся дружеских государствах имел одно существенное различие. В СССР выжившие после Геноцида жили вместе, сопереживали, как «тайну» передали друг другу и продолжали передавать свои знания о частных событиях, произошедших с ними лично и с их семьями, и уже очень хорошо осознавали масштабы трагедии. Это даже было невозможно не знать. Так, в селе Уджан, всего в 40 км от Еревана, обосновались спасшиеся от Геноцида люди из 80 разных деревень — уже одной этой цифры было достаточно, чтобы понять масштабы резни. В Турции, наоборот, уцелевшие армяне жили разрозненно, не имели связи между собой, были настолько обособлены, что порой не знали даже, что кроме них есть еще и другие армяне, что есть Советская Армения, что в Стамбуле есть армянское патриаршество, армянская община. Их первостепенной задачей было найти себе место для проживания и жить там как можно незаметнее. Сотни моих встреч с сегодняшним поколением их потомков позволяют сделать, казалось бы, самый невероятный и странный вывод: находящиеся в 1920-х гг. в провинциях армяне, по большому счету, не знали, что на самом деле произошло и в каких масштабах. Абсолютное большинство армян, спасшихся от резни 1915 г. и нашедших убежище в провинциях Турции, так и не узнало о поражении Турции в Первой мировой войне, о Мудросском перемирии, о возвращении части армян, спасшихся от катастрофы, названной ссылкой, о второй резне, русско-турецкой войне, Лозаннском договоре и других важных для их жизни событиях. Отдельные отрывки из историй армян, сегодня живущих в Турции, позволяют понять, что некоторая их часть

имела представление об отдельных эпизодах, произошедших с их семьей, городом, деревней или, в лучшем случае, с областью, где жили их деды, а многие не имели даже этого «некоторого представления», так как их родители от страха предпочитали скрывать от детей правду. Акоп, живший до 1980 г. в селе Пуршенк в Сасуне, в дальнейшем переехавший в Стамбул, рассказывает, что, насколько им было известно, очень небольшое количество армян осталось только в соседних деревнях Пуршенк, Пушут и Нор гех: *«Позже мы узнали, что в России есть армяне. Об армянах Стамбула тоже узнали позже, узнали от приезжающих людей»*. Братья из села Бимер тоже вспоминают, что лишь в 1960-е гг. узнали о существовании других армян и о Советской Армении. В те годы у Советской Армении была радиоволна «Голос курдов», СССР использовал эту волну для оповещения курдов, проживающих на территории с 1953 г. уже члена вражеского союза НАТО Турции, о курдских проблемах. Для ставших курдоязычными армян передачи этой радиоволны имели жизненное значение: *«Мы узнали, что есть Армения, радио Ереван было для нас вдохновляющим, передавало передачи на курдском. Давало нам жизнь. Это помогло нам понять, что в мире и в других местах есть армяне, есть Армения... В это время мы, однако, ничего не знали об армянах Константинополя (армяне продолжают называть Стамбул Константинополем, а то и короче — Полисом. — Г. Х.) но уже доходили слухи, что есть патриаршество, есть школы»*. А вот сасунец Серкан только в 1990-е гг., в связи с Карабахской войной, узнал, что «в мире есть государство Армения и что они — не единственные, кто спасся в этих горах от большой резни». Однажды на рынке районного центра Сасуна он услышал, что из Стамбула приехал человек, у них там есть телевизор, и «люди в телевизоре сказали, что Армения и Азербайджан начали воевать», что «по ту сторону Арарата уже не Россия». Тогда удивленный пастух, которому было всего 45 лет, покупает радиоприемник, ловит дома армянские волны и, многого не понимая, слушает каждый день: *«Карабах, Карабах...»* [32].

Но даже это доходившее по крупицам знание оставалось обособленным. Власти продолжали с той же силой говорить о «предателях-армянах», и родители боялись, что их дети могут оказаться в «списках предателей» и подвергнуться опасности, поэтому как скрывали раньше, так и продолжали скрывать свое знание. Тема Геноцида продолжала оставаться закрытой, табуированной. В 1980-е гг. уже окончившему университет Саркису Эркёлу попадает в руки книга «Ненемин Масаллар» («Бабушкины истории», или «Бабушкины сказ-

ки»). «Автор — курд из Дيارбекира, пишет, что передает рассказанное его бабушкой, но говорит, что вы не обязаны верить этим историям. И описывает погромы армян. Он курд по отцу, но описывает также участие курдов в этих погромах. Затем говорит, будто говорит на языке армян: „Утром позавтракал, потом, в полдень, будет обед“. Это он говорит курдам, будто утром резали армян, а в полдень будут резать курдов. Потом я узнал, что это очень распространено среди курдов: „Армяне — на завтрак, а курды — на ужин“. Теперь уже многие знают об этом, но тогда было новинкой. Тогда я был потрясен. Это были 80-е годы, я окончил университет, был женат, был взрослым человеком, и когда прочитал эту книгу, был очень впечатлен. Я знал историю своих дедов, отец всегда произносил „сеферберлик“¹, „до сеферберлика“, „после сеферберлика“, но в нашем сознании запечатлелось, что под „сеферберликом“ понимали ссылку, и мы знали, что население нашего города Гюрюна было сослано, а на пути ссылки многие умерли. Знали так. Не знали об умышленной резне и не знали, что это произошло со всеми армянами. Сейчас читаю и думаю — аллах-аллах, это очень похоже на историю Гюрюна. Значит, и там были армяне, и их тоже сослали. Позже мне в руки попала переведенная с французского языка книга Ива Тернона² „Эрмени Табусу“ („Армянское табу“). Прочитал, будто это было описание нашего Гюрюна, хотя описывались Арабкир, Сасун. Аллах-аллах, как такое возможно? Но я по-прежнему не думал, что это происходило на всех территориях. Наконец, когда вышла книга Танера Акчам³, мы поняли, что Геноцид был очень серьезным делом, и все эти так называемые сеферберлики происходили не только в нашей деревне, а повсеместно... Но мы ничего не знаем». «Ничего не знаем» Саркиса Эркеля, по большому счету, продолжается и сегодня.

Резюмируем. Тема Геноцида армян как память фактически была запрещена как в СССР, так и в Турции; вспоминать ее, но особенно напоминать о ней считалось наказуемым актом. В СССР, в состав ко-

¹ Сеферберлик (seferberlik) — в действительности призыв, военная мобилизация. В памяти живших в османской империи армян осуществленная в начале войны мобилизация — сеферберлик — сбор армянских мужчин в армию и их дальнейшее уничтожение отождествлялось с ссылкой армянского населения и его уничтожением на дорогах ссылки.

² Ив Тернон — французский врач и историк, исследователь Геноцида армян. Рассказчик имеет в виду книгу: Yves Ternon. Du négationnisme. Mémoire et tabou. Desclée de Brouwer. Paris, 1999.

³ Танер Акчам — историк курдского происхождения, который работает в США над проблемами исследования Геноцида армян.

торого входила Советская Армения, несмотря на все усилия властей, среда спасшихся от Геноцида была не только живым носителем этой памяти, но и передающей эту память, причем это знание и эта память, противоречащие политике власти, воспринималась как «тайна» и именно как тайна были особенно важны для памяти. В Турции, наоборот, жертвы Геноцида как носители памяти были разрознены, обособлены, и для них стратегией жизни было забвение этой памяти. Внесенные через государственный пропаганду, через образование, позднее через СМИ в социальное и коллективное знание общей среды Турции о «преступлении армян» и избранная армянами стратегия молчания только увеличивали знание о «преступлении армян».

Важно отметить, что замалчивание темы Геноцида армян – это прекрасный, можно сказать, образцовый пример инженерии общественного мышления и знания со стороны империй. Это делалось не только для формирования выгодной для империи идентичности, но и, как в данном случае, для использования в решении внутренних и внешних политических вопросов. В Турции «армянская память» использовалась для поддержания турецкого национализма, укрепления единства суннитского мусульманского населения (есть общий враг – армяне-христиане или лже-исламизированные криптоармяне) и для предотвращения у армян возможных претензий на свою родину – Западную Армению. СССР использовал армянский фактор как для урегулирования отношений с Турцией, так и для своих внутренних целей, в нужное для себя время. В обеих странах параллельно происходило насильственное подавление живой устной памяти. В обеих странах достигнут определенный результат, но в обоих случаях мы имеем дело и с параллельным, незапланированным результатом.

Источники и литература

1. Быкова С. И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД. <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/by4.html>
2. Из материалов собрания партийной организации Союза писателей АрмССР 7 августа 1936 г. // Национальный архив Армении. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 4.
3. НАА. Ф. 1191. Оп. 8. Д. 1664, 1665
4. НАА. Ф. 1191. Оп. 4. Д. 101. Л. 2 об.
5. Григорян П. Непобежденный Сасун, сражающийся Шеник. Ереван, 2012 (на арм.яз.).
6. ПМА: записано Г. Харатян, З. Амбарцумян, Г. Степанян, село Верин Саснашен, Талинский район, август 2014 г.

7. НАА. Ф. 1191. Оп. 10, Д. 1999, 2000, 2001; Оп. 16. Д. 1192, 1193; Оп. 13. Д. 1635, 1636.
8. Погосян А. Геворг Чауш // Вестник общественных наук. 1989. № 7 (на арм. яз.). URL: <http://lraber.asj-oa.am/3829/1/1989-7%2824%29.pdf> (дата обращения: 05.27.2014).
9. ПМА: записано Г. Харатян, З. Амбарцумян, Г. Степанян, село Верин Саснашен, Талинский район, РА, август, 2014.
10. ПМА: беседа Г. Харатян в селе Катнахбюр, Талинский р-н, РА, 11 августа 2014 г.
11. ПМА: беседа с С. Закарянном записала Г. Шагоян в селе Айкаван, Ширакский марз, в 2012 г.
12. ПМА: беседа с С. Мхитаряном записала Г. Шагоян в селе Еразговорс, Ширакский марз, РА, в 2012 г. URL: <http://armeniatotalitaris.am/?p=1705> (дата обращения: 16.09.2017)
13. ПМА: история, записанная А. Князян, село Ашнак, Талинский р-н, РА. 2013 г.
14. Харатян Г. Кого простить? Что простить? // Говоря друг с другом. Личные воспоминания о прошлом в Армении и Турции. Бонн, 2010, с. 13–102 (на арм., англ. и тур. яз.) [Kharatyan H. Whom to Forgive? What to Forgive? // Speaking to One Another: Personal Memories of the Past in Armenia and Turkey. Bonn, 2010. С. 77–176].
15. Марутян А. Иконография армянской идентичности. Т. 1: Память о Геноциде и Карабахское движение. Ереван, 2009 (на арм. и англ. яз.). [Marutyan H., Iconography of Armenian Identity. Vol. 1: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement. Yerevan, 2009].
16. Christopher Walker, Armenia: The Survival of a Nation, Published by St. Martin's Press, London, 1980.
17. Dr. Tessa Hofmann, Armenians in Turkey Today, A Critical Assessment of the Situation of the Armenian Minority in the Turkish Republic (second edition), Uppsala, 2003. URL: <http://www.armenian.ch/gsa/Docs/faae02.pdf> (дата обращения: 07.12.2017).
18. Мысырлян З. Обязательная миграция армян из внутренних провинций Турции (1929–1930) // До и после Геноцида армян. Антилиас, 2011.
19. ПМА: Четырехчасовой рассказ о своей семье четырех братьев записала Г. Харатян в 2014 г. в г. Ереване, РА.
20. «Армения» (Сидней). 2003 г. 23 апреля. № 394 (на арм. яз.).
21. ПМА: беседа с учителем курдом вела и рассказ записала Г. Харатян в Тунджели (Турция) в 2011 г.
22. София Акопян. В Муше растет поколение, готовое кричать: «Я — армянин, армянин!» URL: <http://akunq.net/am/?p=51109> (дата обращения: 22.06.2017).
23. Завриев Д. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.
24. ЫАйреник. 1932. № 9 (117). LX. Бостон (на арм. яз.).
25. ПМА: рассказ Юсуфа в Харберде (Турция) записала Г. Харатян в 2011 г.
26. ПМА: история семьи Арсена Каракоча. Записала Г. Харатян в Стамбуле, Турция, в 2011 г.

27. Martin van Bruinessen, *Genocide in Kurdistan? The Suppression of the Dersim Rebellion in Turkey (1937–38) and the Chemical War Against the Iraqi Kurds (1988)* // George J. Andreopoulos (ed.). *Conceptual and Historical Dimensions of Genocide*, University of Pennsylvania Press, 1994. URL: http://www.hum.uu.nl/medewerkers/m.vanbruinessen/publications/Bruinessen_Genocide_in_Kurdistan.pdf (на тур. яз.).
28. Reşat Hallı. *Türkiye Cumhuriyetinde Ayaklanmalar (1924–1938)* [Восстания в Турецкой республике (1924–1938)]. Ankara: TC Genelkurmay Başkanlığı Tarihi Dairesi, 1972 (на тур. яз.).
29. Kieser Hans-Lukas. *Some Remarks on Alevi Responses to the Missionaries in Eastern Anatolia (19th–20th cc.)* // Columbia International Affairs Online. Columbia University Press, Mars 2001. URL: <http://www.hist.net/kieser/pu/responses.html> (дата обращения: 11.12.2017).
30. ПМА: история, записанная Г. Харатян, Тундежли, с. Бостанлу, Турция, 2011 г. Аудиозапись хранится в архиве Института археологии и этнографии НАН РА и личном архиве автора.
31. Кязим Гюндоган. Армяне во время погромов 1937–1938 гг // Müslümanlaş(tırıl)mış Ermeniler» (Konferans Tebliğleri Kasım 2013). İstanbul: Temmuz, 2015. С. 336–350. URL: <http://akunq.net/am/?p=37122>. Перевод статьи на арм.яз. см. URL: <http://akunq.net/am/?p=37122> (дата обращения 12.09.2017).
32. Акопян София. «Говорили — Карабах, Карабах... Ничего не понимал, но сердце так трепетало...» Первое радио Сасуна и пастух-армянин (на арм. яз.). URL: <http://akunq.net/am/?p=50149> (дата обращения: 09.08.2017).

Kharatyan Hranush

Politics of Memory Conquer or “Ordered to Forget”: Making the Memory into a Social and Family “Secret” and a Weapon against memory Holders (the case of the Armenian Genocide)

Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia (the article is written within the project 15PF-27)

Abstract. The article examines the magnitude and forms of social and family memory of the events related to the Armenian Genocide among the survivors and descendants of victims in close societies of USSR and Turkey through oral history research. It analyses the practices of knowledge and experience transfer and/or imposed silence about the experience in countries where “remembering” the Armenian massacres was officially forbidden. After 1920s in both modernizing countries, USSR and Turkey, information transfer and interpretation of events became a monopoly of ruling parties, while the reconstruction of the history or the construction of national history became an important component of the politics controlled by the first persons of respective countries, Joseph Stalin and Mustafa Kemal. Due to peculiarities of friendly relations between the two countries, there was a consensus to silence the fact of the Genocide, to simply exclude it from the historiography. At the same time, the policy of “ordered to forget” was implemented towards the Armenian survivors in Turkey and refugees in USSR. “Genocide” became an object of politics with a task to suppress memory through repression towards those who remembered. In the USSR, an emotional demonstration of grief inside the microcosm of refugees was forbidden, a deep trauma and grief of people was driven into personal memory and passed on

to the next generation in secret. Each family became the owner of the secret memory of its own case. The oral history interviews show that when “ordered to forget”, the memory of “secret own cases” becomes sacral and keeps the smallest details of what happened even in the third generation. In Turkey, the orphaned survivors of physical extermination did not know what happened to their relatives. The rare adult survivors, hiding their physical presence in remote mountainous settlements in the provinces, or Islamized among Turkish, Arabic and Kurdish speakers, did not even know the extent of what happened. Because of the danger of a hostile environment they forbade themselves to speak, remember and transmit the «forbidden knowledge» of their personal case. The “forbidden field” was soon filled with officially introduced “knowledge” of Armenians as “dangerous enemies”, thus becoming a social weapon against Armenians. **Keywords:** *Armenian Genocide, memory conquer, punishable memory, strategy of silence, politics of collective memory construction.*

●

Часть 3

Военная антропология: повседневные практики в военной обстановке

Болокина Любовь Александровна

Устные свидетельства очевидцев событий Великой Отечественной войны как исторический источник

Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация

Аннотация. Автор предпринимает попытку анализа результатов проведения серии интервью с уроженцами Калининской (ныне Тверской) области — свидетелями событий Великой Отечественной войны. Рассматриваются материалы восьми интервью, взятых у жительниц различных районов, в том числе подвергшихся временной оккупации. Центральными темами бесед стали взаимоотношения между людьми, поведение во время оккупации, настроения и чувства, испытанные информантами в военные годы. Устные воспоминания позволили выявить новые сведения по истории повседневной жизни населения в период войны. **Ключевые слова:** Великая Отечественная война, интервью, Калининская область, устная история.

Развитие современной исторической науки невозможно представить без тех возможностей, которые связаны с методами устной истории. Обращение к ним позволило российским исследователям изучить целый ряд малоизвестных страниц отечественной истории XX в., сформировать массив разноплановых источников, открывающих новые темы для исторического анализа, иногда подталкивающих к пересмотру устоявшихся положений. Особенно заметные успехи достигнуты на региональном уровне.

Данная публикация посвящена рассмотрению материалов интервью с уроженками Калининской (ныне Тверской) области, пережившими события Великой Отечественной войны. Используются тексты восьми бесед, записанных в период с 2005 по 2016 гг. Самой младшей из собеседниц автора, В. С. Образцовой, в 1941 г. было 6 лет, З. П. Барышниковой и Р. В. Овсянниковой — по 9 лет, Н. А. Курчавой, В. И. Разыграевой, В. П. Юдиной — по 11 лет, В. Н. Спасской —

15 лет, П. С. Лабазниковой – 19 лет. В. С. Образцовой, В. Н. Спасской и П. С. Лабазниковой довелось пройти испытание оккупацией. Все они родились и проживали в сельской местности в полных семьях со средним, по меркам того времени, достатком. Р. В. Овсянникова, В. И. Разыграева и В. П. Юдина жили в деревнях с преобладанием карельского населения, и в ходе повествования иногда им было легче выразить свою мысль сначала на карельском языке и лишь потом перевести на русский. На момент проведения интервью каждая из женщин сохраняла в памяти ясное представление о том, что довелось пережить в военные годы.

Интервью проводились в свободной форме, и предварительно была определена лишь основная тема – события предвоенных и военных лет. При этом интервьюер придерживался перечня подготовленных вопросов, хотя обе стороны могли останавливать внимание на интересных, с их точки зрения, сюжетах. Поведение информантов во время беседы было сходным, что выражалось в однотипных реакциях на определенные вопросы, попытках уклониться от ответов на некоторые из них, остановиться подробнее на конкретных темах. Некоторые женщины проявили заметную самостоятельность в определении направлений беседы, попытках передать смысл событий, были более свободны в оценочных суждениях и интерпретациях, касавшихся, в частности, мотивов поведения окружавших их в те годы людей. По наблюдениям автора, эти особенности присущи интервью с женщинами, менявшими в течение жизни место жительства и род деятельности, знакомыми с условиями проживания как в сельской местности, так и в городской среде, больше занимавшимися образованием и самообразованием. Вероятно, широкий кругозор и разнообразный жизненный опыт позволили им в последующие годы переосмыслить впечатления, полученные во время войны. Нет сомнений в том, что информанты не просто вспоминали после войны пережитое, но и размышляли, анализировали, иногда меняли свое отношение к каким-либо фактам. Это отразилось на содержательной части интервью.

В ходе интервью участницы иногда признавались, что не помнят определенные моменты, но ни разу напрямую не использовали право отклонить какой-либо вопрос, показавшийся им неудобным. При этом такого рода вопросы все же присутствовали, на что указывают изменения в интонациях голоса, как правило, малозаметные, проявлявшиеся в легком раздражении, замедлении или ускорении темпа речи, паузах. Явные затруднения с ответами, выражавшиеся в сло-

вах «трудно сказать» или «кто его знает», следовали, когда интервьюер затрагивал такие темы, как степень готовности СССР к войне, прогнозирования сроков и исхода военных действий в течение войны, отношение местного населения к отдельным социальным группам, например, к раскулаченным [1, с. 9, 17; 6, с. 2, 5]. Уклонение от прямых подробных ответов вызывали вопросы о поведении местных руководителей а также о надеждах на возможность социальных изменений после окончания войны, что может объясняться различными причинами, например подростковым возрастом, в котором внимание привлекают совсем другие темы, лучше сохранившиеся в памяти. В то же время отдельные вопросы, на которые не находились своевременные ответы, побуждали участниц интервью тут же размышлять вслух в поисках адекватного объяснения, и таковое часто находилось [6, с. 17, 18].

В текстах интервью обнаруживается ряд противоречивых высказываний, причем некоторые из них совпадают у разных информантов. Так, описывая положение дел в родных местах и стране в целом сразу после окончания войны, женщины определяют это время как самое тяжелое и голодное и одновременно замечают, что становилось легче [1, с. 11, 12; 2, с. 6; 8, с. 5]. Видимо, имеется в виду моральный подъем, вызванный известием о Победе, присутствовавший наряду с материальными трудностями, но это не проговаривается. Часто звучащее утверждение о постоянной взаимопомощи односельчан в военные годы соседствует с упоминанием факта гибели от голода девочки в одном из деревенских домов, где мать и четверо детей после ухода отца семейства на фронт жили очень трудно, о чем было хорошо известно окружающим [1, с. 6]. Любопытна реакция информантов на вопрос о наличии дезертиров в их местности. Весьма быстро следовал ответ, что в их деревне никто не уклонялся от военной службы. Однако далее женщины неизменно признаются, что в округе дезертиры все-таки были, называют имена и обязательно описывают отношение к ним в деревенской среде, например, фразой «мы его боимся, а он нас боится» или «ненавидели просто» [6, с. 31; 5, с. 8]. Р. В. Овсянникова упоминает красноречивое прозвище мужчины, скрывавшегося всю войну в землянке, вырытой на некотором расстоянии от родного дома — «окаянный» [5, с. 8]. Также каждая не забывала добавить, что после войны дезертиры избежали суда, — видимо, это обстоятельство обсуждалось среди жителей деревень, вызывало удивление, хотя спустя годы возмущения в голосах рассказчиц уже не было.

Время от времени информанты позволяли себе выразить явные или замаскированные собственные оценки поведения окружавших их в тот период людей, произнося простые слова: «Жадный дядя Василий был... всякого тряпья оттуда привез» или же давая более яркие характеристики: «она потешная была», «артистка», «такая атаманка была», «она вообще чудачка была», «была не дура» (все эти слова — об одной и той же женщине) [5, с. 3, 9]. Очевидно, что подобные высказывания связаны преимущественно с попытками прокомментировать мотивы и формы чужих поступков. Так, сказав о ненависти земляков к дезертиру, Р. В. Овсянникова поясняет, что во время войны не сдали его соответствующим органам потому, что «люди, знаешь, эти, карелы, они не продажные люди» [5, с. 8]. Не столь явно, а лишь намеком, В. И. Разыграева проявляет свое сочувствие к судьбе молодого человека, потерявшего работу на железной дороге и получившего тюремный срок из-за того, что скрыл факт раскулачивания родителей. Примечательно, что женщина скорее видит причину свершившейся несправедливости не в действиях людей, хотя «свои же люди... доказали, что он сын кулака», а в порядках, установленных в то время и заставлявших граждан совершать недостойные поступки: «время такое было тоже» [6, с. 13]. В подобной иносказательной манере она выражает отношение к самому процессу раскулачивания: «Его за это, то, что он сам, своим горбом наживал, и их, значит, раскулачили» [6, с. 13, 32]. Заканчивая разговор, В. И. Разыграева считает нужным прямо заявить о своем убеждении в том, что власть в любые времена несет главную ответственность за происходящее. К мысли о мере ответственности власти и сограждан не раз возвращается В. С. Образцова, описывая сложные взаимоотношения односельчан в предвоенные и военные годы: «Знаете, что давало силы жить? Что все прекрасно понимали, вот в деревне, все прекрасно понимали, кто есть кто, но боялись, вот тут вот, наверно, от власти это зависело, что приветствовался тот, кто доносы эти писал. Вот. А ведь все знали прекрасно, а обнимали, целовали, радовались с нами... Они боялись каждый стать жертвой, вот. Вот и всё» [4, с. 23].

Вероятно, самыми разноплановыми оказались ответы информантов на вопросы об отношении к противнику и мнении о немцах, существовавшем в деревенской среде. Кроме ожидаемых слов о страхе перед врагами и ненависти к ним, «потому что напали как звери», З. П. Барышникова считает нужным добавить, что во время войны вблизи их селения содержались пленные немцы, и оказывается, что местные жители общались с ними не только на работе, но и

в свободное время, и относились «нормально», даже «легко» [1, с. 8]. Понятно, что желания как-то отомстить и ненависти к пленным, не представлявшим опасности врагам, люди не испытывали.

Дважды интонации интервьюируемых невольно выдавали не высказанное в словах признание наличия у отдельных немцев таких качеств, как твердость характера, верность воинскому долгу. Так, В. Н. Спасская описывала допрос взятого в плен при освобождении деревни немецкого офицера и отметила, что «чистый немец» отказался отвечать на вопросы, добавив, что «такой был фриц». Слово «фриц», казалось бы, четко выявляет отношение женщины к оккупанту, однако тон, которым оно произнесено, показывает, что проявленное пленным упорство вызвало смешанные чувства у присутствовавших при этих обстоятельствах людей [7, с. 18].

Наиболее выразительно мысль о моральном превосходстве советских людей над противником, как оно понималось и ощущалось в годы войны, сформулировала Н. А. Курчаева: «Сначала немец пошел, а потом у нас — люди были такие, что они... погибали, но не сдавались. А немцы этого не могли так. Они были слабже наших. Наши люди были крепче... в общем, не в том смысле, что они были здоровьем крепче. Но натура была такая, что... умрем, но победим» [2, с. 5].

Обращаясь к содержанию интервью, можно выделить ряд тем, которые волей рассказчиков выходят на первый план. Самое заметное место занимают рассказы о напряженном труде сельских жителей в период войны, добросовестном отношении к работе, которое проявляли и сами информанты, бывшие тогда подростками. При этом в ход идут самые выразительные обороты, например «работали как лошади», «во все хомуты» и т. п. [5, с. 3; 2, с. 7]. Несомненно, личное активное участие в трудовой деятельности колхозников, а иногда и в лесозаготовках, слишком часто связанное с непомерными для подростков физическими нагрузками, оставило неизгладимый след в памяти женщин, о чем З. П. Барышникова много раз упоминает коротким выражением «всё делали». А вот описание В. П. Юдиной: «В поле работали мы на бычках, на бычках ночью пахали... Пошлют нас боронить на бычках, а с бычками надо справиться, они недоростки, маленькие — по два бычка запрягли в борону, а нам тоже ведь гулять хочется, мы маленькие, ну что, по 12 лет вот» [8, с. 4]. Исключительно ответственное отношение к труду свойственно женщинам того поколения и в наши дни.

Независимо от интервьюера каждая из собеседниц считала важным назвать имена членов своей семьи, ушедших на фронт, и уточ-

нить, иногда достаточно подробно, их дальнейшую судьбу, рассказать о переживаниях близких в случаях пропажи или гибели фронтовиков [1, с. 2, 3; 2, с. 1; 4, с. 4; 5, с. 2; 7, с. 8; 8, с. 1]. Все женщины описывают проводы на войну большого числа мужчин их селений, словно подчеркивая вклад родной деревни именно в борьбу на передовой и обязательно упоминают, как мало вернулось молодых и более старшего возраста военнослужащих после окончания военных действий. Вот как говорит об этом В. И. Разыграева: «А какие ребята были, которые погибли в деревне, этого не сосчитать, один другого лучше, красавцы... ой, сколько взяли. И взяли-то круто, и возвращались только единицы» [6, с. 20–22].

Часть женщин подчеркивают, что накануне войны в родительских семьях звучали разговоры о ее возможности и даже неизбежности, но, несмотря на это, известие о нападении Германии явилось для жителей области неожиданным. Очевидцы схожим образом рассказывают о том, как окружающие восприняли сообщение. Прежде всего упоминается о состоянии расстройств, переполоха и ужаса: «Кто плакал, кто кричал», а кто-то пел песни, и именно песни врезались в детскую память. Деревенские улицы были похожи на «растревоженный улей» [4, с. 3]. В первый же день войны люди стали рассуждать о ее сроках и исходе. Преобладало мнение, что война будет «затяжной», однако победа останется за советской стороной. Р. В. Овсянникова воспроизводит сцену, произошедшую в этот день у нее на глазах — пожилой мужчина, с силой ударяя кулаком по лавке, приговаривал: «Русского мужика никому не обидеть! <...> Русского никогда не победить!» [5, с. 4] Жители оккупированных впоследствии районов вначале не допускали мысли о том, что им предстоит непосредственное общение с врагом: «Сначала мы никогда не думали, что немец появится у нас» [7, с. 8]. При этом собеседницы признают, что рассуждения о силе немецких войск приводили к неутешительным прогнозам, а получившие повестки мужчины особенно остро осознали, как мало шансов на возвращение к семье, и открыто говорили об этом вслух, расставаясь с близкими: «Мы свое отжили. Береги детей». По словам В. С. Образцовой, отец перед уходом на фронт собрал домочадцев и благословил их с иконой в руках, а дети в семье были крещеными [4, с. 3, 30].

В каждом интервью легко найти слова о том, каким образом начало войны изменило привычный уклад жизни населения. Ежедневно все ждали новостей о развитии боевых действий и весточек от родных, ушедших на фронт. Женщины отмечают, что в военные годы

писали и получали только «бодрящие» письма, в которых старались поддержать близких как на передовой, так и в тылу. В районах, находившихся под угрозой оккупации, учебный год для подростков в сентябре так и не начался или учеба прервалась в октябрьские дни из-за закрытия школ по причине размещения госпиталей, отъезда педагогического состава. С приближением противника к Калинин у люди в близлежащих районах каждый день наблюдали зарево от пожаров в областной столице, производившее гнетущее впечатление и резко усиливавшее чувство тревоги; видели падение самолетов в поле и бежали посмотреть поближе, подгоняемые сильнейшим любопытством [1, с. 4; 2, с. 2; 5, с. 8; 6, с. 19; 8, с. 2]. Во время авианалетов жители самостоятельно искали укрытие, и иногда односельчане подолгу спасались в оврагах, накрывшись чем придется, например одеялами [3, с. 6]. Семьям приходилось заботиться о размещении на ночевку проходивших мимо красноармейцев [1, с. 7; 8, с. 2]. Всех этих ситуаций не могло быть в довоенной жизни.

Некоторые женщины и девочки в полной мере прочувствовали ужас войны, находясь в госпиталях. Р. В. Овсянникова вспоминает, как к зданию госпиталя подъезжали грузовики, в которых раненые лежали вперемешку с мертвыми, а с кузовов капала, а иногда ручейками стекала кровь: «Привезут, разве все разберешь, что в крови там все, кишмиш...» [5, с. 2, 4]. Там, где проходила линия фронта, жители собственными глазами наблюдали смерть не только вражеских, но и советских военнослужащих, что превращалось в настоящее испытание: «В доме, где мы были, человек 30 раненых, и на моих глазах три солдата умерли раненых. Мы с сестренкой и двое братишек моих видели, как они умирали, они стонали, молодые. Это уму непостижимо. <...> Вот что такое война» [3, с. 10]. Две женщины рассказали, сколь тягостное впечатление на людей произвела бомбежка фашистскими летчиками переправы через Волгу, которую возвели отступавшие красноармейцы, разобрав для этого полы и потолки в домах колхозников: «И когда они построили переправу, начали перебираться, в это время налетел самолет, всю эту переправу разбомбил, все солдаты, большинство, погибли. Много солдат погибло, все машины утонули, продукты утопили» [3, с. 4, 5].

Рассказы очевидцев помогают составить представление о том, как происходил в сельской местности процесс эвакуации. Образное и меткое описание дает П. С. Лабазникова: «Подогнали трактор „фордзон“ с прицепленной молотилкой, погрузили документы мы, и тракторист поехал в эвакуацию. Он не отъехал и трех километров,

как его трактор с молотилкой начали обстреливать. Обстреляли, ну он испугался, все это бросил, и молотилка с трактором всю войну простояла на месте, где она остановилась. <...> Руководящие работники стали в колхозах брать лошадей, грузили на телеги свои вещи и хотели эвакуироваться. Но их настигали немцы, всё это бросали они и бежали... и лошади ходили с вещами этими без их управления, всё это было растеряно» [7, с. 5]. Остальные женщины подтверждают, что если колхозный скот и технику из прифронтовых районов местами успели вывезти, то об эвакуации людей речь не заходила.

Интервью с женщинами, пережившими период оккупации, содержат немалое количество подробностей, которые помогают лучше представить реалии повседневной жизни населения при нацистском управлении. Уточним, что войска противника вошли на территорию западных районов Калининской области в июле 1941 г. Появление военнотружущих вермахта в деревне В. Н. Спасская описывает так: «Они соскочили с этих, с мотоциклов, и сразу же стали стрелять в кур. <...> Стреляют, а куры поднимаются вверх, летят перья... У другого дома немец тащит поросенка за ногу маленького, которого купили на зиму... держит за ногу, а другой стреляет. Вот такое было состояние, что мы не знали даже, что делать» [7, с. 10]. У В. С. Образцовой сохранились схожие впечатления: «Я помню, как они в мешок гусей закидывали, заламывали им головы, около порога в нашей избе, и пихали в мешок, вот я это в первый раз и видела» [4, с. 5].

Первые и последующие действия агрессоров резко контрастировали с бытовавшими среди части населения представлениями о немецком народе как культурном и цивилизованном: «Они тащили вещи, которые мы уже давно забыли про них, на чердаке которые лежали, в подвале которые лежали... <...> У нас некоторые зарыли свое имущество... Вот то, что они выкопали, из всех вот это, шмотки, у нас за домом было такое большое это, территория, ну ровная, садился самолет, и они отправляли посылки. Каждый себе брал, отправлял, и мы всегда удивлялись: как это за границей, все говорили — хорошо живут, а наши тряпки... отправляют туда. Мы вот это все в то время удивлялись. Как же так? Все говорили, богатые такие страны, богатые такие страны, и вдруг такие шмотки отправляют» [7, с. 10, 11]. С наступлением морозов внимание захватчиков оказалось буквально приковано к теплой одежде и обуви: «Конечно, они у меня все тряпки обобрали, все у нас, все в Германию посылали, одежду. Я ходила на работу картошку немцам чистить, а на поясе у меня привязаны

две простыни, иначе они могли это взять. У меня шаль такая была теплая, я ее подвязывала вместо юбки» [3, с. 12].

Интервью отразили развитие отношений между жителями и вселившимися в их дома оккупантами. В лучшем случае хозяева вытеснялись на кухни и в кладовые, дети большую часть времени проводили за печами и на печах, которые захватчики постоянно топили для приготовления пищи. Жителям приходилось идти на различные хитрости, чтобы скрыть от оккупантов продукты и уцелевший скот, но часто все усилия оказывались безрезультатными. Кроме привычной агрессии и презрения, немцы могли проявить минимальное сочувствие к детям, подарить им сладости или нехитрые сувениры, поздравить и рассматривать их, иногда со слезами, очевидно, вспоминая в этот момент собственные семьи. В. С. Образцова отмечает, что «немцы тоже разные были», особо выделяя «старых немцев», которые способны были поделиться продовольствием. Она же упоминает о двух эпизодах, когда немцы спасли жизнь советским гражданам. В первом случае проживавший в доме немец посоветовал переодеть подростка в женскую одежду и представить его девочкой, сославшись на поступивший негласный приказ о расстреле мальчиков выше одного метра ростом. О второй ситуации она узнала от брата, угнанного во время отступления нацистов. При попытке сбежать по пути он увидел, как сопровождавший военнотрудовой пошел в нагрудный карман, и был уверен в близкой смерти, но вместо оружия немец достал кусок хлеба и отдал парню, допустив побег [4, с. 7, 25, 31, 32].

Несколько неожиданными для интервьюера оказались слова информантов об отношении населения к людям, выполнявшим обязанности старост при оккупантах. Женщины говорили о них спокойно, не забывали упомянуть о случаях, когда старосты выручали односельчан в трудных ситуациях. В. Н. Спасская подтвердила, что отношение окружающих к старостам осталось прежним, как и в довоенные годы. И тут же добавила, что гораздо больше ее задевало поведение переводчика — «высокого, красивого русского парня», который пошел служить немцам. Через десятилетия она спрашивала сама себя о том, какие причины подтолкнули его к такому решению [7, с. 18, 19]. Особой деликатности требовало обсуждения с собеседницами вопроса о том, как менялись во время войны взаимоотношения внутри семей и в более широком кругу родственников. Например, для увезенных насильно в Германию из оккупированных районов возвращение обратно в родные места несло не только радость, но и необ-

ходимость адаптации к новым условиям, изменившемуся отношению окружающих, иногда к неожиданному приему со стороны родных людей. Кроме этого, интервью отразили множество деталей, которые сложно было бы найти в иных источниках.

В заключение следует отметить, что в ходе бесед все участницы, словно договорившись друг с другом, проводили параллели между прошлым и современностью, выражая большую обеспокоенность и разочарование произошедшими в последние десятилетия изменениями в обществе, и особенно в межличностных отношениях. Женщины часто обращали внимание на то, что в военные годы люди проявляли намного больше сочувствия, открытости, доброты и взаимопомощи, а также ответственности за свою страну, чем современные граждане и руководители. Неравнодушие, активная жизненная позиция информантов вызывают уважение. Возвращаясь к вопросу о перспективах устной истории, еще раз подчеркнем, что потенциал исследований в этом направлении представляется значительным, результативность же будет зависеть прежде всего от ресурсов, доступных современным ученым, и их умения извлечь из рассказов свидетелей событий минувших лет новую информацию, отсутствующую в других источниках.

Источники

1. Из личного архива автора. Воспоминания З. П. Барышниковой.
2. Из личного архива автора. Воспоминания Н. А. Курчавой.
3. Из личного архива автора. Воспоминания П. С. Лабазниковой.
4. Из личного архива автора. Воспоминания В. С. Образцовой.
5. Из личного архива автора. Воспоминания Р. В. Овсянниковой.
6. Из личного архива автора. Воспоминания В. И. Разыграевой.
7. Из личного архива автора. Воспоминания В. Н. Спасской.
8. Из личного архива автора. Воспоминания В. П. Юдиной.

L. A. Bolokina

Oral evidences of witnesses of the Great Patriotic war events as primary source

Tver State Technical University, Tver, Russian Federation

Summary. The article analyzes the data of interviews with the Kalinin region residents who were bystanders of the Great Patriotic war events. The article represents 8 interviews with woman from different district including those under temporary occupation. The key topics were human relations, behaviors at occupation, sentiments and feeling developed by the informants during the war. Their recollections made it possible to reveal new details of everyday life during the Great Patriotic war. **Keywords:** *Great Patriotic war, interview, Kalinin region, oral history.*

Бондаренко Лилия Анатольевна

Травмирующее воздействие войны и адаптации детей Сталинграда

*Волгоградская станция детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Волгоград
Российская Федерация*

Аннотация. Статья написана на основе анализа устных интервью, взятых у «детей военного Сталинграда», и посвящена практикам выживания гражданского населения, прежде всего детей, в воюющем Сталинграде. Жизнь на территории города в период Сталинградской битвы проходила в режиме адаптационных практик выживания: приспособивались жить в условиях постоянной бомбежки, голода и антисанитарии. Голод заставлял использовать в пищу просоленные шкуры животных, павших и домашних (кошек, собак), грызунов (сусликов, крыс), городских птиц, траву, глину (сладковатый сланец). Обычно добытчиками еды и воды в семье были подростки. Антисанитария являлась причиной болезней и смерти. Наиболее уязвимыми были самые юные: младенцы и маленькие дети, погибавшие от отсутствия материнского молока, истощения и инфекций. Наряду с адаптацией к голоду, холоду и антисанитарии у детей происходили психические трансформации: по словам информантов, «нормальных не было». Почти ежедневное столкновение с гибелью людей в результате бомбардировок, артобстрелов, перестрелок и др. обесценило человеческую жизнь в глазах подрастающего поколения — как чужую, так и собственную. Сформировавшийся феномен «отсутствия страха смерти» проявился в многочисленных случаях гибели и увечий мальчишек в послевоенных играх с боеприпасами, спойном отношении к гибели сверстников. Выживанию детей помогли мирские и семейные традиции. Более защищены были дети, у которых были семьи, родственники; большую роль играла взаимопомощь соседей, друзей и случайных людей, в том числе и военных. Опыт выживания был востребован и после освобождения Сталинграда при возвращении жителей в разрушенный, начиненный боеприпасами город со следами войны — непогребенными трупами, отсутствием городских коммуникаций, воды и пищи. **Ключевые слова:** *устная история, «дети военного Сталинграда», питание, голод, болезни, психические трансформации, взаимопомощь.*

Музей «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда» уже несколько лет записывает интервью с людьми, пережившими войну в Сталинграде. Эти воспоминания позволяют получить информацию о повседневной жизни обитателей города и Сталинградской области в предвоенный, военный и послевоенный периоды. Респондентами выступают прежде всего люди с хорошей памятью, неплохо говорящие и к тому же обладающие разнообразным жизненным опытом. В период войны они все были детьми, в большинстве своем 5–11, реже 12–17, 2–4 лет. На сегодня получено более 30 многочасовых интервью. В статье использован материал, собранный музеем, интервью, опублико-

ванные в 2014 г. в сборнике «Дети и война»¹ [7], рукописные воспоминания «детей военного Сталинграда» из фондов музея.

Восприятие войны детьми Сталинграда имеет особенности, связанные прежде всего с тем, что эти люди поневоле оказались участниками крупномасштабных боевых действий, ареной которых стал город, где они проживали. Этапные события и периоды этой военной жизни таковы: бомбардировка Сталинграда 23 августа 1942 г., оккупация города немецко-фашистскими захватчиками, депортация населения, пребывание в сортировочных лагерях (прежде всего в самом крупном близ Белой Калитвы), выживание в оккупации, освобождение Советской армией, возвращение в разрушенный Сталинград, выживание после возвращения². Информанты были участниками не всех этих событий: их семьям могло повезти уехать в эвакуацию до или после бомбежки, они могли не уйти из города и остаться в воюющем Сталинграде, проживать в неоккупированном южном Кировском районе города, могли вернуться в Сталинград уже после окончания войны и т. п. Несмотря на это, в основных чертах и даже деталях рассказы опрашиваемых совпадают и позволяют описать довольно типичную картину повседневной жизни населения в период Сталинградской битвы.

В столкновении с войной изменялась обыденная жизнь и детей и взрослых, происходило приспособление к существованию в радикально изменившейся реальности. Адаптации сталинградских детей к условиям войны, сложившимся практикам выживания уделено много внимания в коллективной монографии «Детство и война...» [10]. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть отдельные сюжеты, дополняя картину, созданную авторами монографии: как население выживало, оказавшись под чудовищной бомбежкой, как спасалось от голода, как выживало в условиях войны и разрушенного города, какое воздействие война оказала на юных сталинградцев.

Определяющее влияние на формирование гражданским населением Сталинграда особого восприятия войны оказала массированная ковравая бомбардировка города, начавшаяся 23 августа 1942 г. и продолжавшаяся несколько дней. Война для жителей сразу приоб-

¹ Сборник стал одним из итогов проекта РГНФ «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны». Исполнителями проекта явились сотрудники Южного научного центра РАН и Волгоградского государственного университета.

² Подобный ряд «важнейших временных маркеров» перечислен в монографии «Детство и война...» [10, с. 100].

рела особый жуткий запах: «Первый запах войны – пожарище и этот запах жареного мяса» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 62]. «А вот когда налеты и бомбежки 23-го начались, вот тут страшное дело. Грохот страшный, вой страшный! ...Вой, запах гари. И, видимо, не всех эвакуировали, мама рассказывала, что выбрасывались оттуда (из госпиталя. – Л. Б.) с матрасами со второго этажа. И запах гари и человеческих тел – до сих пор он остался» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 71].

Уже в этот первый короткий период пребывания на войне жители выработали наиболее рациональное поведение в условиях постоянной бомбежки: «Тогда каждого ждала смерть. Сидели, читали молитвы. Была договоренность: если кого из соседей в окопе закопало, то соседи раскапывают. Принимали смерть как должное» (Овчинникова З. Н., 1931 г. р.) [7, с. 41]. Глубокое впечатление произвело на респондентов первое столкновение с гибелью человека, затем избыточность окружавшей их смерти переставала пугать и вызывать страх. Смерть окружающих, дальних и близких, стала неизменной и обыденной составляющей новой реальности: «Город сгорел, а бомбежка продолжалась каждый день. Каждый день! Чего уж долбили, кого долбили... Никто уж, конечно же, не верил, что останется живой, потому что это было настолько страшно...» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3]. «Жили мы в постоянном ожидании смерти. Кругом страсть что происходило: эти выстрелы, бомбы» (Белкина Е. Б., 1934 г. р.) [7, с. 205], «...Когда нас мама послала на переправу... мы идем – впереди нас люди идут. Смотришь – хлоп – от осколка... то этот упал, то этот свалился...» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3]. Информанты практически не говорят о переживаемом ими горе, вызванном смертью близких. «Вот вырыли могилку, а там налеты-налеты, налеты-налеты... Боялись самолета, как вот бросят бомбу одну на улицу, на следующую... знали, что вот мамина бабушка плохая лежит, и бегом-бегом и говорят: „Вы несильно зарывайте, потому что мама плохая у меня“. А то рыть же надо заново. И они бегом. И бабушку бегом хоронили, чтоб на кладбище не нести. Прироют так, потом дедушка плохой стал, тоже прирыли. И вот 9 человек в одной могиле» (Суховерова (Крицкая) Т. В., 1936 г. р.) [7, с. 99]. Страх у детей вызывала не сама смерть, а причины, приводящие к ней: бомбежка, пожары, взрывы, горящая Волга, гул самолетов, выступавшие огромными жуткими и безжалостными силами: «...самым страшным тогда была не смерть бабушки. Нет! Я еще в то время бабушку не осознала, что ее разнесло... Для маня самый страх был, когда всё горело! Ведь немец шел, и он после себя всё сжигал! Понимаете? Он зажигал... Когда всё

горело, всё гремело! Взрывы! Вот это для меня было очень страшно!» (Никогосян Р. А., 1936 г. р.) [7, с. 242]. «...первую бомбежку и умирающего солдата я запомнил навсегда. Но умирающий солдат как-то по-другому... а бомбежка меня задавила этим страхом. И я лет до 10, до 15 кричал каждую ночь» (Головин Ю. М., 1940 г. р.) [1]. Собственное спасение и спасение близких вверялось уже силе высшей и не зависящей от окружающей реальности — многие информанты говорят о чтении молитв во время бомбежек и артобстрелов: «Вокзалы горелые, стреляют. Мы бежим, мать говорит: „Молитесь, молитесь». Мы же татары, мы по-своему...“ (Козловская Н. Х., 1937 г. р.) [7, с. 234]. «Мы не знаем, как мы выжили. Господь нас спасал» (Суховерова (Крицкая) Т. В., 1936 г. р.) [7, с. 101].

Практически ежедневное столкновение детей со смертью, по всей видимости, обесценило для них человеческую жизнь как таковую и собственную в частности. Отсутствие страха лишиться жизни была свойственна очень многим мальчишкам военного времени: «Мы были мальчишки, нам что? Нам было интересно. Бомбы падали, а мы бегали (ну не под бомбами), искали осколки. Они такие красивые — рваный металл — прятали за пазуху. Животы были все потерянные. Но приносили домой, прятали. ...Приносили эти осколки, а еще эти свистюльки... было интересно! ...Мама пошла, открыла, а там — немцы. Человек 5–6, не больше. Мы особо и не испугались. Понимаете, испугаться мальчишке сложно... Ну что, ну солдаты... Они ведь ничего плохого не сделали. Они только бомбили...» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 62]. «Мы были любопытные дети, и уже особо мы не боялись. Мы по вою и по гулу моторов определяли, наш или немец. Если наш, мы выскакиваем, в лужах, в пыли играем. Как слышим, так раз — опять, как мыши, в эту щель» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 71].

Губительное бесстрашие мальчишек особенно ярко проявилось в освобожденном Сталинграде: «В 1943 году очень много ребят погибло — снаряды разряжали. ...Другое было занятие: забил патрончик в землю, закопал, насыпал землички, достал гвоздик, отошел. Камушком — раз, он — шварк там, в земле. Вынимаешь — а он развернутый. ...Зачем снаряды разряжали? Ну, вы понимаете — дети. Подростки видели ужасы, а дети все-таки — дети... не боялись... А маленькие-то мы тоже не понимали, и сколько ребят погибло! Сколько ребят погибло на Мамаевом кургане в 1943–1945 годах! Не берусь сказать, что каждый день были похороны, но почти. Ребята ходили купаться, там были нефтеналивные баки, про которые говорили, что они горели. Там весь металл от Волги. ...Очень много ребят погибло в Волге. Ны-

ряют — железки, железки, железки. Или зацепился трусами — и всё. Очень много ребят погибло после войны. Это только то, что я знаю, а еще же погибали на Лысой горе и в районе Рассошек, в районе Кузьмичей... Когда мы ходили с бабушкой на бахчи, на Хорошева трамвай ходил. Тут трамвай, а тут пешеходная дорожка, и вот в 1943 году туда идешь — ничего, а оттуда идешь — смотришь, череп торчит, то нога торчит или рука торчит: как завалило, так и лежат. По другой дорожке идешь — нету, в следующем месте есть. Вот такая война жуткая была, что там говорить» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 66].

Пережитые ужасы войны самым жестоким образом отразились на нервной системе и детей и взрослых и на психическом состоянии многих. «Меня посадят на кровать, а я сижу, молчу. Кажется, что там, под кроватью, немец сидит. Боюсь ноги опустить — вот до чего была напуганная. Хозяйка так глянет: ребенок не спит, не скулит, ничего. Говорит: „Слушай, дочка-то твоя говорить хоть умеет?“» (Рахимкулова Х. Х., 1937 г. р.) [7, с. 228]. «Мне сначала всё снились бомбежки, обстрелы. Потом стало забываться» (Клочкова Л. С., 1937 г. р.) [7, с. 233]. Оценку одного из респондентов «нормальных не было» (Головин Ю. М., 1940 г. р.) [1], относившуюся ко взрослым мужчинам, вернувшимся с войны, можно распространить и на детей, переживших бомбардировку в Сталинграде. Но дети с возрастом, приобретением другого жизненного опыта и новых переживаний частично преодолевали эти разрушительные последствия войны. У взрослых такого шанса практически не было.

Переживание детьми очень сильного страха могло быть вызвано другими причинами, нежели угроза немедленной смерти: «Больше всего я боялся потерять мамину руку. <...> Потому что действительно все дети этого боялись. Только бы не потерять руку. Ни за подол, и ни за что другое — руку. Вот прямо так сжимаешь...» (Коняхин К. В., 1934 г. р.) [7, с. 47]. Боязнь потеряться была сильнее страха смерти, что было свойственно больше всего детям младшего возраста. Инстинктивно они понимали, что их выживание, их мир неразрывно связаны с взрослыми — их родными: «Смотришь в глаза матери и бабушки, и вот только на них смотришь: всё, как они реагируют, и ты так» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 74]. Потерявшиеся дети, оставшиеся круглыми сиротами, были обречены без помощи взрослых. Более того, выживание взрослых также было делом коллективным. Практически все воспоминания содержат упоминания взаимопомощи, прежде всего родственников, затем соседей, попутчиков, посторонних людей, в том числе и военных, как своей армии, так и армии захват-

чиков: «Люди и выживали за счет того, что друг друга поддерживали» (Головин Ю. М., 1940 г. р.) [1]. «Мама рассказывала: „Поеду к своей маме в деревню, а она мне мешок муки даст. Вот привезу, потом уйду на работу. Прихожу с работы, а бабушка кричит: „Люська, иди быстрее, а то все блины поедят!“ Напечет сразу на всех, и на соседей“. «И вот здесь мама и еще одна женщина кровати стацили, печку сложили, еще один стол, и всё» (Зайцева Н. Н., 1936 г. р.) [7, с. 267].

Важнейшей частью опыта жизни в условиях войны, фактором, ставшим причиной перенесенных тяжелейших душевных и физических страданий, был голод: «Главное для детей моего возраста — это был голод. Есть было нечего. А так не боялись...» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 66]. Поиски или добыча еды в военном Сталинграде былоодной из главных забот жителей города.

Бомбардировка Сталинграда 23 августа 1942 г. разделила жизнь его населения на «до» и «после». Прежде всего была разрушена система, обеспечивающая продовольствием, и жители принялись искать всё, что можно было употреблять в пищу. Сначала направились на пищевые предприятия, магазины и склады, хотя это было сопряжено с серьезными трудностями, часто — риском для жизни: «Есть, конечно, нечего: это горелое зерно, которое собирали на элеваторе. Причем запретили брать. Охранник стоял, не пускал. Наш охранник тогда еще стоял, до прихода немцев. Считалось, что это мародерство, тыловые крысы» (Мамонтов В. И., 1936 г. р.) [7, с. 31]. «А нам удалось или купить, или выменять, или просто утащить, потому что тогда это тоже процветало. Магазин разбит, ну а все же валяется, оно же ничье. Что же ты будешь смотреть на это и ждать — простите, а можно взять баночку?» (Коняхин К. В., 1934 г. р.) [7, с. 47]. «Иногда магазин разбомбит — побежим: успеем, значит успеем... С сестрой ходили на элеватор через весь город! Там горело зерно... А всё время была бомбардировка, из-за Волги наши стреляли из катюш... Ходили на кондитерскую фабрику за патокой. Цементированные ямы и в них патока... Такое безобразие было... Кто-то патоку набирает, а ее как набирать? Руками или чем-то... А остальные сзади хотят и сталкивают прям в эту патоку людей... Ходили мы с Марией (старшей сестрой. — Б. Л.) на ликеро-водочный завод. Это на Пархоменко... И там стояли чаны. Они были наполнены спиртом... Эти чаны... огромные металлические были пробиты, и из них спирт вытекал прям фонтанчиком маленьким. А люди... кто мог, на плечи друг другу становились, туда залазили и ведрами или там чем черпали, а кто нет — под струйку подставляли ладошки и пили, кто

не так пристроился, то пили прям из фонтанчика... а кто не мог — напился и падал. А там уже ручеек из этого спирта — там долакивал. Уже безысходность такая, отчаяние у людей. Набрали мы ведро спирту. Спирт мы меняли, если могли. Кто из магазинов утащил там крупу или муку — меняли иногда на пол-литра спирта. Это редко было» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3]. «Когда все это загорелось, крыша спиртохранилища улетела. Когда подожгли, сняли охранение, и народ с ближайших улиц, с Медведицкой, с Совнаркомовской, кто мог, бежали с ведрами, с коромыслами через нас в спиртохранилища. Этот спирт брали, на себя прыскали, огонь летел. Люди бегут, спина горит, руки горят. Я так думаю, много кто погиб» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 63]. «...Ходили на кондитерскую фабрику. Когда шли, бомбежки были, буквально чуть ли не по трупам шли. Оттуда патока яблочная была. И вот стояла четверть у нас в щели. Приходили немцы... поедят, наберут... Мы, дети, сидим, смотрим. На консервный завод ходили. Там стояли не отправленные еще составы. ... Запах этих консерв горелых я помню, зерно с элеватора. Вот и всё — больше ничего» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 71–72]. «То раз пошла — какая-то кондитерская фабрика... а там стояла цистерна с патокой. Ну и, значит, каждый лезет кушать, и она туда — и столкнули, и упала. Хорошо, по грудь было — и вот ей ведра подают, а она, значит, ведрами подает эту патоку, а потом сама. Вытащили ее, и каждый ее вот так вот лижет» (Топольскова Е. Я., 1933 г. р.) [7, с. 244]. «Тетя Неля кричит маме: „Дуська, бежим! Хлебзавод грабят!“ <...> Они схватили, что у них было, какие-то мешки, и они туда направились. ...Набрала мама муки. И у нее были какие-то две или три бутылки, она даже масла набрала растительного. И вот они с тетей Нелей возвращались. И он налетел, конечно, и всех расстреливал на этой горе, не выпускал оттуда никого. Я маму ждала до глубокой ночи. Они пришли с тетей Нелей. Из муки, которую она принесла, мы потом выгребали пули» (Стрельцова В. И., 1935 г. р.) [7, с. 116].

Употребляли в пищу павших животных, прежде всего лошадей: «Лошадей было много убитых. Если свежая, только убитая лошадь — разделявали там ее. Хоть кусочки какие!» (Шаталова М. Г., 1938 г. р.) [8, с. 94]. «Если лошадь убило, если успел ее кто-то разрезать, что-то тебе досталось» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3]. «Когда кончились эти запасы (мука с хлебзавода. — Л. Б.), мама какую-то варила воду и туда мамалыгу, клёцки, что-то там делала. Населению не давали никто ничего с самого начала зимы, это была блокада. Там сразу объявили 25-го числа, что город в кольце, и всё — никто населением не за-

нимался. <...> Где взять еды? Ну, всё уже выгребли. Всех кошек переели, всех собак переели. Крысы все исчезли, ну, ничего не было абсолютно. Малейшее, что двигалось, всё съедено» (Стрельцова В. И., 1935 г. р.) [7, с. 117]. «Питались мы коровьим кожным сырьем, за которым ходили на железную дорогу, где стояли платформы, нагруженные этим кожным сырьем. ...Резали ее на куски. Волос на ней палили в печке, потом варили. Получался суп. Пока он был теплый — был суп, а когда остывал, получалось что-то похожее на холодец, но он был не прозрачного цвета, а закопченного, черного» (Зимин К. Д., 1930 г. р.) [6].

В пищу использовались всевозможные растения: «Во дворе у нас росли помидоры. Сначала мы съели красные, потом мы съели зеленые, потом мы всю ботву помидорную поели, потому что есть было больше нечего, и запасов у нас никаких» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3]. «...Мама горчицу вымачивала, лепешки делала. Они горьковатые были, но мы ели. Потом она чакан на Волге рубила. Зимой она ходила. И вот этот чакан терла и делала тоже лепешечки маленькие. Они были пресноватые. Мы ели» (Суховерова (Крицкая) Т. В., 1936 г. р.) [7, с. 99]. «Мы пошли по огородам частного сектора, все кочаны капусты поели» (Говоркова Л. К., 1927 г. р.) [7, с. 164]. «Мы собирали лебеду, солодик. Лебеду собирали по берегу Волги... Желуди собирали, потом их кололи и мололи на самодельной мельничке, сделанной отцом. Также собирали паслен, из которого делали лепешки» (Таранов А. В., 1938 г. р.) [7, с. 170].

Очень часто основными добытчиками были дети: «Дети занимались поисками еды» (Казменкина И. К., 1928 г. р.) [7, с. 161]. «Мы с братом ходили по огородикам за лебедой, поздником, за лохом... какие-то жалкие зелёные помидорчики принесешь, еще смородиновые листочки для чая» (Мамонтов В. И., 1936 г. р.) [7, с. 31].

Собирание отходов и попрошайничество перестали быть зазорными, как раньше, когда сталинградцы наблюдали беженцев: «Дети и подростки очень грязные, голодные, в ободранной одежде, бабки, если одинокие, в каких-то лохмотьях ходили по квартирам и на улицах просили милостыню. Рылись в ларях для мусора и отходов, где всё пересыпано было хлоркой. Там можно было подцепить разную заразу и заболеть дизентерией или тифом брюшным. <...> Им подавали то вареную картофелину, то корку хлеба, то сухарь, то сырую морковь, то горсть пшеничной каши или даже просто овес» (Сурова И. М., 1936 г. р.) [5]. Теперь в таком же положении оказались сами сталинградцы: «...Там была немецкая столовая, а рядом была воронка, в которую они выкидывали кожурки от картошки. Кожурки, конечно,

морожены. Я набирала их украдкой, и мы лепешки делали. Нам казалось, что это как пирожные» (Говоркова Л. К., 1927 г. р.) [7, с. 164]. Аналогичной была ситуация и в неоккупированной южной части города: «...Был недалеко от нас госпиталь Волжской военной флотилии, мы бегали туда собирать картофельные очистки, их и ели, варили из них похлебку» (Таранов А. В., 1938 г. р.) [8, с. 170]. «Сроду не думала, что буду побираться. Плясала еще потом» (Сафьянова О. И., 1931 г. р.) [7, с. 209]. «Дошло до того, что однажды мама нас отправила милостыню просить по селу» (Воронцова Е. И., 1931 г. р.) [7, с. 221].

Измученные голодом дети производили пугающее впечатление на людей более или менее сытых: «И вот этот Крикливый¹ входит в дверь, в руках у него — блюдо большое, а в блюдо наложено соленая капуста с огурцами... а мы на полу лежим... расстелили... Одно одеяло было, одно ведро, одна кастрюлька и одна кружка... Как увидели эту капусту соленую там... ох... Видимо, глаза у нас, как у диких зверей, загорелись... Он испугался. Он тогда на пол поставил это блюдо, и мы поползли на четвереньках к этому блюду... и руками в рот... И всё это у нас сыпется, а мы всё ущемаем... Так хотелось соленого, а десны кровоточат, опухшие десны — соли совсем ведь у нас не было...» (Сенина З. А., 1927 г. р.) [3].

Поиски еды оставались одним из главных занятий мальчишек и после окончания боев как в Сталинграде, так и в других местах, освобожденных от оккупантов: «...Там было поле боя. Мы пацанами лазили там по полю, шерстили-шустрили по этим рюкзакам у убитых. <...> Там попадались ножнички, попадались иголки, коробки со сливочным маслом, которые закручиваются. Это было противно, но необходимо» (Коняхин К. В., 1934 г. р.) [7, с. 48]. «Мы лазили, где аэропорт наверху, карьер был, выходили туда, выливали сусликов, воробьев ловили, всё, что движется, как говорится, это было наше. Значит, лох (мы называли масленкой) цвел. Потом по садам ходили. Вот сколько нам там было лет? Мы все это в трусах в одних исходили, излазили. Игрушки делали из белой глины, лепили паровозики, человечков. А из коричневой глины — это у нас был шоколад, мы его сосали, сланец этот» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 75]. «Тогда только началась капуста, я это хорошо помню, ее зеленые листья. Ну и крапива. Мы сами собирали мешками крапиву, и это все нас кормило» (Казменкина И. К., 1928 г. р.) [7 с. 161]. Продолжали использовать отходы консервного завода и через год после освобождения города: «Мы с бабушкой ходи-

¹ Фамилия директора плодоовощного завода в Средней Ахтубе.

ли с киркой или с лопатой на консервный завод. Там было много отходов: морковь, свекла, картошка и листья капусты. Мы кирками отбивали и на санках привозили домой. Дома это растает, мы помоем, пропарим и едим. А больше ж нечего было есть. Вот консервный завод нас выручал» (Калтыпина В. И., 1934 г. р.) [7, с. 127].

Постоянный голод заставил выработать и более бережный способ потребления хлеба, позволявший наслаждаться каждой крупинкой: «...Нас же учили как: чтобы ты, когда ел, ты щипал этот хлеб, не кусал, ты его щепоточкой бери и ешь» (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 75].

Употребление в пищу грубой сырой грязной пищи приводило к расстройству пищеварения: «...Часто натыкались на людские испражнения с неперевавленными, цельными зёрнами от несварения желудков. Это было у многих. Этим страдала и я. Человек пристраивался там, где ему приспичивало, и эти явления не были чем-то из ряда вон» [8, с. 203].

Пришедшая в город война изменила все стороны жизни людей, в том числе их жилища и места обитания: «Люди жили в оврагах, в пещерах, где резиденция, там был овраг, на Голубинскую он выходил. В оврагах этих воду брали, там и трупы... ну кипятили же» (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 66]. Антисанитария была повсеместно: «А где же туалет? (в сортировочном лагере на территории птицесовхоза близ Белой Калитвы. — Л. Б.) Туалет один, а птичников-то где-то 9–10 больших, а количество людей там сколько тысяч! И трава густая. „Вот, — говорят, — в траву и ходите“... У людей была дизентерия — это антисанитария полнейшая. <...> К уборной подойти нельзя. Люди ходят, топчут... пожилые люди в основном. Потом идут, падают... Вы не представляете! Как скот» (Силантьев В. Н., 1935 г. р.) [4]. «Мама посадила нас куда-то (в Белой Калитве, в птичнике. — Л. Б.). Мы сидели... Ну там, ой... страшное дело рассказывать. Там же всё заледеневшее... и кучи... тут... умершие. Мы все сидели тут... Немцы заходили и расстреливали. Увидит, кто такой вот уже плохой... И тут же они все лежат. И тут мы сидим, и тут кормят ребенка рядышком грудью... Дети умирали, которые рожденные были в 40-м, наверное, году. Маленькие совсем. <...> Я знаю. И тут же умерли. И тут же оставляли» (Дубовик (Карпова) Л. Я., 1935 г. р.) [2]. «Ну и загнали (в птичник. — Л. Б.), а там трава колыхалась от вшей» (Рахимкулова Х. Х., 1937 г. р.) [7, с. 227]. «А блох столько было, везде же трупы, кровь, ужас (в освобожденном Сталинграде. — Л. Б.)» (Воронцова Е. И., 1931 г. р.) [7, с. 223].

Антисанитария, голод и холод стали причинами гибели большинства младенцев и детей младшего возраста: *«У многих родственники, знакомые были в деревнях, и все ушли туда. Некоторые даже похоронили своих маленьких детей в дороге»* (Говоркова Л. К., 1927 г. р.) [7, с. 164].

Угроза потерять все свое имущество вызвала к жизни повсеместно распространенную практику прятать наиболее ценные вещи, зарывая их в землю: *«...И люди от того, что скоро придут немцы, стали прятать свои вещи, ямы рыть, прятать»* (Кузнецов Б. Б., 1937 г. р.) [7, с. 70]. Большинство этих тайников было обнаружено сначала мародерами, затем захватчиками и жителями города, искавшими возможности выжить в воюющем оккупированном городе. Когда началась депортация населения из Сталинграда, жители старались унести с собой как можно больше оставшихся вещей, надеясь, что они могут быть обменены на продовольствие: *«Женщины на себя надели все что можно: платья, кофты»* (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 63].

Возвращение в освобожденный город происходило «налегке»: население в подавляющем своем большинстве утратило все свое имущество, кроме того, что было на себе. Оно также было изношено до крайней степени. Хотя какие-то вещи чаще всего добывали в развалинах жилых домов и в блиндажах поверженного врага: *«А мама ходила на уборку трупов. Мы тоже бегали, но нас, пацанов, туда не больно подпускали. В районе, где Семь ветров, Жилгородок – я видел издалека – складывали бревна-трупы и поджигали. Это немцев, а наших закапывали. Но, наверное, всяко было. Эпидемии боялись. Дело в том, что это была весна 1943 года, тепло. И польза была для жителей Сталинграда, для женщин, которые этим занимались. Там же с блиндажей всё это вытаскивать надо было. А там – хорошие немецкие одеяла, одежда. А у нас же ничего не было. Мы, мальчишки, бегали, куда могли, собирали парашютики от ракет: шелк и батист. И разряжали семилетние пацаны... – собирались двое пацанов, раскачивали снаряд, мин я боялся, мины никогда не трогал. Раскачивали снаряд, выкручивали взрыватель, а там порох – печку разжигать. А ещё порох в шёлковых мешочках... мать [из них] шила. А если кто парашют там находил – вообще богатство – шили платья»* (Гусев А. И., 1935 г. р.) [7, с. 64].

Каким бы масштабным ни было сражение, для ребенка оно съживалось до пространства и событий, постигаемых его чувствами. Война, прошедшая через судьбы совсем юных жителей Сталинграда, запечатлелась в их памяти как бесконечная борьба за выживание их

самых, близких и окружавших их людей. Сталкиваясь с гибелью человека как явлением обыденным, дети не могли не видеть, как мало ценна жизнь человека, как легко ее мог забрать любой желающий. Беззащитность человека на войне была прочувствована каждым из них. Война неизменно была связана со страданиями и унижением, вызванными потерей жилища, имущества и изгнанием. Абсолютно через все воспоминания о войне проходит тема голода, они практически неразрывны. Пережитое в детстве неизбежно отразилось на последующей жизни этих людей: навсегда были подорвано здоровье, как физическое, так и психическое, исказились ценностные ориентации личности: была значительно снижена ценность жизни, как чужой, так и своей собственной.

Источники и литература

1. Аудиоинтервью Головина Ю. М., 1940 г. р. Интервьюер Бондаренко Л. А. Место проведения – г. Волгоград, музей «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда». Запись 04.10.2016. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
2. Аудиоинтервью Дубовик (Карповой) Л. Я., 1935 г. р. Интервьюер Бондаренко Л. А. Место проведения – г. Волгоград, квартира респондента. Запись 23.06.2017. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
3. Аудиоинтервью Сениной З. А., 1927 г. р. Интервьюер Бондаренко Л. А. Место проведения г. Волгоград, квартира респондента. Запись 30.05.2011 г. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
4. Аудиоинтервью Силантьева В. Н., 1935 г. р. Интервьюер Бондаренко Л. А. Место проведения – г. Волгоград, квартира респондента. Запись 22.05.2014. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
5. Аудиоинтервью Суровой И. М., 1936 г. р. Интервьюер Бондаренко Л. А. Место проведения – г. Волгоград, квартира респондента. Запись 10.06.2015. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
6. Воспоминания Зимина К. Д. Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
7. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой; Юж. науч. центр Рос. акад. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.
8. Пожедаева Л. В. Война, блокада, я и другие...: Мемуары ребенка войны. СПб.: КАРО, 2015. 416 с.
9. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина и др.; Юж. науч. центр Рос. акад. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.

L. A. Bondarenko

Traumatic impact of war and adaptation observed in the children of Stalingrad

State-Funded Educational Institution for Supplementary Education "Volgograd Station of Juvenile Tourism and Excursions", Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is based on the oral interviews with the "children of military Stalingrad" and describes survival practices of civilian population and, first of all, of the children living in the besieged and warring Stalingrad. Life in the territory of Stalingrad during the Battle of Stalingrad was centered on adaptation practices of survival: people had to adapt to living under constant bombing, in the grips of hunger and insanitary conditions. Hunger forced them to eat salted animal skins, fallen animals and family pets (cats, dogs), rodents (ground squirrels, rats), city birds, grass, clay (sweetish mudstone.) Adolescents were typically the main providers for their families.

Insanitary conditions were the cause of many diseases and deaths. The youngest citizens were the most vulnerable: babies and toddlers would die from the lack of breast milk, inanition and insanitary. The need to adapt to cold, hunger and insanitary conditions led to psychological transformations as well. As described by the informants, "there were no completely sane people." The everyday struggle with death due to bombings, artillery fire, street fire, etc. depreciated human life (both their own and that of the other people) in the eyes of the young. The established phenomenon of "lack of the fear of death" manifested itself in the numerous cases of post-war boys dying and injuring themselves by playing with ammunition, or in children's unnaturally calm reaction to the deaths of their peers.

Survival of children was aided by worldly and family traditions. The children that had families and relatives were the better protected ones; and a great role was played by the mutual help between neighbors, friends and casual acquaintances, including the military. Survival experience continued even after the liberation of Stalingrad when people returned to the ruined city, replete with ammunition and the vestiges of war — unburied bodies, lack of proper city communications, shortage of food and water. **Keywords:** *Oral history, "children of military Stalingrad", nutrition, famine, diseases, psychological transformations, mutual help.*

Матлин Михаил Гершенович

Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья¹

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности устных рассказов сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде в 1941–1945 гг., записанных от женщин, бывших матерями в годы ВОВ, женщин, реже — мужчин, бывших детьми в годы ВОВ, и женщин и мужчин, родившихся после войны. Проанализировано 43 устных рассказа данной тематической группы от людей разных поколений в разных населенных пунктах, выделен ряд повторяющихся и устойчивых мотивов. Показаны особенности нарративов разных поколений. В частности, отмечено, что рассказы детей войны часто представляют собой повествование об одном, обычно наиболее ярком событии, свидетелями которого они

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-14-73003 а(р).

были. Отмечено, что важным и малоизученным аспектом исследования устных рассказов о голоде во время Великой Отечественной войны являются способы трансляции этого опыта последующим поколениям, и приводятся некоторые примеры воспроизведения этих нарративов. Делается вывод, что устные рассказы сельского населения о голоде в военную пору представляют собой важный исторический источник и биографический нарратив, раскрывающий поведение человека в экстремальной жизненной ситуации, традиционные повседневные практики, которые использовались им для своего физического и социального выживания, и также результат вербализации жизненного опыта. **Ключевые слова:** *устный рассказ, голод, мотив, нарратив, Ульяновское Поволжье, Великая Отечественная война.*

Устный рассказ сегодня находится в центре внимания многих социальных и гуманитарных наук. Так, например, в современной исторической науке в последние десятилетия значительно вырос интерес к устной истории, «являющей собой и самостоятельную научную дисциплину, и метод исследования, и вид исторического источника», а также «новый тип исторических исследований, основанных на устных источниковедческих материалах, получаемых в интервью и записываемых на магнитофон или любые другие носители памяти» [10].

Уточняя такое определение устной истории, Т. К. Щеглова писала, что она подходит «к изучению исторической действительности через „человека в истории“, „историю изнутри“, что «в устных исторических источниках наибольший интерес представляют все же не сами факты, а их оценки, представления о них, а также социокультурная, этноконфессиональная, ментальная и психологическая информация, отраженная в эмпирическом опыте человека – участника исторических событий, явлений, процессов» [19, с. 42–43].

Поворот к устной истории в форме биографий, или *life-story*, как отмечал П. Томпсон, было характерно и для социологии: «Since the 1970s there has been a reaction within sociology itself against the predominantly statistical methodology in survey analysis, and a return to *life-story* interviewing in the field which has brought sociology closer to oral history» (С 1970-х гг. в социологии произошел поворот от статистического метода в анализе опросов к интервью в форме «истории жизни», что поставило социологию ближе к устной истории) [3, p. 79].

Сегодня большинство социологов считают биографический метод наиболее продуктивным в исследованиях. Как отмечает Е. Ю. Рождественская, он «охватывает способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелей о жизни с точки

зрения тех, кто эту жизнь прожил». Важно также и то, что «вербализация воспоминаний происходит в форме рассказов, которые представляют жанровые надьиндивидуальные формы в ауре определенной культуры воспоминаний» [14, с. 31], причем гендерные и возрастные различия информантов определяют разные типы текстов. Это различие выражено во всех культурах и требует анализа этих текстов с позиции отношения индивидуальной и групповой памяти, когда мужские рассказы, например, имеют большие включения фактов, сохраненных в групповой и социальной памяти, чем женские [1; 2].

Этот метод также может быть назван «мультиметодологическим подходом, развивающимся в этнографии, социологии и психологии», который «направлен на исследование „истории“ индивидуальной жизни человека, с акцентом на субъективные представления индивида о своей жизни и социальной реальности, выраженные в форме индивидуально-субъективного повествования» [6, с. 30].

Важно и то, что именно биографический метод позволяет исследовать человеческое содержание культуры, в результате чего «объектом исследования становится личность в культурном контексте. Без осмысления биографий, их сущностного и личностного контекста любое исследование культуры становится схематичным набором идей и концепций, теряет тот импульс, который необходим для понимания духовных процессов» [6, с. 37].

Особое значение для понимания специфики устного рассказа имеет нарратология, определяемая как «теория повествования» [18, с. 9]. Повествование же представляет собой «отбор отдельных элементов (ситуаций, лиц, действий) и некоторых из их свойств», в результате чего создается история, имеющая начало и конец и обладающая «определенным количеством событийных элементов и их характеристик» [18, с. 162].

С точки зрения нарратологии нарративы – «это основной способ придания смысла человеческим действиям через организацию кажущихся несвязанными и независимыми элементов существования в единое целое; <...> они организуют наши переживания во времени, упорядочивают события и действия в единый, связный временной образ или сюжет» [15, с. 61]. Являясь «дискретной единицей текста с четким началом и окончанием» нарратив характеризуется тем, что в нем, во-первых, повествование «специально организовано вокруг последовательных событий», а во-вторых, «значим сам контекст повествования (позиция рассказчика, конкретная ситуация рассказывания, присутствие слушателя и т. д.)» [15, с. 69].

По-новому стремится подойти к этому жанру современная российская фольклористика. Эта новизна обусловлена прежде всего отказом от традиционной филологической или искусствоведческой трактовки фольклора, господствовавшей в науке в течение почти всего XX в. Существовавшие теории предусматривали в качестве главного критерия фольклорности наличие эстетической (художественной) функции, например в виде «тенденции к художественной интерпретации» [7, с. 11] или принадлежность «произведения к сфере общественного сознания» [5, с. 164]. Поэтому собственно устные рассказы рассматривались подавляющим большинством исследователей как «материалы для анализа истоков развития процесса фольклорного творчества», как «начальные стадии фольклорного процесса» [8, с. 139], лишенные или почти лишенные художественности и не представляющие «общественного интереса» [5, с. 164]. Только преодоление этих канонов, утверждение понимания фольклора как «явлений и фактов вербальной духовной культуры во всем их многообразии» [12, с. 24], как «совокупность структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны» [17, с. 303], как особой формы устной речи, характеризующейся стереотипностью [4, с. 4], позволило выработать новые подходы и к анализу устного рассказа. Примером такого исследования могут служить работы И. Веселовой, в частности ее анализ современной городской стереотипной достоверной прозы. Исходя из общих принципов структурной нарратологии и прагматического анализа речевых высказываний, ею «был выработан алгоритм описания и анализа современных нарративов»: «Процесс «осюжетивания» можно схематично представить следующим образом: от неделимого жизненного континуума (1) к выделению и отбору событий – фабула (2), связыванию и экзегезе событий – сюжет (3), наконец, к материализации в конкретно данной нарративной форме (4)» [9].

Особое внимание фольклористов, историков, а в последнее время и социологов занимает сбор и анализ устных нарративов как биографического, так и небιοграфического типа о событиях Великой Отечественной войны. Важность изучения таких нарративов обусловлена тем, что «личный опыт долгое время был не востребован официальной политикой памяти, поэтому он был замещен высокопатриотическими размышлениями о славе и мужестве советского воина» [13, с. 5]. Сложны и полисемантичны нарративы об этих событиях, ведь повествуя о них, человек «так или иначе использует язык современности, его нарратив несет информацию как о прошлом (в частности,

о периоде войны), так и о настоящем (времени проведения интервью). Зачастую информант вплетает в рассказ информацию из официальных источников, средств массовой информации. Такие слои текста устного интервью преследуют несколько целей. Апелляция к общеизвестным фактам, рассказы о героях войны призваны придать большую значимость рассказу информанта, усилить его роль в войне. Также такие мини-рассказы говорят о работе государственной идеологии, о влиянии и присвоении коллективной памяти о событиях прошлого на индивидуальном уровне» [13, с. 5]. С точки зрения особенностей наррации устные рассказы, в которых воплощается память человека об экстремальной ситуации в жизни, характеризуются такими особенностями, как «двойная перспектива времени рассказывания, конструктивизм воспоминаний, влияние ситуации рассказывания и интерактивность процесса рассказывания» [14, с. 82].

Но если все же фиксация нарративов о жизни и смерти на фронте началась сразу после окончания Великой Отечественной войны и так или иначе велась вплоть до сегодняшнего дня, то устные рассказы о жизни в тылу долгое время были вне поля зрения. Но ведь, как справедливо писала Т. К. Щеглова, «актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной» [19, с. 231]. Ею же намечены узловые темы таких исследований: «о питании и способах лечения детей в экстремальных условиях, о способах адаптации к условиям военного времени и выживания, о ролевой переориентации женщины в производственной и общественной жизни тыловой деревни», а также такие сюжеты, как «получение сроков за невыполнение трудовых или, например, судимость на основе указа о колосках, наказания за опоздания на принудительные работы, за спекуляцию, за кражу зерна на току для голодных детей и т. д.» [19, с. 232].

Запись нарративов о Великой Отечественной войне, в том числе и о жизни в тылу, началась в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И. Н. Ульянова в 1975 г., когда была проведена первая фольклорно-этнографическая экспедиция. Однако долгое время это происходило во многом попутно, ведь главной целью собирательской работы тогда были классические формы и жанры традиционной культуры и фольклора. Принципиальные изменения начались примерно в начале 1990-х гг. Именно в это время происходит существенное изменение не только в понимании фольклора,

но и в определении объекта изучения полевой фольклористики. От филологической установки на фиксацию текста с описанием некоторых наиболее общих моментов его бытования (как правило, в полевом дневнике) полевая фольклористика, осваивая социологические, культурологические принципы и методы изучения процессов и явлений, переходит к исследованию функционирования фольклора в конкретной субкультуре. Это обусловило особый интерес к живым процессам в сфере современной традиционной культуры — современной свадьбе, родильно-крестильным и похоронно-поминальным обрядам, народной врачбно-магической практике, детской субкультуре в целом.

Изменилось изучение и фольклорной традиции в сельской местности. Главным направлением работы все больше становилось выявление духовной этнической традиции как целостной системы в жизни отдельного человека. Эта задача определила и методику записи, при которой фиксировался не фольклорный текст в узком смысле этого слова, а биографический рассказ о событиях личной жизни, впечатлениях и переживаниях, связанных с жизнью близких людей, односельчан, в которых воссоздавалась система представлений, верований, обрядов и ритуалов в данном ареале. Работа с одним человеком в этом случае позволяет выявить «включенность» каждого члена коллектива в традицию, характер эмоциональных переживаний, с ней связанных, а также восприятие традиции индивидуальным сознанием. Цели и задачи полевых исследований определили достаточно узкий круг информантов, с которыми проводились беседы собирателей. Однако подобная методика оправдала себя, так как позволила выявить широкий контекст локальной духовной этнокультуры, актуальность которой осознается всеми без исключения рассказчиками.

Особенно ярко это проявилось в двух тематических экспедициях, посвященных фиксации устных рассказов (нарративов) о Великой Отечественной войне (1994–1995). Важность и особая значимость записи подобных рассказов, как писала об этом М. П. Черденникова, обусловлена тем, что «устная история Великой Отечественной войны создавалась на протяжении нескольких десятилетий после окончания войны, однако те, кто о ней рассказывал, для властных структур и исследователей оставались „молчаливым большинством“» [16, с. 5]. Она же отметила особый тип общения студентов и рассказчиков именно в этих экспедициях. Дело в том, что в них участвовали студенты, которые раньше уже работали в этих селах, поэтому рассказчики и слушатели знали друг друга, так что во время за-

писи не студенты задавали вопросы, а с вопросами, пожеланиями к своим молодым собеседникам чаще обращались рассказчики. Вот с каким, например, жизненным пожеланием обратилась к молоденьким девушкам одна из рассказчиц. «Щас вот красота. Я вот говорю вам-то, молоденьким: „Хоть бы не было войны только. Не пострадали бы вы, хоть бы жили!“» [16, с. 7]. В подавляющем большинстве случаев рассказчики не ограничивались во времени, рассказы не прерывались вопросами, а запись часто давали потом прослушать их авторам. Да и сами рассказы, как правило, представляли собой не повествования об отдельных случаях, драматических моментах фронтовой жизни, а развернутые биографии людей, в которых сплетались в единое целое память о прошлом, его сегодняшнее понимание и оценка, рожденные прожитой жизнью.

Первым итогом проделанной работы стал сборник устных рассказов о Великой Отечественной войне «Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в селах Ульяновской области в конце XX – начале XXI в.», подготовленный профессором, ведущим научным сотрудником НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина, руководителем научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» УлГПУ им. И. Н. Ульянова. Треть его составляют нарративы о жизни в тылу во время войны. Работа по фиксации данных текстов продолжается и по сей день, правда, теперь главными информантами являются уже не фронтовики и их жены, а те мужчины и женщины, для кого военные годы – это годы их детства.

Таким образом корпус текстов, который хранится в архиве НОЦ, представляет собой весьма разнородный материал по методу собирания: это тексты, записанные попутно в процессе беседы с информантами по различным вопросам по традиционной культуре и фольклору региона; это тексты, записанные в процессе целенаправленного опроса по темам, связанным с жизнью в тылу в годы ВОВ; и, наконец, это биографические интервью, сконцентрированные на военных годах. Различны и информанты: женщины, бывшие матерями в годы ВОВ; женщины, реже – мужчины, бывшие детьми в годы ВОВ; женщины и мужчины, родившиеся после ВОВ. Различны и формы фиксации этих рассказов: письменное изложение рассказа (на первом этапе, когда звукозаписывающая техника практически отсутствовала), стенограмма рассказа с сохранением наиболее ярких особенностей разговорной речи, в том числе ее диалектных особенностей.

Как показал анализ 43 устных рассказов о голоде в годы Великой Отечественной войны, записанных на территории Ульяновского Поволжья от людей разных поколений в разных населенных пунктах, они включают в себя ряд повторяющихся и устойчивых мотивов, которые представляют собой «стереотипные исторически сложившиеся содержательные единицы», обладающие «конструктивными сюжетообразующими свойствами, обеспечивающими логику повествовательного движения» [12, с. 156].

Среди основных мотивов в устных нарративах о голоде можно выделить следующие:

- голод как доминанта жизни во время войны;
- истощение и опухание от голода;
- смерть от голода;
- еда, заменившая привычную пищу;
- корова-кормилица;
- тяготы материнства;
- тяжелый труд;
- непосильные налоги;
- добывание продуктов (обменом, продажей, отработкой);
- нищенствование;
- воровство зерна;
- уголовное наказание за воровство зерна.

Отдельно необходимо отметить сентенции по поводу голода, которые выражают отношение рассказчика к событиям или связывают пережитое прошлое с временем рассказывания и часто адресуются собеседнику или интервьюеру (фольклористу, этнологу, историку и т. п.). Приведем в качестве примера одно из интервью, записанное в с. Большая Кандарть Карсунского района Ульяновской области.

«Наши сестры были – траву ели. Остались четверо. Они страдали. Сестры страдали. А мне не пришлось. И корова была. Раз поехала с золовкой на мельницу, и она заболела: „У меня в животе что-то“. А у меня две юбочки. Одну скидываю. А мы везем хлеба. Отсыпаю в юбочку, завернула кулька четыре, сбросили в крапиву. Сама дрожу. Вечером поздно отнесла. Она упала в ноги: „У меня нет ничаво“. Она этим две недели жила. Вот они страдали. Но сберегли всех ребят. Если бы не помощь, то не знаю, как.

Сестра ездила торговать солью, табаком. Поехали со снохой за солью, доехали до Уржумска. Рассказывала: едем, ночевать никто не пускает: „Идите дальше“. Пришли: „Сени отоприте, пустите ночевать“. – „А где положить?“ – „Ну, где-либо“. А у них дров нет. „Вы нам

сварите картошки“. Взяли сварили пшеницу — прутиков нашли. Сварили похлебку. Доехали. Пришли на квартиру, около Свяги избеночка. Нам ее [соль] принесли. Мы меняли на деньги. Привезли пять пудов. Хотели по три пуда, но не досталось. Разделили сестрам. Одна после стала ездить. Помаленьку делили.

Собирали наши, которые не имели сочувствия. Нет чувств хороших, хоть и свои. „Дай!“ Нам не приходилось эдак. И когда у нас брали, пришли за коровой в колхоз, мама уехала за лошадью. Нам говорят: „Выведите ко двору“. Мы не даем: мамы нет. Страдал народ. Последний пуд могли взять, вещь нужную. У нас это брали, чаво надо [что хотели]. М-вы, М-ев Николай.

Хлеб возили ни лошадах. Приехала сестра из Вешкаймы: „Дайте лошадь до Вальдиватского доехать“. Мама говорит: „Поезжай, довези“. Я поехала. А лошадь умная. Мне одиннадцать лет. Меня в тулуп завернули. Доехали до Вальдиватского, я зёвать из тулупа: «Вы куды же меня?» — „Сиди, мы в Карсун поедем“. Мужчина там был — лошадь под уздцы. „Чаво?“ — „Да вот говорили, что до Вальдиватского, а сами в Карсун“. Он говорит: „Айдате в сельсовет доедем“. Сельсовет так же распорядился. Меня с тулупом сняли, а лошадь забрали. Лошадь ночевала в Карсуне. А я с тулупом пока доехала [с чужими людьми]. А мама плакать — волнуется: давно должна приехать. Потом лошадь отдали.

Картошку в поле рыли. Нам бы по ведру, а мы — по два. Председатель остановится днем. Соседка кричит: „Идет!“ Мы с золовкой — в рожь. Перевернулись: „О-о-о!“ Чуть не удавилась. „Николай Александрович! Я ведь чуть не удавилась, а ты ходишь по нашим гумнам“. Пришли жать, а колосок зеленоват — не поспел. Председатель подъезжает: „Почему жнете?“ А мы молодые, зеленые. „Лиза велела — говорит, в снопах дойдет“. Ей три года дали [тюремного срока].

Золовка взяла [зерно] в завиток, в волос(ы), в платочек. Ее записали, но она назвалась не своим именем. А полевод знает, что она — Лукьянова. А у кого [зерно] было в рукаве — по два года дали.

Больше помирали те, у кого не было коров. Спасались только так. Ну, и давали им [голодающим], отрывали от свояво. Жалко ведь, все-таки давали. Мы и хлеб несли, с картошкой мешали. У нас картошка родилась. Возьмем в поле хлеб, четверо едят, а семь не едят, смотрят. Решили: „Давайте не брать!“ И оне говорят: „Вы не стали брать, нам легко стало“. А делить если — ни то ни се...» (1989; с. Большая Кандарать Карсунского района; Лукьянова О. Г., 1916 г. р.; Чередникова М.).

Несколько иной ракурс открывается в рассказах тех, кто был в эти тяжелые годы ребенком. В основе их нарративов – обычно наиболее сильные события, свидетелями которых они были, так что эмоциональное потрясение определяет своеобразие их устного рассказа. Так, например, одним из самых сильных потрясений для них становились мучения, а порою и издевательства сборщиков налогов над их матерями. «Это было ужас, как они относились варварски к нашим матерям. Вот. Это просто варвары... относились они... они сами себя только... наслаждались. Наслаждались. Я все говорю... что это было. Я прям плакал, забирался на них, на шею. Вот, чтобы они мать мою не терзали, ее грудоньку. Вот. Это варварски отношение. Говорит мать, что Христа ради, я поеду в воскресенье на базар, продам последнее это... все, что у меня есть, и я вам заплачу налог. Да. А оне... А у нас был патефон, ни у кого еще в селе... мало... даже у кого было в селе это – патефон. Тогда, в то время коломенский завод, самый хороший завод... патефон был. Вот. И вон они пишут все имущество, описывают, патефон забирают, всё забирают, и всё... ага.

Я подхожу и вот так... В такие мои юные года. У меня уже нервная система, выработалась нервная система. А почему она выработалась? Потому что перед моих глазах мать мою терзают, всё отбирают, имущество переписывают и увозят. Вот.

И вот у меня, значит, был дедушка – мово отца отец. Да. И вот он тогда... А он прямо рядышком жил. Да. Это всё это он услышал. Да. Что это там за шум, и чаво. И берет бадика, бадика железны. Да. А их двое приехало. Значит, женщина, я великолепно ее, хорошо знаю, она теперчи... Господи, так неудобно говорить, простите, конечно, нас, господи... она уже померла. Померла. Ну, бог с ней. Хорошего никто об ней не вспоминал. Вот. Да. Только об плохом... И мужчина, это мужчина из района. Вот. Я ево так лично знаю, всё и сейчас, недавно... не знай, помер, не знай, нету. Вот. Тут уже прошло... мне уже пятьдесят пятый год пошел. А яму уж, наверно... помер давно. Ну, и вот, значит, подошел: „Эх вы, – говорит, – подлецы! Вы что делаете? Вы что у несчастной бабенки всё это... отбираете всё, а? Смотрите: перед вашими глазами малюточка плачет. Она вас уговариват, что я продам в воскресенье, на базар поеду, продам всё последнее и заплачу этот... вам налог. Вот и всё“. „Уходите, – говорит, – всё равно уж помирать-то, вот я уж, – говорит, – отжил, вот, я сейчас вам воткну в живот-то. И пусть меня везут и судят за то, что я за справедливость... Вы что? Немцы, – говорит, нас грабят. Ага, вот так вот, издеваются над дитями малыми и над всеми женщинами. И вы

еще приняли это... грабить...» Ага. Вот. И оне, значит: „Ладно, ладно, вот. Не будем. Только чтобы в это воскресенье деньги были. И всё“. „Давайте, уходите, – говорит, – из избы“. Вот. И вот они ушли. Ушли. Я вышел. Они сели на тарантас и поехали – на лошади. Я говорю: „Ну, слава богу! Мамочка! (Цалую ее, мать-то, вот это.) Да. Мам, ты Христа ради, мол, это, как воскресенье будет, мам, ты поедешь на базар, мам, последнее маслице, мол, продай. Всё продай, мол. Не надо. Мы как-нибудь. Вот... И чтобы к нам не привязывались больше. Вот. И она, правда, вот дождалась, накопила это маслице, всё, поехала на базар, вот... всё продала и рассчиталась с ними, с долгами, с налогом этим».

Казалось бы, здесь заканчивается эта страшная история, которая разрешилась более или менее счастливо для рассказчика и его матери. Но она не могла не вызвать даже в ребенке вопроса: как примирить такое отношение к матери, к детям и суровые, но, по общему признанию, оправданные и справедливые требования военного времени? Так формировалось уже тогда ставшее особенно важным в конце жизни, перед лицом нового поколения, внеличностное видение и понимание этой ситуации.

«А тогда ведь всё брали: картошку, нам оставалась вот такая картошечка, а крупную туда отдавали – государству. Но мы отдавали, мы знали для чаво отдаем. Мы отдавали для своих отцов, матерей туда, на фронт, чтобы уж были продукты, чтобы наши воины не дорожили никаким этим делом, не померли с голоду, всё отдавали, что от нас требовали: и шерсть, и молоко, и мясо, и яйца. А тут уже стали мы жить всё же боле-мене подходяще. У нас вон и овечки были» (1987; с. Потьма Карсунского района; Генералова А. Ф., 1927 г. р.; Туганова В., Купчик О.).

Перекликается с этим рассказом и такие, в которых женщины, пытаясь спасти умирающих от голода детей, крали горсть зерна, но попадались, и их судили. Кого-то приговаривали к реальным срокам, кому-то посчастливилось получить только условный. Но даже это порою не спасало детей от смерти, а суд, являя собой торжества закона, реально становился прежде всего средством запугивания других.

«Была у нас младшая сестренка, она больно уж болела с голоду. Всё на ней были такие болячки, всё. Маленькая она была, наверное, года четыре. Но а мать-то пошла в это время просо жать. А жали-то серьпом. Вот, а она в балакирь, такой балакирь был из-под молока, налила воды и понесла в поле попить с собою. Хлеба-то нет, а

только возили, чтобы попить. Ну, и в этот горшок натачала проса она, чтобы хоть эту маленькую девочку (она уж совсем помират, вся в болячках). Ну, вот какой-то бригадир ее там с этим горшочком поймал. И ее в Карсун, маму нашу. Посадили вот за этот горшочек. И сидела вместе с этой сестренкой. Она маленькая была, она ее с собой. Ну, вот в Карсуне-то они до суда просидели. Ну вроде здесь начали ходатайствовать насчет мамы, чтобы ей у нас в клубе показательный суд устроить. И вот ее привезли с сестренкой. Ну, и вот мы пошли, значит. Маму привезли. Жалко, мать есть мать. Привезли нас – мы все к маме. Ну, вот ее тут оцепили, в этом клубе-те. Начался суд. Ну, тут уж я не помню, кто был председателем, кто чаво. Ей дали тогда какие-то условные, чаво ли. Ну, тут и наша мама вся и больная, в болячках, и всё на свете, с этой сестренкой пришла. А у этой сестренки вот вывалились болячки, туда вот – и ямка на этом месте. И до самого, как говорится, что она умерла, конечно, чаво у нее было... Всё отравлено. Она так и померла. Она не двигалась, ей лежать нельзя было, мама ее держала всё. Сидели там до суда, наверно, месяца три, а мы брошены на произвол судьбы, бегали по деревне: гдк калачик – вот цветочек калчик-то растет, где столбунцы, где кислинки, где козлецы какие-то. А чаво? Куда пойдешь? Кто даст? Ни у каво не бало» [1987; с. Большая Кандарать Карсунского района; Дерябина К. В., 1924 г. р.; Чередникова М. П.].

Важным и малоизученным аспектом исследования устных рассказов о голоде во время Великой Отечественной войны являются способы трансляции этого опыта последующим поколениям. Дело в том, что, в отличие от устных рассказов ветеранов-фронтовиков, с которыми они начиная с 70-х гг. XX в. стали регулярно выступать перед детьми и молодежью, нарративы женщин оказались не востребованы обществом, а порою и в семье они не очень охотно говорили об этом со своими детьми («вообще-то не люблю об этом говорить»). Поэтому главными каналами их воспроизведения и передачи стала семья, художественная литература и, как это ни покажется странным, полевая работа фольклористов и этнологов, ибо она характеризовалась, особенно в тематических экспедициях, более интимной и личностной коммуникацией между учеными, студентами, которые были, как правило, гораздо моложе собеседников, и сельскими жителями. Поэтому часто именно им а рассказчицы дрсовали свои сентенции, эмоции, а ответная реакция молодых людей, вербальная или невербальная, «не только объединяла участников коммуникации, но создавала в рассказе особую временную перспективу, при которой

настоящее воспринималось как продолжение прошлого. Благодаря этому эффекту коммуникативной ситуации вектор времени в устных рассказах направлен не только назад – от настоящего к прошлому, но и вперед – к будущему» [16, с. 7].

Следующее интервью интересно тем, что о жизни во время войны рассказывает женщина, которая родилась через много лет после ее окончания. Такие свидетельства, во-первых, показывают, как глубока и прочна память о тяжелых годах, во-вторых, раскрывают один из естественных и спонтанных способов передачи памяти и одновременно создания нарратива, в-третьих, обозначают традиционный механизм хранения опыта использования дикорастущих растений в пищу – использования ее детьми в качестве своеобразной пищевой экзотики.

А не слышали рассказы от мамы, как ей в войну приходилось детей вытаскивать? Есть-то ведь нечего было? «Когда война началась, у нее была одна только дочка Вера. Мужа взяли на войну, и его там убили. Прямо в первый год убили. И потом она похоронку получила. Но она в это время не бедствовала. Она говорила, у нас была корова, и она (дочь. – М. М.) была у меня одна. А вот у ее брата, Большова... у него было пятеро. Они, говорит, все отекали, после войны отекали – все эти ребятишки». *От голода?* «От голода. Чё мы только не рвали! И траву, говорит, всю порвали. *Не помните, как она называется?* «Кановики, и щавель, и, знаете, даже вот из этой вот, смотрите, торчит, бисерь, что ли? – они лепешки делали». *Это какой бисерь?* «Да вот торчит в картошке. Да, вот это – бисерь. Это по-нашему так-то». *Показываю траву: это бисерь?* «Да. Они пекли лепешки из него». *А как из него пекли лепешки?* «Как-то вот так мяли и пекли». *Т. е. семечки добывали?* «Наверное. <...> А потом еще мы когда картошку весной, копаем огород, и выкапываешь картошку старую. И вот она такая вся... которая сохранилась, которая – вот один крахмал остался. „Дайте-ка, дайте-ка мне“, – мама говорит. Мы и набрали штук пять. Она ушла. Приносит на другой день нам эти лепешки. „Это была у нас самая лучшая еда“. Из этой гнилой картошки она напекла. Сергей, муж, откусил, выплюнул и говорит: „Мам, это есть невозможно!“ – „А мы ели, выживали“. *А кановик – какой он? На что похож?* «Кановик... как щавель вот такой. И там с кислинкой такой». *А у него узкие листья или широкие?* «Я бы не сказала. У него как у перезревшего щавеля листья, только побольше». *А там у него только листья ели или стебель?* «Я не знаю, что у него ели. Но вот они у него всё съедали. <...> Его знаете как еще называют – кон-

ский щавель!» *А вы его в детстве тоже пробовали?* «Конечно». *Он кисленький? У него листья кисленькие?* «Нет. Берут обычно вот этот, стебелек, молодой. Сейчас-то его есть не хочется». *А листья отрывали?* «Да». *А еще какие травы в детстве ели?* «Белоголовики. <...> Паслин вот этот черный ели. Бзнига по-нашему. Белоголовики, кановики, щавель, столбунцы от щавеля». *А в столбунцах что ели? Корни?* «Нет, столбунцы – это щавель (конский. – М. М.) цветущий» (Торпыгина Н. К.).

Обобщая, можно сказать, что устные рассказы сельского населения о голоде в военную пору представляют собой важный исторический источник и биографический нарратив, раскрывающий поведение человека в экстремальной жизненной ситуации, традиционные повседневные практики, которые использовались им для своего физического и социального выживания, и также результат вербализации жизненного опыта.

Литература

1. Ely R., Mercurio A. Special Section: New Perspectives in the Psychology of Time: Time perspective and autobiographical memory: Individual and gender differences in experiencing time and remembering the past // *Time & Society*. 2011. November, № 20. P. 375–400.
2. Fivush R, Haden C. A. *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: developmental and cultural perspectives*. Mahwah, N. J.: Psychology Press. 2003.
3. Thompson P. *Opus Books: Voice of the Past: Oral History (3)*. Oxford, GB: Oxford University Press, 2000.
4. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет: (Белозерская традиция XX века): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09. СПб., 2004. 317 с.
5. Азбелев С. Н. Современные устные рассказы // *Русский фольклор*. [Т.] 9. Проблемы современного народного творчества / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Наука, 1964. С. 132–177.
6. Азимова Н. Жизненная история (life history) как одна из разновидностей биографического метода // *Устная история в Узбекистане: теория и практика*. Сборник материалов конференции. Вып. I. Отв. ред. Р. М. Абдуллаев. Ташкент, 2011. С. 30.
7. Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы: (К общей постановке проблемы) // *Русский фольклор*. [Т.] 13. Русская народная проза / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972. С. 6–19.
8. Барак Л. Г. Об устных рассказах, записанных в последние годы // *Русский фольклор*. [Т.] 13. Русская народная проза / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972. С. 139–147.

9. Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы // Русский фольклор в современных записях. URL: http://folk.ru/Research/veselova_narratolog.php (дата обращения: 20.08.2017).
10. Ковальская С. И. Устная история и новые возможности в изучении истории Казахстана. URL: // <http://www.enu.kz> (дата обращения: 20.08.2017).
11. Путилов Б. Н. Мотив // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. Минск: Наука і тэхніка, 1993. 478 с.
12. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 1994. 235 с.
13. Реброва И. В. Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне //// Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 90–97.
14. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 381 с.
15. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. 2004. № 6–7. С. 56–74. (Социология).
16. Чередникова М. П. От составителя // Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в селах Ульяновской области в конце XX – начале XXI веков / публ. текста [сост. М. П. Чередникова, вступ. статья, коммент. М. П. Чередниковой]. Науч.-исслед. ин-т истории и культуры Ульяновской обл. имени Н. М. Карамзина. Ижевск: ИП Пермяков С. А., 2015. 254 с.
17. Чистов К. В. Фольклор // Культурология. XX век: Энциклопедия / [гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит]. СПб.: Унив. кн., 1998. Т. 2: М–Я. С. 303–307.
18. Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).
19. Щеглова Т. К. Устная история: Oral history: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540400.68 (050400) «социально-экономическое образование». Барнаул: АлтГПА, 2011. 363 с.

Mikhail Gershonovich Matlin

The famine in the Volga region in 1941–1947. In oral stories of the rural population of the Ulyanovsk Volga region

Ulyanovsk State Pedagogical University. I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation

The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17–14–73003 a(p).

Abstract. The article discusses the features of the oral stories of the rural population of the Ulyanovsk Volga region about the famine in 1941–1945, recorded from women who were mothers during the Second World War, women, less often men who were children during the Second World War, and women and men born after the war. 43 oral histories of this thematic group from people of different generations in different localities have been analyzed, a number of repetitive and persistent motives have been singled out. The features of narratives of different generations are shown. In particular, it is noted that stories from war children often represent a narrative of one, usually the most powerful event they witnessed. It is noted that an important and poorly studied aspect of the study of oral sto-

ries about the famine during the Great Patriotic War is the ways in which this experience is transmitted to subsequent generations and some examples of the reproduction of these narratives are given. At the end of the article it is concluded that the oral stories of the rural population about the famine during the war period represent an important historical source and biographical narrative that reveals the behavior of a person in an extreme life situation, the traditional daily practices that he used for his physical and social survival, and also the result verbalization of life experience. **Keywords:** *oral story, hunger, motive, narrative, Ulyanovsk Region, Great Patriotic War.*

Клюева Вера Павловна

Портрет физика в советском интерьере: ограничения и преимущества устной истории¹

Институт проблем освоения Севера, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена использованию методов устной истории при изучении истории советской науки. Рассмотрены ограничения и преимущества биографических интервью советских ученых по сравнению с другими источниками. На примере одного интервью рассмотрены основные сюжеты биографического нарратива. В качестве дополнения привлекаются опубликованные воспоминания. **Ключевые слова:** советские физики, устная история, советский атомный проект, история науки.

Хотел бы написать воспоминанья,
Да мучает единственный вопрос:
А ну коли на все мои старанья
Наложит лапу старческий склероз?
И перевру я даты и детали,
Фамилии коллег, места работ,
И на страницах пламенных скрижалей
Развесистая клюква расцветет.

*А. И. Яшиников,
ветеран атомной отрасли [16, с. 188]*

Введение

Советский Союз во многом был страной наукоцентричной. Это было характерно для всего советского времени, но особенно ярко проявилось в послевоенный период. Причины всенародного уважения к науке очень точно сформулировали А. Генис и П. Вайль: «В глазах общества ученые обладали решающим достоинством — честностью. Она же — искренность, порядочность, правдолюбие. Эпоха де-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-00102).

лала все эти слова синонимами и вкладывала в них мировоззренческий смысл. <...> Общество, постепенно освобождающееся от веры в непогрешимость партии и правительства, лихорадочно искала нового культа. Наука сочетала в себе объективность истины с непонятностью ее выражения. <...> Наука казалась тем рычагом, который перевернет советское общество и превратит его в утопию, построенную, естественно, на базе точных знаний» [3, с. 612–613].

Общественные настроения второй половины 1940–1950-х гг. и начавшаяся холодная война создали нового героя – ученого, создающего оружие и тем самым стоящего на страже мира. И таким ученым мог быть только физик-ядерщик. «Положительная» роль холодной войны в отношении советской физики состояла во многом в том, что власти пришлось признать авторитет научного сообщества физиков и соответственно ослабить идеологическое влияние на них [см. подробнее: 4, с. 102–167]. Таким образом, в стране сформировалось уникальное сообщество, в котором сложился комфортный микромир со своей логикой социального взаимодействия и широкими границами автономии частного интеллектуального пространства. Чувство собственной значимости ученых-атомщиков оказалось питательной средой для формирования автономности мышления и возникновения научного сообщества, отличавшегося от большинства советских людей независимостью взглядов.

Жизнь физиков была окружена романтическим флером. Именно так их видели окружающие. «Их основное дело было вне стен нашего института, в лабораториях, где происходило нечто по-настоящему важное и даже необыкновенное. <...> В жизни ученых, занимающихся ядерной физикой, появилось что-то, делающее их похожими на героев приключенческих романов. Их начинала окружать какая-то таинственность. И то, что внизу, у входа в институт, Арцимовича ждал серый, вызывавший восхищение „ЗИМ“, было совсем необычно. На наших глазах рождалась элита, которую составляли ученые, и прежде всего физики, работавшие над атомной бомбой» [15]. Однако то, как в действительности была организована жизнь советских ученых, остается своеобразной «terra incognita». С одной стороны, для реконструкции повседневности большую роль играют опубликованные воспоминания ученых [см. подробнее 5, с. 413–488], и исследования ученых, занимающихся историей научного знания или социальной историей [см., к примеру, 13, 6], с другой – после антропологического поворота в социальных науках большую ценность приобретают материалы, полученные в результате сохранения «голосов».

Можно назвать два крупных проекта: проект фонда «Устная история» (<http://oralhistory.ru>) и цифровой «Обнинский проект» (<http://obninsk-project.net>) [см. подробнее: 14, с. 154–166], которые во многом ориентируются на методологию социальных исследований, в том числе Oral History. Для широкого круга интересующихся стали издаваться научно-популярные книги из серии «История повседневной жизни», рассказывающие о жизни советских ученых [12].

Ограничения и преимущества устной истории при работе с научным сообществом

Отношение физиков-респондентов к устной истории и к сохранению воспоминаний очень четко выражается в иронических строчках А. И. Яшеникова: «В моем возрасте можно бы писать воспоминания обо всем на свете. Прожил уже больше двадцати пяти тысяч (!) суток, из каждых что-то запомнил, две-три фразы об этом что-то, и уже энциклопедия. Другое дело, что не интересно читать, да и на абсолютную точность не претендую. Я всегда считал, что воспоминания имеет право писать только тот, кто вел дневник» [16, с. 187]. Именно предположение, что это будет никому не интересно, а зачастую и опасения сказать что-то лишнее становятся препятствием для сбора устных историй в среде физиков-атомщиков. Хотя желание рассказать о своем прошлом существует, что и подтверждается большим количеством опубликованных, и, соответственно, отцензурированных „внутренним цензором“ воспоминаний (Большое количество воспоминаний выложено на сайте „История Росатома“: <http://memory.biblioatom.ru>). С. П. Капица в предисловии к книге, основанной на дневниках и воспоминании его матери А. А. Капицы, объяснял, чем вызвано желание сохранить память о прошлом: «...В переломные эпохи особенно возрастает потребность в понимании как недавнего прошлого, так и настоящего. Поэтому, обращаясь к воспоминаниям, читатель надеется таким образом самостоятельно разобраться, что же происходило на самом деле и что происходит теперь» [7, с. 9–10].

При сборе жизненных историй советских физиков приходится решать несколько проблем. Прежде всего нужно убедить ученых в необходимости сохранения своих воспоминаний. И здесь мы часто сталкиваемся с самоцензурой, когда долгая жизнь в режиме секретности заставляет совсем отказываться от разговора либо переходить на темы узкоспециальные, но при этом малозначительные. Единственный способ преодоления такой цензуры – объяснение специфики метода устной истории и биографических интервью, в которых

моменты, посвященные профессиональной и научной деятельности, играют второстепенную роль, а важнее сохранить канву повседневной жизни. Другой проблемой, которая во многом дополняет предыдущую, становится отказ от разговора из-за восприятия своей личности как неподходящей для интервьюирования. Вот отрывок из интервью с физиком Вл. Г.:

«Я-то тут при чем? Я не являюсь фигурой, которая могла бы каким-то образом отражать всё остальное. Я – нетипичный случай, а в чем-то типичный.

Вот это-то и интересно. Типичность и нетипичность – об этом как раз и интересно поговорить.

Я бы только не хотел, чтобы вы смотрели на этот предмет (советских физиков. – В. К.) через меня. Это будет искаженное очень и бедное представление, совершенно бледное» [1].

Наше исследование, посвященное советским физикам-ядерщикам, было в 2015–2016 гг. инициировано НИЯУ МИФИ и затем интегрировано в проект «Кадровый потенциал советского атомного проекта: рекрутирование, мобилизация, внутренние практики». Нашими респондентами стали не только физики – выпускники МИФИ, но и члены их семей. Для самих ученых и их родственников характерна разная подача материала, они обращают внимание на разные моменты жизни, что само собой разумеется. Фрейм личных историй ученых во многом стереотипен, их опорные точки совпадают с биографическими историями других респондентов: детство и школа, сюжеты о взрослении, выбор профессии, рабочие будни, реже семейная жизнь. Отличительной чертой становятся рассуждения о науке, иногда ответственности ученого за свои действия. Следует учитывать, что большинство ядерщиков по своим взглядам были государственниками, воспринимая свою деятельность по разработке оружия массового поражения (работая в атомном проекте) прежде всего как защиту своей страны от возможной агрессии со стороны капиталистического мира. Одновременно с этим они обладали критическим взглядом на тоталитарную систему, существовавшую в СССР, выказывали отрицательное отношение к сложившимся политическим повседневным практикам и не разделяли официальный идеологический дискурс. Именно такую дихотомию и можно отследить через личные нарративы ученых.

При изучении повседневной жизни советских ученых насыщенность информацией в нарративах родственников (прежде всего детей) значительно выше, что объясняется и потребностью рассказать

об отце и его жизни, и отсутствием страха «выдать тайну». Об этом мотиве упоминается и в воспоминаниях А. А. Капицы: «Анна Андреевна начинала свой рассказ о пережитом. Она больше любила вспоминать свою жизнь с Петром Леонидовичем, для нее было главным сохранить как можно больше правдивых и прямых свидетельств. Она хотела в меру своих сил уберечь его биографию от всяческих измышлений и лжи» [7].

В статье будет проанализирован биографический кейс одного из советских физиков – Виктора Михайловича Галицкого (физик, член-корр. АН СССР, годы жизни 1924–1981 гг.), на основе интервью с его дочерью Натальей Викторовной Кремлевой. Чем интересен этот кейс? Прежде всего тем, что позволяет нам сравнить официальную, опубликованную биографию ученого и его личную историю. А официальная биография ученых такого масштаба часто бывает немногословна и рассказывает только о научных достижениях. Наиболее подробная биография Галицкого опубликована в книге «Их дела – слава МИФИ», где рассказано не только о его научных трудах, но и немного о нем самом – не ученом, а человеке [9, с. 31–32].

Советские физики: какими их видят родственники

Биографические интервью различаются по насыщенности и информативности, но нервность личных историй – характерная черта всех нарративов. Так, неоднородность воспоминаний была подмечена составителем воспоминаний А. А. Капицы: «Какие-то воспоминания она рассказывала очень „отточенно“, „подготовленно“, а некоторые довольно продолжительные периоды были почти стерты из ее памяти или она их излагала со значительными неточностями» [7]. Методология устной истории позволяет рассказчику самому определять наиболее важные сюжеты его нарратива. Так, в анализируемом кейсе самыми концентрированными и наполненными подробностями стали сюжеты о семейной истории с рассуждениями о московской интеллигенции; рассказ о работе физиков с примерами их жизни отца и его коллег и учеников. Отдельно мы выделили тему социальной ответственности ученых и их отношение к инакомыслию.

Рассмотрим подробнее наиболее наполненные моменты в интервью. В них рассказывается не только об отце и его научном окружении, не меньше времени посвящено введению в контекст жизни 60–70-х гг.

Введение в контекст. Тезис о том, что большинство личных нарративов начинается с истории семьи, не требует расшифровки.

И это интервью не стало исключением. Оно начинается с фразы: *«Давайте я начну со своего детства и восприятия круга этих людей».*

Рассказ о семейной истории не является структурировано отточенным: сведения о своей генеалогии перемежаются размышлениями о жизни московских интеллектуалов и об обустройстве послевоенного быта.

(1) *«Мы жили в большой коммунальной квартире на улице Грановского, дом 5. <...> Это была огромная квартира, и когда рассказывают всякие страсти про коммуналки — у меня никаких нет подобных воспоминаний, потому что это были очень приличные, очень интеллигентные люди. <...> Нас было около 20 человек в нашей коммунальной квартире. Все равно вся общая атмосфера — она была очень доброжелательная и интеллигентная. И у нас было две комнаты, они были смежно-проходные. В одной комнате был дедушка с бабушкой, а в другой — мама, папа, я и мой брат».*

(2) *«Это все равно советская интеллигенция, когда начинают говорить, что вот, там все уехали, и эти пароходы известные — извините, это всё зависит от того, как вы видите ситуацию. Вот, например, мамы родители — дедушка и бабушка — они в 14-м году, в 1914-м, закончили Московский университет. Бабушка — тот же филологический факультет, что и я, а дедушка — юридический факультет. Но поскольку после революции все законы поменялись, он юристом уже не стал» [2].*

Нужно отметить, что код «интеллигенция» и «настоящая московская интеллигенция» для рассказчика очень важен. Вокруг него, а иногда в оппозицию ему, выстраивается семейное бытописание: воспитание детей, отношения между супругами, материальное vs культурное. Характеристиками интеллигентности выступают полная погруженность в работу и отсутствие материальной заинтересованности.

«На самом деле именно когда ты видишь с раннего детства, извините, ни мата, ни пьянки, а люди работают. <...> Такое, я бы сказала, продвинутое интеллигентское воспитание московское: никакого честолубия, никакой жадности. Всё — книги, [жизнь] от зарплаты до зарплаты. Что один дедушка с бабушкой так жил, что другой. <...> В нашем доме не было ни одной хрустальной вещи, потому что считалось — зачем это, это не нужно. <...> Как-то понимали, что [есть] круг общения и здесь вот так вот принято, а здесь вот так вот не принято. Про деньги никогда не шел разговор» [2].

Другой, не менее важной метафорой является «свобода».

«Понимаете, были семьи, как теперь выясняется – раньше мы этого не понимали, – в которых вот как-то детей чему-то вроде бы заставляли. Нас – никогда. Полная свобода выбора.

То есть вас учили своим примером?

Да, это важно, чтобы было интересно, – это, наверное, самое важное. Про деньги вообще никогда не было разговора, что „кем ты будешь, сколько ты будешь зарабатывать“: <...>

Мы были стеснительными людьми. При этом достаточно уверенные, с одной стороны. В каком смысле уверенные? Понимаете, в душе никогда не было рабства.

То есть внутренняя свобода?

Абсолютная. Иногда даже зашкаливающая, теперь я так скажу. Теперь я вспоминаю, как нам никогда не говорили „ты младше, молчи, и вообще тебя никто не спрашивает“ – никогда таких слов не было. Один раз за все это время, в Новосибирске, когда мы уже буквально до крика с Андреем Михайловичем Будкером насчет чего-то спорили, уже не помню, и он мне сказал: „Да ты просто молодая, ты еще не понимаешь“, вот это был единственный раз. То есть всегда было на равных. И иногда это даже зашкаливало.

Юношеский максимализм?

Наверное, да. Потому что ты ж воспринимаешь – ты такая же, как они! У тебя такое же право голоса, ты всё так же понимаешь, а иногда, может быть, и лучше» [2].

Во многом эти реплики позволяют увидеть, как выстраивалась жизнь в 1950–1970-е гг. и как она обосновывается/конструируется спустя годы. Объяснение контекста жизненного уклада занимает в нарративе много места. При этом респондентка периодически возвращается к каким-то знаковым моментам, проговаривая их несколько раз. В качестве примера можно назвать возвращение к понятиям интеллигенции/интеллигентности.

«Папа работает», или «не было такого – только физика, и больше ничего». Передать «дух и букву» научных исследований физиков-теоретиков очень сложно. Деятельность ученых носила, да и сохраняет до сих пор «эзотерический» характер, зачастую непонятную для посторонних. Об этом, например, рассказывается в воспоминаниях о И. Я. Померанчуке: «Работоспособность его, как мне теперь кажется, была безграничной, причем Исаак Яковлевич был способен работать в любых условиях: в лесу, в телефонной будке, среди гостей и т. д. <...> Он мог писать свои „пси со шляпкой“ за обеденным сто-

лом, в трамвае, везде!» [8, с. 100–101]. О своей одержимости наукой упоминает Ю. В. Конобеев: «...Публика, которая окружала меня, была одержима физикой, у каждого были интереснейшие задачи. Потом уже, когда меня приняли на работу, я возвращался вечером где-нибудь в полшестого; поужинаешь, покрутишься по дому – и обратно в институт. И до полуночи, иногда до часу ночи сидишь на работе... Рядом с главным корпусом потом построили еще один; поздно вечером огни горели всюду, очень многие работали по вечерам. Нас никто не подгонял, просто такая была атмосфера» [10]. Зачастую подчеркивается умение работать в любых условиях, хотя есть воспоминания, в которых работа в ущерб отдыху не одобряется. Л. В. Левшин вспоминает, что его отец (В. Л. Левшин, физик) «все выходные дни и отпуск в основном проводит за письменным столом, стремясь наверстать упущенное в будние дни. Михаил Дмитриевич (Галанин, физик) с осуждением сказал, что считает такой образ жизни неверным. Настоящий отдых необходим, и он всегда старается использовать для этого все представляющиеся возможности [11, с. 45].

О рабочем режиме рассказывает и наша респондент:

«И само вот это выражение „папа работает“ – это было просто железное с самого раннего детства. А так как физики-теоретики очень много работали дома – или они к кому-то ездили, или они к нам приезжали, и довольно рано я уже это почувствовала и поняла» [2].

Однако описаний научных семинаров или дискуссий, конечно, не приводится. Больше рассказывается о том, что оставалось за стенами лабораторий. Например, распространенная метафора «физики и лирики» была совершенно естественной для очевидца событий 1960-х гг.

«И поэтому, когда мы переехали в Академгородок, тут же родители обросли каким-то морем знакомств. Это был союз „физики и лирики“. Это было то самое время. И так как у мамы была знакомая певица оперного театра новосибирского, такая Лена Перель, через нее вышли на всех этих солистов и на Андрея Федосеева. И на балет вышли. Приезжали на автобусе из их города – Никита Долгушин, очень известный балетмейстер, Олег Виноградов – эти все были люди в нашем доме. Из драматического театра «Красный факел». Все как-то так очень тянулись к папе, и мама тоже была очень ярким человеком. Это я к тому, что они не были сумасшедшими, что вот физики только в своей науке. Они были, конечно, бесконечно преданы своей науке, но это был очень яркий период в жизни» [2].

В этой цитате важным является не только отсылка к гуманитариям и физикам, но и утверждение о том, что физики не были «зациклены» исключительно на науке. В другом отрывке прямо об этом говорится:

«Я хочу сказать, что не было такого, чтобы „сухари“ – только физика, и больше ничего. И поэтому в Москве у нас и до поездки в Новосибирск собирались эти компании. <...> Это наш мир был. И – не могу сказать, что это было хобби, конечно, – но после такой интеллектуальной тяжелой работы были периоды увлечения альпинизмом. Ходили на какие-то, не за границу, конечно, на свои какие-то, на Эльбрус. <...> Потом было, конечно, увлечение подводным плаванием. <...> Все равно ближайший круг общения – это были физики. А те гости, которые приезжали из другого мира, лириков, как-то в близкие они все-таки не вошли» [2].

Здесь важным становится противопоставление ближайших круг общения – «физики» и гости из «другого мира лириков». Еще интереснее, что подобное противопоставление сохранилось и для респондентки, которая себя называет гуманитарием.

«Наука для государства и для защиты». Тема социальной ответственности и инакомыслия в научной среде – сложная тема, требующая отдельного рассмотрения. В частности, особого исследования требует отношение ядерщиков к диссидентам и к инициатору создания Средмаша Л. П. Берии. Среди физического сообщества были свои инакомыслящие. Имя А. Д. Сахарова известно всем, не только занимающимся историей науки или историей правозащитного движения. Но кроме него были и другие физики, находящиеся в оппозиции советскому режиму, такие как Ю. Ф. Орлов, В. Ф. Турчин и др., хотя большинство ученых поддерживало официальную точку зрения. В. П. Визгин и А. В. Кессених предложили разделить научное большинство на три группы: полностью приспособившиеся; углубившиеся в науку и примирившиеся с режимом; политически активные и позволяющие себе критицизм и борьбу за усовершенствование режима (последние были отчасти резервом будущего диссидентства) [4, с. 153].

В анализируемом кейсе сюжет о жизни «рядом с атомным реактором» в нарративе появился, и касался он во многом работы.

«Нас всех торжественно вывели в Курчатовском клубе, вот мы жили там недалеко, на просмотр, на первый просмотр фильма „Девять дней одного года“. Вышли все семьями, и эта сцена, где Баталов разговаривает с отцом: „Если бы мы не сделали, то нашего раз-

говора бы с тобой не было“, — на это, конечно, все обратили внимания, потому что все чувствовали в той или иной мере какую-то сопричастность... Холодная война была, все понимали» [2].

Наукоцентричность советского послевоенного времени хорошо считывается и в разбираемом кейсе: «ученые — советская элита».

«Это было поколение этих людей — вы представляете, кончилась война, прошло всего пятнадцать лет. <...> А там уже был подъем, и эти люди чувствовали силу, и они получили все возможности, и это общее настроение.

А получается, что авторитет ученого был очень велик? Человека, который занимается наукой?

Это интеллектуальная элита общества. Тогда создавалась Черногловка, Пуццино. Они все-таки очень все тесно общались помимо того, что это были ученые, это было человеческое общение. Этот социальный слой... и не потому, что они себя ощущали какой-то элитой, — им было просто интересно друг с другом. Потому что они все читали, они все были образованы. В этом смысле довольно иллюстративный фильм „Девять дней одного года“. Хотя они все его раскритиковали, потому что там с научной точки зрения что-то совсем не так» [2].

Именно поэтому любое открытое противостояние с государственной машиной не может быть одобрено. Более того, особо подчеркивается, что «вообще диссидентства не было среди них». Хотя, разумеется, это исключительно точка зрения одного из современников.

Другой современник и непосредственный участник разноплановой (и научной, и досуговой, и диссидентской) жизни научного сообщества считает, что «сейчас уже все понимают, что борьба с инакомыслящими — это ерунда была. Ломали судьбы, людей в могилу загоняли — ради чего?! Мы же хотели лишь одного — откровенности и правды. Чтобы бросить этот консерватизм и строить нормальную страну. Но на дворе был 68-й год. Чехословакия. Все уже было решено за нас и без нас» [10].

Образ советского физика: вместо заключения

Какими же представляются советские ученые в изображении современников? Из-за того, что со стороны работа ученого-теоретика выглядит несколько странной, главным в представлениях о советском ученом становятся внешние детали. «Положительный физик поет под гитару, танцует твист, пьет водку, имеет любовницу, мучает-

ся различными проблемами, дерзает, борется, профессионально бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки» [цит. по: 3, с. 614].

Однако материалы устной истории, а также и другие эго-материалы позволяют нам восстановить обстановку и воспроизвести ситуацию, в которой жили ученые, показать их не только «положительными героями», но и простыми людьми с их проблемами и трудностями. И большую помощь в этом оказывают интервью с членами семьи и детьми, которые были непосредственно включены в обстановку.

Источники и литература

1. ПМА. Москва, декабрь 2015 г.
2. ПМА. Москва, июнь 2016 г.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С.507–947.
4. Визгин В. П., Кессених А. В. Советская физика в 1949–1960-е и последующие годы // К исследованию феномена советской физики 1950–1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты / сост. и ред. В. П. Визгин, А. В. Кессених и К. А. Томилин. СПб.: РХГА. 2014. С. 102–167.
5. Визгин В. П. Феномен культа атома в СССР (1950-е – 1960-е гг.) // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования / ред. В. П. Визгин. Вып. 2. СПб.: Изд-во. РХГИ, 2002. С. 413–488.
6. Горелик Г.Е. Андрей Сахаров: Наука и Свобода. М.: Молодая гвардия, 2010. 448 с.
7. Двадцатый век Анны Капицы: Воспоминания, письма. М.: Аграф, 2005. 512 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=187059&p=3>.
8. Иванова-Померанчук М. А. Исаак Яковлевич и семья // Воспоминания о И. Я. Померанчуке. М.: Наука, 1988. 320 с.
9. Их дела – слава МИФИ. М.: МИФИ, 2006. С. 31–32. URL: <https://docslide.net/documents/slava-mephi.html>.
10. Конобеев Ю. В. Теоретики – народ мятежный. URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/konobeev_yu_v/konobeev.
11. Левшин В. Л. О моем учителе // К истории ФИАН. Михаил Дмитриевич Галантин. Вып. 3. М.: ФИАН, 2004. С. 40–45. (Портреты).
12. Матюшкин В. Ф. Повседневная жизнь Арзамаса-16. М.: Молодая гвардия, 2007. 470 с.
13. Мельникова Н. В. Феномен закрытого города. Екатеринбург: 2006. 176 с.
14. Орлова Г. А. Собирая проект // Шаги-Steps. 2016. № 1. С. 154–166.
15. Поликанов С. Разрыв: Записки атомного физика. Frankfurt-M.: Посев, 1983. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2756>.
16. Яшников А. И. Челябинские дни // «Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины» / А. А. Дьяченко, под общ. ред. В. Н. Михайлова. М.: Полиграф-Сервис, 2008. С. 187–189.

Klyueva Vera

Portrait of a physicist in the Soviet interior: limitations and advantages of oral history

Institute of Northern development, Tyumen scientific center Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the methods of oral history to the study of the history of Soviet science. The advantages and disadvantages of biographical interviews of Soviet scientists are considered with other sources (for example, memoirs). On the example of one case the main plots characteristic of a biographic narrative are allocated. As addition the published memoirs are attracted. **Keywords:** *Oral History, Soviet Atomic project, Soviet physicists, history of science.*

Широкалова Галина Сергеевна

Прошлое в настоящем: с ностальгией о реальном или мифическом?

*Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению семейного информационного поля, формирующего коммуникативную историческую память студенчества. В статье на основе метода «история жизни» (life story) даются ответы на вопросы: соответствуют ли современные официальные представления о прошлом повседневному опыту «простых» советских семей? Какую информацию о жизни в СССР передают поколения дедов/отцов своим внукам/детям? Насколько доверяет молодежь этой информации? Наибольшую силу исторической памяти придает коммуникация с поколением участников событий, но и она — не гарантия постоянства мнений. Особенностью данного исследования является то, что изменения институциональной среды анализируются не исследователем, а самими информантами. Автор приходит к выводу, что утрата возможностей удовлетворения большинством населения базовых потребностей актуализирует позитивную оценку советского периода 1970-х — начала 1980-х гг. Семейные истории доказывают, что ностальгия, характерная для современного общества, — это ностальгия о реальном, а не мифическом. **Ключевые слова:** *историческая память, устная история, базовые потребности, СССР, Россия, студенты.*

Политический выбор молодежи во многом определяет будущее страны, поэтому идеологическая борьба с историческим прошлым особенно активизировалась в год столетия Октябрьской революции. Официальная история СССР сегодня формируется на основе письменных и устных выступлений в СМИ интеллигенции, оппозиционной по отношению к советской власти, снятых ею фильмов, учебников, которые, как всегда в переломную эпоху, политизированы в пользу победителей. Политики и ученые, которые в девяностых именовали советский народ «совками», стали референтной группой

для молодой, не жившей в СССР творческой интеллигенции. Сейчас уже ими активно пропагандируется образ СССР как страны Большого террора, а сегодняшняя «любовь к Сталину» объясняется ненавистью к инакомыслящим, которая проявляется в том числе в бытовой агрессивности [1, с. 5]. Иные точки зрения тоже представлены, но в редких научных статьях, СМИ, которые малотиражны и практически не читаемы молодежью.

Закономерен вопрос: соответствуют ли современные официальные представления о прошлом повседневному опыту «простых» советских семей? Метод «история жизни» (life story) предполагает, что респондент устно или письменно излагает историю свою/своей семьи, но не исключает политизированной интерпретации исследователем приведенных в текстах фактов. Поэтому, учитывая степень идеологического накала вокруг данной темы, было решено структурировать задание, предложив студентам и их информантам самим сделать выводы на основе сравнения возможностей удовлетворения базовых потребностей в СССР и РФ, используя пирамиду потребностей А. Маслоу.

Студентам-экономистам (коммерческая группа) одного из нижегородских вузов в рамках экономической социологии было дано задание побеседовать со своими родными на заданную тему. Мы приводим тексты всех сданных работ (исправив грамматические и пунктуационные ошибки), чтобы не дать оснований для подозрения в намеренном отборе материалов в пользу какой-либо идеологической позиции. В данном случае речь идет не просто о фиксации чьих-то мнений, полезных для понимания будущими историками атмосферы 2017 г. Опыт масштабных количественных социологических исследований 1970–1980-х гг. доказал прогностическую слабость этих методов, фиксировавших идеологическое единство народа, рухнувшее в одночасье. Методологические поиски в рамках качественной социологии стали неизбежными, поскольку они дают понимание причинно-следственных связей.

Существует объективно обусловленная социальными ролями разница в восприятии мира мужчинами и женщинами, поэтому выделим в тексте статьи разделы: воспоминания женщин, записанные девушками; воспоминания мужчин, записанные девушками; воспоминания, записанные юношами. В силу специфики факультета девушек среди студентов значительно больше, и разговаривают они преимущественно с мамами и бабушками, поэтому этот раздел статьи является основным по объему.

Воспоминания женщин, записанные девушками

К. А. «Мною была опрошена бабушка 1948 г. рождения, которая родилась в деревне, но с 20 лет стала проживать в городе. Работала она медсестрой в больнице. По мнению бабушки, жизнь в советское время была лучше, чем сегодня. Во-первых, качество продуктов питания было намного лучше и натуральнее в то время. Однако по разнообразию и доступности сегодняшнее время выигрывает. В советское время были широко распространены очереди на многие необходимые для жизни товары. Несмотря на это, цены на продукты питания были небольшими, и заработной платы хватало, чтобы хорошо поесть.

Во-вторых, количество детей в советской семье было больше, так как содержать детей было проще (дешевле), и здоровье детей было лучше (количество детей, рожденных нездоровыми, было меньше). Многодетным и малоимущим семьям жилье выдавалось бесплатно, и купить квартиру было легче, так как стоила она не так дорого, как сейчас. При этом качество жилья было очень хорошим, строилось все на совесть и на многие годы.

В-третьих, количество преступлений в советское время было меньше, так как злости и ненависти у людей, как сейчас, не было; все друг друга уважали и доверяли. Родительское влияние на детей было сильнее, чем сейчас. Дети прислушивались к мнению своих родителей.

В-четвертых, медицина была бесплатной, и поэтому количество больных было меньше. Также это объясняется тем, что у людей было меньше вредных привычек и продукты были натуральные (без антибиотиков).

В-пятых, качество учебы было значительно лучше, ведь экзамены сдавали по всем предметам, а не выборочно и без использования гаджетов и интернета. Также образование было бесплатным. А после учебы всех направляли на свое место работы, т. е. проблем с трудоустройством не было. Заработная плата тогда была такой, что можно было спокойно прожить весь месяц и при этом оставались деньги на накопления. В-шестых, общение между людьми в то время было только личным, что позволяло повышать свой кругозор; было больше доверия между людьми.

И наконец, выражать себя было легче в советское время, так как было много бесплатных кружков, секций и т. д. Все дети ходили в разные кружки, что помогало их развивать со всех сторон. Взрослые люди часто ходили в театры и музеи. Очереди в музеи были очень

большими. Все это говорит о высокой культуре населения в те времена. Таким образом, советская система лучше удовлетворяет потребности населения, чем сегодняшняя рыночная».

Б. К. «Я опросила свою маму и тетю в возрасте 54 и 58 лет, проживающих в городе Арзамасе Нижегородской области. Моя мама всю жизнь проработала на заводе. Она рассказала мне, что в СССР можно было получить работу, была стабильная заработная плата. Молодым специалистам давали комнаты в общежитии, семейным людям давали квартиры. Права рабочих всегда были защищены сильными профсоюзами, от завода можно было поехать по путевке на море, в санаторий, на экскурсии по разным городам СССР. Сейчас ситуация другая. На работу берут лишь „по знакомству“, квартиры давать перестали, деятельность профсоюзов практически сходит на нет. Моя тетя раньше работала продавщицей. Теперь она домохозяйка. Она бы хотела, чтобы продукты были сейчас такими же хорошими по качеству, как в СССР.

Уровень благосостояния отличался, но не настолько, насколько сейчас. В СССР была качественная и бесплатная медицина. У нас было лучшее в мире образование, и оно было бесплатное. Также в Советском Союзе активно развивались легкая и тяжелая промышленность, наука. Люди относились друг к другу по-другому, были сплоченными, ведь они были в одной большой стране, больше общались, ходили в гости. Сейчас все общение сводится к общению в соцсетях.

Детей спокойно отпускали в школу на общественном транспорте, не беспокоясь о том, что какой-то педофил нападет. Люди чувствовали себя защищеннее. СССР был великой державой, и, к сожалению, мы потеряли все хорошее, что там было».

С. О.: «Сейчас люди задумываются, когда людям жилось лучше — в СССР или в Российской Федерации. Чтобы ответить на этот вопрос, я провела опрос людей разных поколений: бабушку (год рождения 1955) и своего папу (год рождения 1975). И бабушка, и папа всегда проживали в деревне. Сейчас бабушка на пенсии, и по ее ответам можно сделать такой вывод, что в СССР жилось легче. Деньги ценились намного больше, чем сейчас: на один рубль можно было прожить неделю, а сейчас и одной тысячи не хватит, чтобы в магазин сходить. В деревне доступной еды, как в городе, не было, либо продавали из-за прилавка. По поводу продолжения рода она отметила, что в СССР было лучше, была чище экология, меньше было больных. Экономически люди были больше обеспечены, чем сейчас. Сейчас по нашей стране гуляет безработица и из-за этого увеличивается

количество безработных. Как она сказала, „и тут, и там жилось хорошо, но это „хорошо“ зависит от стабильной работы, заработной платы и уважения к тебе окружающих“. Может, она так говорит, потому что на пенсии и ни в чем, как в молодости, не нуждается, что сейчас все есть».

Б. А.: «Сравнивая жизнь в СССР и России, мне пришлось обратиться за помощью к моей бабушке М. Л. М. Ее возраст 71 год. Большую часть жизни она прожила в государстве СССР, а не в России. Исходя из этого, я могу провести сравнительный анализ и обнаружить причинно-следственные связи жизни граждан СССР и РФ. Со слов моей бабушки:

1. Качество продукции (мороженое, колбаса и т. д.) было лучшим в СССР. Уже почти 30 лет моя бабушка не ест такие продукты, так как, по ее словам, мороженое и колбаса – не то что в прежние времена, и их есть нельзя (одна химия).

2. Детские сады предоставлялись всем детям, чьи родители работали. Детский сад был платным, а вот школы, институты – бесплатные, т. е. образование было более доступным, чем в РФ.

3. Медицина: стоимость лекарств значительно выше в РФ, а также очереди к врачу были намного меньше в СССР.

4. Квартира предоставлялась бесплатно, и люди не лезли в кредиты, чтобы купить себе жилье.

5. Выбор одежды хоть и был меньше, но люди сами шили и вязали себе одежду. Срок износа одежды был больше – вещи могли носить годами и они не портились, не то, что в РФ.

6. Пионерские лагеря для детей и санатории для взрослых тоже были бесплатными в СССР. Турбаза от завода и проживание на ней тоже было бесплатным.

7. Предлагали сады и дачи недалеко от дома, и люди не платили миллионы, чтобы у них была дача.

8. Люди больше верили друг другу. Они могли уйти из дома на работу и не закрыть дверь, оставив ключ под ковриком. В РФ воры открывают двери и без ключей.

9. Все кружки были бесплатными!!! Моя бабушка где только не пробовала найти себя. Все кружки Сормово обошла, чтобы определиться, чем ей правда интересно заниматься.

10. Люди больше занимались спортом и путешествовали.

В СССР способности человека зависели от самого человека. А в РФ если у тебя или твоих близких есть деньги, то ты можешь все. Как закончились деньги, так человек из себя перестает вообще хоть что-

то представлять. Это, по мнению моей бабушки, самая главная трагедия такой страны, как РФ, по сравнению с СССР».

П. С.: «Я опросила бабушку — Х. Н. А., 65 лет, и тетю — Х. Т. В., 42 лет. Из их рассказа можно сделать следующий вывод: в наше время люди все чаще смотрят назад и сравнивают — а лучше ли стало? Мнения очень сильно разделяются, и только члены правящей партии уверены — лучше стало.

Сейчас, во время технического прогресса и электроники, очень сильно обесценились отношения людей, на первое место выходят деньги и связи. Еще 10–15 лет назад метла у двери означала, что никого нет дома, и этого было достаточно, чтобы не ломиться в дом. Люди были не просто соседями, а большой семьей, всем домом/деревней выдавали замуж, отмечали день рождения, провожали в последний путь. Сейчас же люди не знают, кто живет в соседней квартире.

Образование, медицина стали платными и зачастую неподъемными для многих граждан. Пропала уверенность в завтрашнем дне, стабильность. Люди постоянно куда-то бегут. Пытаются заработать, чтобы прожить, а по-человечески жить получается далеко не у всех.

Тем не менее не все так плохо сейчас. Появилось большое количество импортных качественных товаров. Мы можем свободно ездить за границу. Свобода слова больше уголовно не наказуема. Россия стала частью большого мира.

Несмотря на все плюсы и минусы, люди всегда будут говорить, что раньше жилось лучше, но никто не может с уверенностью сказать, как было бы в наше время при сохранении старого строя».

Л. Т.: «Человек, которого я опросила, — моя бабушка, пенсионерка, 72 года, риэлтер. Она родилась и выросла в Н. Новгороде. Она говорит, что времена существования СССР были намного лучше, чем сейчас. Это была страна равных возможностей, каждый трудился во благо Родины. Наша могущественная страна победила в великой войне, а это о многом говорит.

За производством продуктов питания следили очень строго. Поэтому про консерванты никто и подумать не мог. Все продукты были качественные, вкусные и полезные, а также доступные. Сейчас же мы потребляем в пищу сплошные добавки и усилители вкуса.

Моя бабушка говорит, что в СССР медицина была качественная, доступная и бесплатная. В настоящее время могут и диагноз выдумать, лишь бы денег побольше выманить.

Образование мог получить каждый, кто этого хотел и стремился к этому. Моя бабушка окончила автомеханический техникум совер-

шенно бесплатно, после чего ее сразу взяли на работу на завод. Сейчас обучение стоит очень дорого, и не каждый может позволить себе вуз, где бюджетных мест с каждым годом все меньше.

Работая на заводе, бабушка получала зарплату, которой хватало на прекрасную жизнь. Им предоставлялись путевки в санаторий и другой отдых. Можно было легко добраться в любой конец страны. Ведь билеты на поезда и самолеты были доступные.

Бабушка говорит, что экономическая жизнь была стабильная, граждане были социально защищены, а люди относились друг к другу более человечно. В настоящее время бабушке не всегда хватает пенсии. Поэтому она подрабатывает агентом по недвижимости. В СССР не было беспризорных и безработных, проституции и наркомании тоже, преступность была ниже, чем сейчас. Бабушка отметила, что государственная собственность, преобладавшая в СССР, намного лучше частной».

Г. А.: «Главными плюсами, по мнению моей бабушки (69 лет, работала преподавателем в Донецком университете: ассистент – преподаватель – старший преподаватель) в СССР были бесплатное жилье, образование, медицина.

Бесплатное жилье. Во многих случаях его приходилось ждать годами и десятилетиями. В конце 1970-х молодежь, уставшая ждать бесплатного жилья, продавала инициативу создания молодежных коллективов, которые с отрывом от производства строили себе жилье сами. Давили эту инициативу, как только могли. Попасть в такой коллектив было сложно.

Бесплатное образование. Госэкзаменом на последнем курсе была почему-то не специальность, а история КПСС. В СССР был неофициальный табель престижности вузов, согласно которому в определенные направления можно было попасть только по списку номенклатуры КПСС. Простым людям оставляли маленькую квоту. Образование можно отнести к плюсам, но заслуга ли это власти?!

Бесплатная медицина. При всех недостатках она работала и даже лечила. Врачи за небольшую зарплату спасали людей от смерти и от болезней. Но вот про саму систему этого не скажешь, полный дефицит лекарств. Кроме элементарных».

Б. Т.: «Поинтересовавшись у своих родителей о жизни в СССР, я узнала много нового. С одной стороны, образ жизни большинства упростился, однако не все так хорошо, как казалось бы. Также существенно изменилось качество товаров. Более половины России сейчас тратит на питание более 50% своего бюджета. Стали менее до-

ступны социальные услуги, связанные с отдыхом. В советское время рабочий мог съездить на отдых почти бесплатно. Менее доступными стали жилье и услуги, сопутствующие активной деятельности: театры, музеи, кино. Выросли затраты на воспитание детей. Помимо этого, замечено резкое подорожание услуг ЖКХ. Сейчас повысился проезд в транспорте, телефон, почтовая связь, а также медицинские услуги, и от этого качество лучше не стало. Особенно заметен рост платности в образовании. Выше половины студентов учатся на платной основе. Но доходы выпускников от этого не увеличиваются. Также в советское время люди были обеспечены рабочим местом после обучения, в то время как сейчас нам рабочее место не гарантировано, хоть и новых видов вакансий стало больше.

Заметно резкое увеличение неравенства в доходах. Хоть и уровень жизни существенно вырос, однако это затрагивает лишь меньшинство. Пусть люди и живут чуть богаче, однако счастливой жизнью от этого не стала. Таким образом, в СССР жилось лучше, чем сейчас по ряду весомых фактов».

Г. Н.: «Если сравнивать СССР и РФ по уровню удовлетворения потребностей, то Советский Союз значительно выигрывает. Базовые потребности в пище удовлетворить было значительно проще. Экологически чистая еда и экономическая доступность служат главными показателями. Несмотря на наличие очередей, никто не голодал. Так как моя семья жила в небольшом городе, нередко за продуктами приходилось ездить в города покрупнее — Дзержинск и Нижний Новгород. Бабушка привозила из Москвы апельсины — и это был настоящий праздник. Многие продукты выращивали самостоятельно на огороде.

Любой человек мог рассчитывать на помощь со стороны государства, которое предоставляло бесплатные квартиры. Не задерживали зарплату, она выплачивалась в строго определенные сроки и в полном объеме. Этих денег хватало на то, чтобы свободно перемещаться по всей территории Советского Союза. Мои родственники могли позволить себе много путешествовать, отдыхать на море в южных районах. Хорошо был развит рекреационный туризм, рабочим предоставлялись путевки в различные пансионаты и лечебницы.

Образование и медицина предоставлялись бесплатно. Сами люди были добрее друг к другу. Оказывалась поддержка маргинальным личностям. Если человек сбился с пути, его поддерживали на работе, отправляли в реабилитационный центр. Также бесплатными были музеи и всевозможные кружки, которые позволяли проявить себя

и самоусовершенствоваться. Таким образом, гражданин СССР мог с уверенностью смотреть в завтрашний день.

Тем не менее любой период развития нашей страны имеет определенные недостатки. Мой отец причисляет к ним отсутствие возможностей роста. Предпринимательская деятельность по некоторым аспектам была запрещена, пресекалась любая деятельность по купле-продаже и считалась спекулятивной. Человек был защищен от бедности и нищеты, но при этом оказывался в некоем „коконе“, выбраться из которого было невозможно. Людям давалась некая база, и получить больше этой базы было нельзя. Из-за этого фактора мой отец не хотел бы жить в СССР, в то время как бабушка хотела бы вернуть те времена из-за гарантий, стабильности и защищенности.

Многие стороны СССР я хотела бы видеть в наше время. Это касается бесплатной медицины и образования, наличия кружков и секций, преобладания живого общения над безличным, экологически чистых продуктов, соразмерной заработной платы, социальной защищенности и уверенности в завтрашнем дне. Советский Союз – то, чем нам определенно стоит гордиться и пытаться перенять опыт того времени на сегодняшний день».

З. А.: «Я опросила маму. Год рождения – 1974 (43 года). Мама работает администратором в магазине. Мама больше рассказывала впечатления о СССР в 1980-е гг. Она тогда жила в удаленном регионе, поэтому проблем с едой не было, но в городе Нижнем Новгороде были пустые полки. Были фиксированные цены. Люди спокойно жили. Но такого изобилия, как в современной России, не было. Сейчас появилось много импортных товаров, чего в СССР мало было. В семьях обычно по 2–3 ребенка, дефицита мест в садике не было, в отличие от России. Качество обучения в вузах было намного лучше, плюс оно было бесплатным. Здравоохранение тоже было бесплатным, но качеством уступает современному.

С жильем проблем не было. Предприятие предоставляло проживание работникам. С работой также не было проблем. Родители после переезда сразу же нашли работу. Предприятия также предоставляли сады для детей работников. Оплата труда была тарифной. Сейчас все предприятия коммерческие: сколько хотят, столько и платят. Криминальная ситуация была невысокой, в 1980-е годы было спокойно, но в 1990-е криминал значительно вырос. Развлечения для молодежи и детей были развиты. Были бесплатные кружки, многочисленные Дома пионеров и Дома культуры. Сейчас тоже очень много

кружков и секций, но это все платно, и не каждая семья может позволить это. Детям прививали идеологию с детства, что нужно помогать окружающим и быть добрее друг к другу. Между людьми была взаимовыручка. Сейчас все это только возрождается».

С. Л.: «Распросив маму и бабушку о жизни в СССР, я узнала, что базовые потребности удовлетворялись лучше, чем в РФ. Еда была доступнее и более экологичной. Здоровье у населения было лучше, сейчас больше больных и инвалидов. Количество детей в семье было больше. Также было больше возможностей для обучения и самореализации. После обучения было гарантировано рабочее место по специальности. Сейчас после института устроиться на хорошую работу очень проблематично. Личного общения было больше.

Что касается уровня преступности, то сейчас он гораздо выше, чем в СССР. Качество жилья в настоящее время ухудшилось, его доступность в СССР была выше. Кроме того, в СССР можно было получить бесплатные путевки в санатории, также было больше для посещения культурных мест, таких как кино, театры и дома культуры.

Можно сделать вывод, что большая часть потребностей в СССР удовлетворялась лучше, чем сейчас».

У. Ю.: «Я провела небольшой опрос среди своих родных, чтобы узнать, где жилось лучше, в СССР или в настоящее время. Мама, 63 года, финансист: при СССР потребности населения удовлетворяла система общественной собственности, при РФ – частная. При СССР жилье предоставлялось бесплатно. В России жилье покупают. Со стороны цен в СССР потребности удовлетворялись лучше, но в то же время человек не мог иметь в собственности более одного объекта жилья, а в современных условиях человек может иметь несколько объектов недвижимости и в разных местах.

Уровень удовлетворения потребностей в настоящее время лучше, чем в СССР, так как обеспеченность материальными ресурсами сейчас намного выше, чем в СССР. В СССР преобладал дефицит товаров, то есть даже при наличии денежных средств не всегда можно было купить необходимые вещи.

Сейчас от СССР взяла бы бесплатную медицину и образование. В те времена даже подумать не могли, что когда-нибудь это будет платным. Так же вернула бы стабильность цен. Кроме этого вернула бы систему трудоустройства молодых специалистов после окончания учебы. При СССР не было безработицы.

Тетя, учитель старших классов, 40 лет, полностью согласна с мнением моей мамы, но из СССР оставила бы единую форму в шко-

лах. Также возродила бы движение октябрят, комсомол: в те времена это было мощное молодежное движение. Кроме того, вернула бы единую программу образования и единые учебники по всей России».

П. А.: «Моя бабушка – П. Г. М. – вспоминает времена при СССР с воодушевлением и трепетом в сердце. В те годы было все совсем иначе, нежели сейчас. Другие люди, другие устои, другое время. С самой ранней молодости моя бабушка работала вместе со своим будущим мужем на подстанции. Когда они поженились, им выдали дом рядом с местом работы, в котором мы живем по сей день.

Будучи студентом, мой дед Анатолий Иванович, получал высшее образование бесплатно. Не то, что сейчас. Было тяжело, довольно трудно, но он знал, ради чего все это делает. Бабушка его всячески поддерживала. За продуктами для маленького сына, моего будущего отца, стояли в очереди, хлеб, крупы выдавали по талонам, чего сейчас уже нет. В наше время цивилизация во многом двинулась вперед, появилось много всего нового, чего наши бабушки и дедушки по сей день не могут понять. Но все-таки времена своей молодости, времена СССР вспоминают с особой гордостью».

Б. Д.: «Можно сказать, что мои родители из разных миров: мама жила в городе, а папа – в деревне и в поселке. Но, несмотря на это, они все-таки выделили для себя положительные и отрицательные стороны жизни в 1980–1990-х годах. Помимо родителей я опросила и бабушек об их жизни в это время. По рассказам бабушки, которая жила в городе, ей очень нравилось это время. Она говорит, что люди знали, за что они работают, что они за это получают, что трудятся они не напрасно. Вся семья моей бабушки, а это 4 сестры и 3 брата, окончили строительный техникум, после чего всю жизнь трудились на стройке многоэтажных домов. Одна из сестер проработала в тяжелых условиях очень мало: развилась астма, и она получила инвалидность. За это она получила трехкомнатную квартиру в городе. Моя бабушка тоже получила квартиру, но позже: стояла в очереди на ее получение. А с учетом двух детей ее подняли в очереди на несколько позиций выше. Так за тяжкий труд она получила награду – жилье в новостройке.

Единственным минусом бабушка называет дефицит в магазинах; в городе это было менее ощутимо, чем в деревнях. Но из-за частых командировок в Москву это ощущение было менее заметным; покупала там продукты, одежду и необходимые вещи.

Маме тоже больше нравится то время. Она рассказывала, как они гуляли до темноты в городе и не боялись преступлений. Сей-

час страшно детей и на пять минут оставить. Также из плюсов можно отметить бесплатную медицину, образование. И медицина была на очень приличном уровне. По воспоминаниям бабушки, однажды у нее очень сильно заболели локтевые и коленные суставы. Она пролежала в больнице месяц, но об этой боли она больше не вспоминала. У мамы же эта боль уже не прекращается несколько лет, и сейчас врачи только выписывают неэффективные и дорогие лекарства.

Другая бабушка родилась в деревне. После школы она поступила в ПТУ в поселке; обучившись, устроилась в магазин продавцом, затем получила повышение и стала заведующей магазином, после — директором ресторана в поселке, где проработала 30 лет.

Мой папа родился и вырос в деревне, но из минусов он называет также только отсутствие продуктов в магазинах. У них было свое хозяйство и поэтому с продуктами не было особых проблем, единственным — хотелось мороженого, газировки, жвачек, леденцов, а всего этого на прилавках не было. Также папа рассказывал о работе в колхозе: во время летних каникул они всей школой ездили на картошку, и он называл это самым веселым временем в его детстве, хоть и было очень тяжело подросткам копать и сажать картошку, таская тяжелые мешки.

Поженившись, мои родители стали жить в поселке, снимали частную квартиру; папа работал на телевизионной вышке, а мама продавцом в магазине. Маме очень не нравилось в поселке: в квартире не было ванной, горячей воды, печное отопление. Ей, жительнице города, пришлось очень долго привыкать, зато теперь она не хочет в город ни за что. Это показывает, от чего ей пришлось отказаться, чтобы иметь сейчас.

После моего рождения родители испытывали трудности с детским питанием, фруктами, одеждой, можно сказать, со всем, что нужно для новорожденных деток, но очень хорошо помогала бабушка из города. Она приезжала и привозила все, что нужно. Позже папа перешел на другую работу — водителем к начальнику строительной организации. Несколько лет спустя папе дали квартиру, на время строительства своего дома. В то время моим родителям пришлось отказаться от телевизоров, вкусностей, красивой и модной одежды, чтобы иметь сейчас собственный дом и хорошую работу.

Наш дом мы строили 10 лет. Папе помогали друзья и коллеги в прямом смысле слова за „спасибо“, ни о каких деньгах и речи не шло. Наверное, это и есть самое ценное в людях того времени, — бескорытность, что не ценится сейчас.

Я разговаривала со своей мамой (ей 50 лет, жила в деревне Румстиха) и папой (ему 53 года, жил в селе Д. Константиново) о временах СССР. Оба отметили, что раньше была стабильная работа. Уверенность в завтрашнем дне. В течение 5–6 лет можно было получить бесплатно жилье. Было гарантировано право на труд, не было безработицы. Принимались пятилетние планы развития народного хозяйства, но многие из них выполнялись раньше. Потому что у работников было чувство энтузиазма и патриотизма, что помогало им работать и завершать масштабные работы в рекордно короткие сроки. Они были уверены, что их труды не напрасны и будут направлены на благо народа.

Раньше не было такого явно выраженного разделения на богатых и бедных. Все были примерно равны. Детей было легче устроить в детские сады, школы, все это было бесплатно, без очередей. Также было бесплатное обучение. Закончивших успешно школу и сдавших вступительные экзамены в институт, любой вуз мог принять на бесплатной основе. После окончания вуза предоставлялась работа молодым специалистам, жилье и подъемные деньги. Все медицинские услуги также предоставлялись бесплатно.

Из минусов можно отметить, что был дефицит некоторых товаров. Для того, чтобы приобрести мебель, одежду, детское питание, нужно было стоять в очередях, и купить можно было только по талонам. Продукты питания, такие как колбаса, фрукты, в деревнях не продавались. Приходилось ездить в Москву, но там больше одного батона колбасы на одного человека не продавали. Хорошую верхнюю одежду можно было купить только в редких валютных магазинах («Березка» в Нижнем Новгороде).

Подводя итог, можно сказать, что раньше плюсов было больше, чем в современной России. И сами люди раньше были приветливее, добродушнее, отзывчивее, чего очень не хватает сейчас».

Воспоминания мужчин, записанные девушками

Б. К. «Папа с полной уверенностью говорит, что в СССР рабочему человеку жилось проще, легче, была финансовая, экономическая стабильность. Говоря про базовые потребности, он отмечает: в СССР еда была натуральная, сейчас же одни добавки. Раньше деньги были, так продуктов не было, а сейчас совсем наоборот. Медицина была бесплатной, доступной, врачи с высоким уровнем знаний. Давали жилье от работы, дома строили качественно. Раньше люди хотели работать, хотели все делать качественно, не то что сейчас. Работать мо-

гли идти куда захотели, а сейчас есть диплом, а тебя куда не берут. Стоимость денег была выше, зарплата соответствовала жизненному уровню. Профессии сейчас совершенно не ценятся. Раньше трактористы и водители очень ценились и уважались. Сейчас – нет. Раньше начальство уважало работников. А сейчас им совершенно безразлично.

Говоря по поводу культуры, то сейчас одно бескультурье: одни наркоманы, пьяницы, гомосексуалисты, трансвеститы. За такое в СССР наказывали, такого не было. Общественная собственность позволяет удовлетворять потребности лучше и качественнее.

Подводя итог моему опросу, можно сказать, что и правда, лучше жилось в СССР. Всегда была качественная работа, стабильная зарплата. Люди были более вежливые и культурные. Сейчас же люди думают, как бы только выжить и жить лучше, чем все; больше злобы во всех».

З. А.: «Мой дедушка, год рождения 1950 (67 лет), работал слесарем на химическом заводе. Дедушка выделил целый ряд областей, в которых СССР превосходит нынешнюю Россию. Физическая и экономическая доступность продуктов питания была всегда, качество еды было в разы лучше, все натуральное и свое. Сейчас же чем только не напичкают кусок мяса.

По поводу продолжения рода – у дедушкиной мамы было пять детей. У соседей тоже 5 детей. Хоть и не было все гладко, люди не боялись создавать большие семьи. Здравоохранение было бесплатное, как и образование. Любой, кто сдаст вступительные экзамены, мог обучаться далее за счет государства. И качество образования было хорошим.

Жилье было бесплатным. Платили только за коммунальные услуги, но при этом он отметил, что качество жилья сейчас улучшилось.

Безработица была очень низкая. Даже была статья за тунеядство. Кто хотел более высокие зарплаты, ехал на Север в поиске работы. У каждого предприятия была база отдыха, путевки в которую оплачивал профсоюз. Летом эти базы превращались в лагерь, в которые ездили отдыхать дети работников.

Для детей и молодежи существовали специальные Дома пионеров, бесплатные различные секции (танцы, фото, музыка, авиамоделирование и др.). Множество библиотек, которых сейчас очень мало, а если и есть, то они не финансируются. Сейчас же все кружки платные, Дома культуры разрушают и сносят.

Общество в СССР было более дружное, больше общались, собирались соседями и отдыхали во внутреннем дворе. Сейчас же мно-

гие даже своих соседей по лестничной клетке не знают. Не было в СССР неравенства, поэтому люди были добрее друг к другу. У моего дедушки была хорошая стабильная зарплата плюс бесплатное питание, а также путевки в санаторий. На пенсию он вышел на 10 лет раньше, так как были вредные условия труда и была повышенная пенсия».

Л. Т. «Дядя — 50 лет, предприниматель. «Несомненно, в СССР было гораздо больше положительного, нежели сейчас», — говорит мой дядя, который родился в Нижнем Новгороде, а в данный момент проживает в Мурманске, так как там находится его фирма по вылову и продаже рыбы. Как рассказывает мой дядя, еда была намного лучше, продукты питания регламентировали ГОСТы. Контроль за их производством был очень высокий.

В семье, где он родился, было 6 детей. В настоящее время у него самого двое детей, и у большинства семей редко у кого детей бывает больше. Конечно же, огромный плюс СССР — это бесплатная медицина. Каждый имел право на бесплатную медицинскую помощь, чего не скажешь про современную Россию. Сейчас врачи стали более равнодушными к здоровью людей. Ведь их внимания можно добиться только денежной „благодарностью“.

Обучение тоже было бесплатным и более качественным. Нужно было хорошо сдать экзамены только своими силами, без интернета, чтобы попасть в учебное заведение, поэтому люди были больше заинтересованы в настоящем получении знаний, нежели сейчас. В настоящее время можно легко поступить в институт, заплатив определенную сумму; отсюда много выпускников, которым потом трудно устроиться на работу. После обучения во времена СССР легко можно было устроиться на работу по своей специальности, где зарплата была достаточной для хорошей жизни. Ведь цены были адекватные, и каждая обычная семья могла каждый год ездить отдыхать на море. Сейчас нужно иметь хорошую зарплату, чтобы накопить на отдых и даже для этого на чем-то экономить. Также можно было ходить на бесплатные выставки, в музеи и т. д. Сейчас походы в музеи только платные.

Конечно же, и общение было совсем другое. Не было интернета, соцсетей. Все общение было личное, и каждый больше времени проводил на свежем воздухе. Да, сейчас интернет во многом нам помогает: в учебе, в работе и т. д. Нельзя сказать, что это очень плохая тенденция, ведь это научный прогресс. Даже многочисленная реклама моего дяди и вся информация о ней находится именно там.

В СССР преобладала государственная собственность, что обеспечивало единое управление экономикой и т. д. После распада СССР стала преобладать частная собственность, где собственность находится в руках отдельных лиц, что направлено на увеличение их доходов. Несомненно, что госсобственность позволяет лучше удовлетворить потребности обычного населения. Во многом успех моего дяди в настоящее время был достигнут за счет качественного образования, где он смог реализовать себя».

М. Д.: «По мнению моего папы (ему 43 года, работал и работает водителем), ему в СССР жилось лучше и проще. По его словам, были:

- бесплатная медицинская помощь, оказываемая абсолютно всем гражданам социалистических республик;
- высокое качество и доступность образования в СССР;
- отсутствие инфляции и стабильные цены – главные достоинства СССР;
- равенство советских граждан и относительно небольшая разница в доходах;
- бесплатное обеспечение советских людей квадратными метрами жилплощади;
- высокое качество продуктов питания и жесткий контроль со стороны государства за продуктами пищевой промышленности;
- цены в СССР были адекватны зарплатам граждан;
- в СССР был очень низкий уровень наркомании;
- культура в СССР: художественные произведения, спектакли, кино и песни прививали людям высокие представления о долге, честности, порядочности».

Воспоминания, записанные юношами

Н. А.: «Для сравнения России и СССР мы должны рассмотреть социальную обеспеченность граждан, их материальное положение в разных сферах общества. Я проводил опрос у своей мамы. Во-первых, человека в СССР подталкивали учиться, чтобы затем работать на хорошей работе. Нельзя было уволить человека без каких-либо определенных причин. Во-вторых, во время сокращения производств, предприятия, людям обеспечивалось другое рабочее место (горизонтальная мобильность) с той же зарплатой. В-третьих, в СССР людям предоставляли качественное лечение. В-четвертых, семьям предоставлялись путевки на море из профсоюза.

Далее рассмотрим покупательную способность граждан. В СССР на 180 рублей можно было прожить с достатком, но есть единствен-

ный минус — это дефицит товаров. В наше время на МРОТ людям невозможно прожить. Даже если учитывать среднюю зарплату в Нижнем Новгороде, люди не способны оплатить путевку или оплатить качественное лечение.

Далее рассмотрим образование. В СССР среднее и высшее образование было бесплатным, стипендии хватало на минимальный продуктовый запас. Также в СССР людям было предоставлено большое количество бесплатных секций, что способствовало не только физическому развитию, но и умственному. В заключение нужно сказать, что в СССР уровень качества жизни занимал 20-е место, а сейчас — 70-е».

Г. А.: «Развал СССР закончился много лет назад. Но до сих пор ведутся споры о том, хуже жилось в советские времена или лучше. Эти споры будут актуальны еще много лет. В связи с этими спорами хотелось бы озвучить мнение родителей, которые сравнят и сопоставят времена 25-летней давности и нынешнее российское государство. Свое мнение высказали мои родители — Горбачева Лариса Николаевна (работающая по сей день учителем физкультуры и хореографом) и Горбачев Станислав Юрьевич (работающий и по сей день художником). Для сравнения были представлены показатели, такие как образование, армия, медицина, спорт, жилье и религия.

Образование в настоящее время полностью разрушено. Грамотные математики и физики разъехались по разным странам, детей учат маркетингу, менеджменту, рекламе.

Советская армия хоть и имела определенное количество дедовщины, но это было не так, как в современной армии. Служить стремились интеллигенты, студенты, что нельзя сказать о современной армии. Ведь она является рассадником разнообразных заболеваний. Там и формируются «гангстеры», садисты и уголовники.

С одной стороны, современная медицина плоха тем, что знания врача и пациента зачастую не сильно отличаются. Медицина стала коммерческой деятельностью, ведь, гонясь за прибылью, мало кто обращает внимание на качество лечебных препаратов. Но плюсом является то, что современные разработки препаратов и современная техника спасли многие жизни, в СССР они были недоступны.

В последнее время появились кое-какие успехи в спорте РФ, но позиция первой спортивной державы полностью потеряна. Возможно, это связано с массовым выездом спортсменов за границу, ведь там больше перспектив.

С жильем в РФ просто катастрофа, говорят родители. Цены заоблачные, а все потому, что усиленно строится элитное жилье, а неэлитное просто сносится.

В религии преимущество имеет РФ, так как разрешено вообще все. Чего нельзя сказать о СССР, в котором веровали в того, в кого сказали. По таким крошечным сравнениям, как говорят мои родители, можно сделать вывод: защитникам современной России следовало бы молчать, сравнивая времена. Хотя споры о том, в какие времена было лучше, вряд ли закончатся в ближайшее время».

Б. Э.: «Социальная защита населения — одна из важнейших составляющих развития общества и семьи, важнейшая составляющая государственной работы. Чем эта защита больше ощущается членами общества, тем сильнее люди чувствуют уверенность в завтрашнем дне, что влияет на целеустремленность граждан, и на демографию, и на культурное, и на научно-техническое развитие общества в целом.

Спросив отца и соседа по гаражу по поводу жизни в СССР и обеспеченности различными льготами в то время, я сделал следующие выводы: во-первых, трудоустроиться было гораздо проще. И по заработку даже молодые специалисты получали гораздо больше, нежели сейчас. Те же неквалифицированные токари, к примеру. При сокращениях на предприятиях — все заранее знали, куда пойдут работать на новое место, страха остаться без работы ни у кого не было.

Во-вторых, и с обучением в вузе, и с медицинской помощью дела обстояли гораздо лучше, нежели сейчас. На стипендию можно было худо-бедно прожить, лекарства стоили копейки. Перед выпуском из школы ребят возили на экскурсии на предприятия, где будущие специалисты начинали знакомиться с будущей профессией. Тогда было много секций и кружков, бездельников особо не было. Также отмечают и гораздо более высокий уровень покупательной способности, недорогие коммунальные услуги и т. д.

И все отмечают резкое падение уровня жизни к концу 1980-х гг., когда от перестройки затрещала по швам вся страна; а когда к 1991 г. СССР окончательно проиграл холодную войну США, для подавляющего большинства страны жизнь превратилась в выживание.

Хотя с приходом на президентство В. В. Путина стало намного лучше, чем в разгул безвластия 1990-х гг., до уровня СССР 1970–1980-х гг. современной России еще далеко.

Закончить свое эссе я бы хотел мыслью, что за последние 17 лет много сделано для пересмотра итогов поражения СССР в войне, во

всяком случае, одно то, что после 1990-х гг. Россия не сжалась до Московской области, выстояла и начала восстанавливаться, дает надежду на успешное будущее».

Подведем итоги. Обратим внимание на социальный состав респондентов. Как правило, это представители рабочего класса и служащих массовых профессий, имеющих крестьянские корни. Они воспользовались теми возможностями, которые дала им советская власть для социального старта, и остались в тех же социальных группах после распада СССР. Поэтому столь положительно оцениваются возможности удовлетворения всех базовых потребностей: в качественной пище, образовании, здоровье, жилище, продолжении рода, уверенности в завтрашнем дне, взаимоуважении, самореализации в труде, доверительности отношений... Отрицательные явления (дефицит, очереди) акцентируются реже, чем ожидалось. В «лихие 1990-е» социальный статус этих слоев понизился, отсюда подчеркиваемая ностальгия по уважению к человеку труда и его социальной защищенности.

Послевоенные поколения, имея опыт успешной по сравнению с предыдущими поколениями социализации в условиях патерналистского государства, не могут ни передать его новому поколению, ни помочь усвоить ценности рыночных отношений. Но, имея некий запас экономической прочности, они стараются повысить социальный статус своих детей, помогая им получить высшее образование хотя бы на коммерческой основе, хорошо понимая сложность устройства на работу по специальности.

Критические оценки современных реалий у «дедов», «отцов» и «внуков» катализируют эмоционально положительное отношение к ушедшей эпохе. И чем быстрее государство будет отказываться от социальных завоеваний предыдущих поколений, тем больше будет отчуждение от него большинства населения, сопровождающееся изменением менталитета. Тем не менее исследования социальной активности россиян свидетельствуют, что ностальгия не является тем фактором, который стимулировал бы их бороться за свои права. Причина этого – в страхе потерять и то, что есть, вернуться к практикам выживания в «лихие девяностые».

Напомним, от студентов не требовалось подробных жизненных историй, а нужен был лишь итог сравнений на основе реальных фактов жизни их расширенной семьи. Для некоторых из них это стало первым целенаправленным разговором о прошлом, другие лишь обновили свои знания. Выявилась специфика работ юношей: они, хо-

тя и кратко, вписывают историю страны в международный контекст. Иногда в рассказах имело место смещение исторических эпох: времена детства 20-летних – это уже постсоветское время. Не все оценки как прошлого, так и настоящего объективны: например, билеты в музеи не были бесплатными в СССР, и провозглашенная в Конституции свобода слова в современной России допускает уголовное наказание за призывы к экстремизму, за оскорбление чувств верующих и т. д. Но нами не ставилась цель проверки знаний о двух эпохах. Поэтому эти воспоминания как исторический источник ценны не документальными фактами, а фиксацией социально-психологического отношения социальных групп, к которым принадлежит значительная часть россиян, к советской эпохе после 25-летней жизни в условиях рынка.

Вне сомнения, у каждой социальной группы – своя акцентуализация советского времени. Об этом можно судить хотя бы по замечаниям тети, работавшей в вузе Донецка, но не сумевшей защититься. Но и она отметила утрату ряда базовых ценностей того времени.

Принципиально иная оценка будет у тех, кто принадлежал к творческой интеллигенции, политической власти, репрессированным, национальным меньшинствам, воспользовался возможностями 1990-х гг., хотя и здесь разброс мнений неизбежен, но уже в силу мировоззренческих установок. В студенческих аудиториях вузов бывают и их представители, поэтому возможно провести аналогичные исследования на разных социальных группах, верифицировав или опровергнув выводы данной статьи. Коммуникативная историческая память имеет свою специфику и надо успеть ее зафиксировать: поколение «дедов» уже уходит... Историческая ценность информации о коммуникативной памяти – не столько в конкретных фактах прошлого, сколько в фиксации эмоционально-психологического отношения к прошлому, что позволяет понять мотивацию и причинно-следственные связи событий.

Литература

1. Калинина Ю. Террор большой, но тихий // «Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде. 2017. № 33.

Galina S. Shirokalova

The past in the present: with nostalgia for real or mythical?

Nizhny Novgorod State Agriculture Academy, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the family information field, which forms the communicative historical memory of the students. Based on the “life story” method, the article gives answers to the questions if the modern official ideas of the past are consis-

tent with the everyday experience of “simple” Soviet families, what information about life in the USSR is passed by generations of grandfathers / fathers to their grandchildren / children, and to what extent the youth trust this information. The greatest strength to historical memory is given by communication with the generation of events` participants – which, however, also is not a guarantee of constancy of opinions.

The main feature of this research is that changes of the institutional environment are analyzed not by the researcher, but by the informants themselves. The author concludes that the loss of opportunities to satisfy the basic needs of the majority of the population actualizes a positive assessment of the Soviet period of the 1970`s and the beginning of the 1980`s. Family stories prove that nostalgia, which is a characteristic of today`s society, is nostalgia for real, but not mythical. **Keywords:** *historical memory, verbal history, basic needs, the USSR, Russia, students.*

●

Часть 5

Устная история как метод и источник культурной антропологии

Софьян Лиана Ваграмовна

«Архетипы» социальной памяти терского казачества и их трансляция

Московский дом национальностей, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Оценка роли казачьих организаций в решении стоящих перед ними задач военного, политического, социально-экономического и культурного характера на Северном Кавказе приобретает сегодня особую актуальность. Особый интерес представляет изучение его социальной природы и роли в рамках современной политической ситуации и в структуре полиэтничного населения региона. Но для ее понимания необходим экскурс в историю, анализ событий, изменивших в корне жизнь терцев в XX в. Важно понять, какие были перспективы у движения казачьего возрождения в начале 1990-х гг. Что на самом деле представлял собой процесс возрождения? В чем заключалась его специфика на Северном Кавказе? Цель исследования — обозначить круг этнополитических и этнокультурных проблем развития терского казачества и понять, как при модернизации казачьей жизни сохранить своеобразный уклад жизни, самобытные черты, характерные только для данной этнокультурной общности.

Ключевые слова: *историческая память, самосознание, историко-культурная традиция, этносоциальная общность.*

Каковы особенности исторической памяти терского казачества? Какое место сегодня в жизни казаков занимает осознание принадлежности к определенному социальному единству? Наконец, историко-культурная преемственность традиций терского казачества — миф или реальность? Одним из актуальных аспектов в изучении российского казачества является вопрос об этнической идентификации. Об этом писали отечественные исследователи Л. Б. Заседателя, В. И. Козлов, Т. В. Таболина, А. В. Сопов, А. И. Изюмов и др. Вне всяких сомнений, вопрос этнического самосознания становится центральным при определении социальной природы казачества. Однако немаловажную роль в определении его основных характеристик играет также вопрос сохранения и преемственности казачьей культурной традиции. Ему и будет посвящена данная статья.

По мнению А. И. Изюмова, казачья общность, сплоченная общинным образом жизни и совместной трудовой и воинской деятельностью, «была поставлена в особое, привилегированное положение относительно крестьянства и искусственно ограждалась царизмом от внешнего влияния» [3, с. 198]. Автор справедливо замечает, что казаки обладали не только своим социально-экономическим укладом и замкнутостью общинной жизни, но и собственной идеологией, а также особым сословно-корпоративным сознанием. Они «настойчиво подчеркивали свою „особенность“ и контрастное отличие от „мужиков“, дворян и чиновников» [3, с. 199].

Обособление от других групп населения во многом способствовало сохранению уникальных черт быта и культуры казачества [12, с. 507]. В этом смысле исключительный интерес представляет ментальность казачества. Среди ее отличительных черт можно выделить патриархальность, православное вероисповедание, высокое идейное единство, сплоченность, верность долгу по отношению к родной станице, Войску и всему Отечеству, культ военной доблести, высокую дисциплину и соблюдение субординации на всех уровнях казачьей иерархии.

Храбрость, мужество и отвага, готовность встать на защиту своей территории составляют систему ценностей личных качеств казака-воина: «Война для казака – неустрашимый момент бытия, испытание, необходимый для устойчивой самоидентификации» [2, с. 25]. Дневник офицера Л. В. Саянского начинался со следующих слов:

«Итак – война! „Войнишка“, как ласкательно говорят у насъ.

– Эхъ! Войнишку-бы Богъ даль! – вздыхали мы еще так недавно, томясь бездействиемъ мирной жизни» [8, с. 5].

Вопрос о социальной природе казачества приобрел особую актуальность в годы Гражданской войны в среде русского зарубежья. Идея о Казачии, исторической родине, откуда казаки ведут свое происхождение, «некого непререкаемого идеологического тренда» [10, с. 79], занимает центральное место в среде казачьей эмиграции. При существовании различных политических течений внутри казачьего движения за границей мысль о возвращении на родину, «...где при соответствующих условиях можно будет восстановить стародавние начала казачества» [10, с. 84], объединяла всех без исключения донцев, кубанцев, терцев. Таким образом, это географическое понятие стало «ментальным ядром» казачьей национальной идеологии.

Казаки, оказавшиеся на чужбине, также не утратили своих традиций, напротив, они считали себя хранителями и носителями само-

бытной казачьей культуры и берегли память о прошлом, передавая ее следующим поколениям. Терский войсковой атаман, генерал-лейтенант Г. А. Вдовенко писал: «Казачество развеелось по разным государствам, добывая себе средства к жизни тяжелым трудом, и живет, где можно, вполне организованно, опираясь на идеологию, построенную еще в родных краях самим народом. Осуществляя эту идеологию в изгнании, оно и выполняет задачу общенационального самосознания» [4, с. 23]. Ту же мысль высказывал Н. Д. Авксентьев, бывший министр Временного правительства: «Полагаю, что попавшая за границу группа казачества дает точное представление и о казачестве, оставшемся на Родине» [4, с. 34].

Одна из главных особенностей казачьей ментальности — стойкая убежденность в своем социальном и моральном превосходстве над другими категориями населения, что, в частности, проявлялось в отношениях с иногородними. Последние, в свою очередь, не скрывали своего отрицательного отношения к любым проявлениям казачьей самобытности, что особенно остро проявилось на рубеже 1920–1930-х гг., в период форсированной коллективизации. Разрушение казачьих станиц, массовые репрессии и увеличение социальной агрессии крайне негативно сказались на жизни терцев.

И даже тогда казачьи традиции оказались более устойчивыми и «живучими», полностью вековой уклад жизни не только терского, но и всего южнороссийского казачества не был уничтожен, несмотря на проникновение в казачий быт «массы советских новаций» [11, с. 502]. Исследователи сходятся в том, что, несмотря на всеобщую социально-культурную унификацию, казаки сохраняли свои традиции и обычаи. Полного растворения казаков в крестьянской массе, что являлось главной целью советской власти, так и не произошло. Это, в частности, подтверждает кампания «за советское казачество», развернувшаяся во второй половине 1930-х гг.

Именно тогда происходит коренной перелом в политике власти в отношении к казачеству, и «...слово „казак“ из синонима реакции, каким оно было раньше, становится синонимом упорного и честного колхозного труда и беззаветной преданности интересам социалистического отечества» [6, с. 30]. Казаки, доказавшие свою преданность советской власти, стали выделяться партийно-советским руководством в составе колхозного крестьянства. Упоминания о казаках в прессе получили самое широкое распространение. Так, например, 18 февраля 1936 г. в газете «Передовая Правда» вышла статья «Советские казаки», в которой говорилось: «Одной из замечательных побед

социализма является то, что основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы... были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа.

Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству. Оно решительно и твердо стало под красное знамя социализма и под этим знаменем, рука об руку с рабочим классом и всем колхозным крестьянством строит социалистическое общество» [6, с. 30].

На самом деле о подлинном возрождении казачьего образа жизни, землепользования или самоуправления не было никакой речи. Один из старожилов станицы Луковской Моздокского района (Республика Северная Осетия-Алания), делясь детскими воспоминаниями, отметил интересную деталь: когда в дом приходил его дядя, он, обнимая племянников, тихо приговаривал: «Казачата!» и прикладывал указательный палец к губам [5, станица Луковская, Моздокский район РСО-А]. Еще один случай был поведен в музее казачьей управы станицы Незлобной Георгиевского района. На одном из стендов музея висит фотография семьи Савиновых, все члены которой, за исключением младшей дочери, погибли в ходе репрессий. Чудом выжившая девочка всю свою жизнь прожила в станице и скрывала свое истинное происхождение вплоть до глубокой старости. Лишь после того, как один из станичников, узнавший ее, показал в качестве доказательства семейное фото, она призналась [5].

Как до Великой Отечественной войны, так и после нее казаки станицы хранили в надежном месте оружие, наградные медали, казачью форму. «В церковь не ходили, но икона в «красном» углу [хаты] все равно стояла», – отметил хранитель музея. И это было характерно не только для соседних с Незлобной станиц – Александрийской, Лысогорской, Подгорной, но и других казачьих областей. Лучше всего историческая память сохранилась именно в станицах, и ее хранительницами были женщины. Многие казаки и сегодня утверждают, что очень хорошо помнят рассказы бабушек о прошлом. В своем фундаментальном труде «Казачество Юга России в эпоху коллективизации. Казачество Юга России в 1930-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований» А. П. Скорик отмечал удивительную устойчивость архетипов социальной памяти казачества, «что позволяет осуществлять историческую трансляцию казачьих образов и

моделей поведения не только от поколения к поколению, но и через одно поколение» [9, с. 116].

В 1990-е гг. с началом движения возрождения предполагалось восстановление культурной традиции российского казачества. Однако уже тогда было очевидно, что его социальная природа претерпела значительные изменения и восстановление исторических элементов казачьей культуры невозможно. Причин тому несколько.

В советский период Терская область была поделена между несколькими республиками и краями: югом Ставрополя, Северной Осетией, северной частью Дагестана, Кабардино-Балкарией, Чечней и Ингушетией. С началом движения казачьего возрождения шло восстановление казачьих войск и землепользования. Однако возврат территорий, а также привилегий, которыми казачество обладало до революции, оказался невозможным. Власть, видя в казачьем движении мощную политическую силу, в то же время не могла признать за ним право на имущественную и территориальную реабилитацию, опасаясь негативной реакции руководства национальных республик и обострения межэтнических отношений. Таким образом, идея возрождения казачьих войск с земельными фондами и социальными привилегиями изначально была неосуществима.

С установлением власти Советов казачья культура оказалась под ударом, некоторые традиции и обычаи были преданы забвению, утрачены. Кроме того, с возникновением казачьих организаций в конце XX столетия в движение возрождения были вовлечены люди, не имеющие в своей родословной казаков. Следовательно, шел процесс «конструирования культурных характеристик казачества» [7, с. 308]. К сожалению, некоторые ученые считают, что фактически казачество из этносоциальной общности превратилось в одну из форм общественной организации, а не структуры: «Историко-культурный контекст в такой организации сведен к минимуму, а наиболее значимым становится выполнение членами казачьих обществ определенных функций, трактуемых как государственная служба» [7, с. 310].

На протяжении многих лет власть не может выработать четкого отношения к вопросу путей развития казачества, его перспектив. Парадокс заключается в том, что основополагающий закон о казачестве, в котором бы четко было определено его место в общественной жизни страны, где говорилось бы, в частности, о сохранении казачьих традиций, до сих пор не принят. Во главу угла нужно ставить именно этнокультурное развитие казачества, поскольку соблюдение казачьих традиций позволяет сохранить особый уклад жизни

и устойчивое функционирование данной этносоциальной общности. Этот вопрос приобретает особую значимость для терских казаков, на протяжении веков живущих в иноэтничном окружении.

Некоторые зарубежные исследователи, признавая казачество уникальной этносоциальной общностью, указывают на ревностное отношение казаков к своей идентифицирующей особенности. Одной из ее составляющих является социальная миссия, казаки борются за ответственность в поддержании общественного, военного и морального порядка. Тем самым этот дискурс раскрывает специфическую аутодефиницию, «настойчиво требующую автохтонного статуса на базе древности присутствия казачества и некой аккультурации, культурного обмена, которые характеризуют связи, сотканые с момента завоевания между некоторыми казаками и частью горцев» [1].

Казачество Юга России, несмотря на отсутствие единства во взглядах по вопросам стратегии социально-экономических преобразований, имеет одну общую цель – модернизацию казачьей жизни при сохранении своеобразного уклада жизни, самобытных, уникальных черт, характерных только для данной этнокультурной общности.

L. V. Sofyan

“Archetypes” of social memory of the Terek Cossacks and their stream

Moscow house of nationalities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Assessment of the role of Cossack organizations in addressing the challenges they face military, political, socio-economic and cultural nature in the North Caucasus is acquiring a special urgency today. Of particular interest is the study of its social nature and role in the modern political situation in the multiethnic structure of the population of the region. But its understanding is necessary of the history, the analysis of the events that changed radically the life of the third in the twentieth century.

It is important to understand what were the prospects for the Cossack revival movement in the early 1990-ies. What really was a process of rebirth? And what was its specificity in the North Caucasus? The purpose of the study is to identify the range of ethno-political and ethnocultural problems in the development of the Terek Cossacks and understand how the modernization of the Cossack life to preserve a kind of life style, distinctive features, characteristic only for the given ethno-cultural community. **Keywords:** *historical memory, identity, historical-cultural tradition, ethno-social community.*

Источники и литература

1. Aude Merlin Russes et Caucasiens à la fin du XXe siècle. Identités et territoires. URL: http://www.persee.fr/doc/receo_0338-0599_2003_num_34_4_1630.
2. Голованова С. А. Образ жизни казачества: социокультурные характеристики // Вопросы казачьей истории и культуры: сб. науч. ст. Вып. 5: Материалы науч.-практ. конф. «История, современное состояние, перспективы развития культуры российского казачества. Майкоп: 2010.

3. Изюмов А. И. Казачество в начале XX века // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999.
4. Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества: сборник. М.: Собрание, 2007.
5. Материалы этнографической экспедиции. Северный Кавказ, станица Незлобная, Предгорный район Ставропольского края, сентябрь 2016 г.
6. Казачество под большевистским знаменем // Передовая Правда. 1936. 18 февр. Пятигорск: Сев.-Кавк. краев. гос. изд-во, 1936.
7. Рвачева О. В. Казачество Юга России в конце XX — начале XXI веков: возрождение или конструирование социального феномена? // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тез. Всерос. науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Изд-во Южного научного Центра (ЮНЦ) РАН, 2010.
8. Саянский Л. В. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. М.: Тип. акц. о-ва «Моск. изд-во», 1915.
9. Скорик А. П. Казачество Юга России в эпоху коллективизации. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2011.
10. Скорик А. П. Казаки: идея, история и национально-политическая практика // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: всероссийская научно-практическая конференция, (апрель 2014 г., г. Армавир). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014.
11. Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ), 2009;
12. Таболина Т. В. Казачество как историко-культурная традиция // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2007.

Список авторов

Аблажей Наталья Николаевна — д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории СО РАН; доцент, Новосибирский национальный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация. ablazhey@academ.org

Болокина Любовь Александровна — канд. ист. наук, доцент; доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Российская Федерация. bolakinal@mail.ru

Бондаренко Лилия Александровна — методист музея, ГБУ ДОД «Волгоградская станция детского и юношеского туризма и экскурсий», г. Волгоград, Российская Федерация, muzeidetstva@yandex.ru

Жанбосинова Альбина Советовна — д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории Казахстана, директор НИЦ Алтайтану, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, sovetuk@rambler.ru

Красильников Сергей Александрович — д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник, Институт истории СО РАН, проф., Новосибирский национальный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация. krass49@gmail.com

Клюева Вера Павловна — канд. ист. наук, ведущий науч. сотрудник, Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), г. Тюмень, Российская Федерация. vormpk@gmail.com

Матлин Михаил Гершенович — канд. филол. наук, доцент; доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»; научный сотрудник, ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области», г. Ульяновск, Российская Федерация. matlin@mail.ru

Рафикова Светлана Анатольевна — д-р исторических наук, профессор кафедры истории и гуманитарных наук Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск). Красноярск, Российская Федерация. svet4786@yandex.ru

Софян Лиана Ваграмовна — специалист отдела культурно-просветительской работы и межрегионального культурного сотрудничества, ГБУ «Московский дом национальностей», аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. suzuki_liana666@inbox.ru

Харатян Грануш Сергеевна — канд. ист. наук, ведущий науч. сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Республика Армения. hkharatyan@iea.am; hkharatyan@gmail.com

Шагоян Гаяне Арутюновна — канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, отдел антропологии современности Института археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Республика Армения. gayashag@yahoo.com

Широкалова Галина Сергеевна — д-р. социол. наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государ-

ственная сельскохозяйственная академия», г. Нижний Новгород, Российская Федерация. *shirokalova@list.ru*

Щеглова Татьяна Кирилловна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, ФРГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», Барнаул, Российская Федерация. *tk_altai@mail.ru*

Список сокращений

АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины (разговорное название 17-го женского лагерного специального отделения Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области, Казахстан; 1938–1953). В Астане (Казахстан) создан Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР»

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия (с 2008 г.)

АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет (с 2013 г.)

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АП РК – Архив Президента Республики Казахстан

АрмССР – Армянская Советская Социалистическая Республика

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет (с 1993 г.),

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВМИОН – Воронежский межрегиональный институт общественных наук

ВГТРК – Воронежская государственная телевизионная и радиовещательная компания

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАВКО – Государственный архив Восточно-Казахстанской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГБУ – государственное бюджетное учреждение

ГБУ ДОД – государственное бюджетное учреждение дополнительного образования детей

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

ДВД ВКО – Департамент внутренних дел Восточно-Казахстанской области

ЕУСПб – Европейский университет Санкт-Петербурга

ЗАГС – Запись актов гражданского состояния

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук

- Испарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), научно-исследовательское учреждение, занималась сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. Как самостоятельное учреждение действовала в 1920–1928 гг., а региональные отделения — до 1939 г.
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь. В СССР в 1929–1956 гг. — одно из мест отбывания наказания в виде лишения свободы
- ИЦ УМВД по АК — Информационный центр УМВД по Алтайскому краю
- КубГТУ — Кубанский государственный технологический университет
- МВД СССР — Министерство внутренних дел
- МГБ СССР — Министерство государственной безопасности
- МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
- МКУИ — Московский клуб устной истории
- МНФ — Московский народный фронт, общественно-политическая организация в Москве в 1988–1990 гг. Был создан с целью реформирования СССР.
- НАА — Национальный архив Армении
- НАН РА — Национальная академия наук Республики Армения
- НА РА — Национальный архив Республики Армения
- НИПЦ «Мемориал» — научно-исторический и просветительский центр «Мемориал» (НИПЦ «Мемориал»)
- НКВД СССР — Народный комиссариат внутренних дел
- НЛО — Новое литературное обозрение (издательство)
- ОГБУК — областное государственное бюджетное учреждение культуры
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет
- РАИЖИ — Российская ассоциация изучения женской истории (председатель — д-р ист. наук Н. Л. Пушкарева)
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
- УМВД — управление Министерства внутренних дел
- ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
- ЦИК — Центральный исполнительный комитет
- ЦУИиЭ — Центр устной истории и этнографии

ЦФ РАП — Центральный филиал Российской академии правосудия

ЧелГУ — Челябинский государственный университет

ЧК/ГПУ НКВД (ЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ) — ГПУ — Государственное политическое управление НКВД РСФСР. Создано 6 февраля 1922 г. ВЦИК ВКП(б), заменило ВЧК (всероссийскую чрезвычайную комиссию). В ноябре 1923 г. Президиум ЦИК СССР создал Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В 1946 г. НКГБ был преобразован в Министерство государственной безопасности (МГБ). 13 марта 1954 г. создан Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР (КГБ СССР; КГБ РСФСР). Современное ФСБ — Федеральная служба безопасности.

ИЕНА — International Economic History Association (Международная ассоциация экономической истории)

ИОНА — International Oral Association History (Международная ассоциация устной истории)

Оглавление

Щеглова Татьяна Кирилловна

От редактора: историческая память, устная история (oral history), этно-
графия и культурная антропология 3

Часть 1

История и методология устной истории

Аблажей Наталья Николаевна

Реконструкция поселенческой системы армянской ссылки на Алтае
методами традиционной и устной истории 7

Жанбосинова Альбина Советовна

Фрагменты устной истории из архивных материалов политических ре-
прессированных. 21

Рафикова Светлана Анатольевна

Устноисторические источники как способ оживления Истории 34

Шагоян Гаяне Арутюновна

Видеозапись устной истории как источник и метод исследования ста-
линских репрессий в Армении 45

Щеглова Татьяна Кирилловна

Становление и развитие российской устной истории (oral history) в
1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной
жизни России и в сравнении с международными традициями устной
истории 60

Часть 2

Антропология репрессий: травматические места в исторической памяти

Аблажей Наталья Николаевна

Тема османской и советской депортаций в коллективной памяти ар-
мян-репатриантов 107

Красильников Сергей Александрович

Две ссылки в одной 116

Харатян Грануш Сергеевна

Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение
памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей
памяти (на примере Геноцида армян). 126

Часть 3

Военная антропология: повседневные практики в военной обстановке

Болокина Любовь Александровна

Устные свидетельства очевидцев событий Великой Отечественной войны как исторический источник 155

Бондаренко Лилия Анатольевна

Травмирующее воздействие войны и адаптации детей Сталинграда 165

Матлин Михаил Гершонович

Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья 177

Часть 4

Антропология советскости

Клюева Вера Павловна

Портрет физика в советском интерьере: ограничения и преимущества устной истории 193

Широкалова Галина Сергеевна

Прошлое в настоящем: с ностальгией о реальном или мифическом? 204

Часть 5

Устная история как метод и источник культурной антропологии

Софян Лиана Ваграмовна

«Архетипы» социальной памяти терского казачества и их трансляция. 225

Научное издание

Устная история (Oral history)
в современной исследовательской практике
на постсоветском пространстве

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 90×60/16. Усл. печ. л. 14,9.
Тираж 300 экз. Заказ № 456

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
656049, Барнаул, уг. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а,
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru